Центр Консервативных Исследований Кафедра Социологии Международных Отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Четвертая политическая теория

Материалы семинара политология и политика в современном мире

Выпуск №1

МГУ 2011

УДК 32.1 ББК С.5.6.13.2

Печатается по решению кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Главный редактор:

Профессор, докт. полит. наук Дугин А. Г.

Научно-редакционная коллегия:

Иванов

Петров

Сидоров

Джонс

Бжезинский

© авторы

© иллюстрации на обложке Дмитрий Скляров

Адрес Центра Консервативных Исследований:

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73 E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра - профессор Дугин Александр Гельевич

Координатор Центра - Тюренков Михаил Анатольевич

СЕМИНАР № 1

Экономическая модель четвертой политической теории

- Экономико-геополитическая концепция
 И. Валлерстайна
- Динамика дромократии и политический гиперреализм
- Финансовые предпосылки четвертой политической теории
- Пространство как социальный продукт.
 Теория спатиализации Анри Лефевра»
- Экономические и географические факторы в мир-системном подходе Фернана Броделя
- Экономический «заговор» Второго мира в терминологии Валлерстайна

Общий обзор семинара. Предмет исследования, цели и задачи проведения семинара

Семинар «Экономическая модель четвертой политической теории», состоявшийся 7 сентября 2010 года, был посвящен проблемам формулирования экономической концепции, которая бы соответствовала новой политической теории вне утративших свою релевантность традиционных моделей либерализма, фа-

шизма и социализма – основных политических теорий XX века.

Эту экономическую модель только предстоит создать, отталкиваясь как от непредвзятого изучения окрунас социальной реальности, определенных мировоззренческих констант, которым должна эта модель соответствовать. Эти константы никоим образом не определяют наше отношение к предмету исследования и в процессе познания и построения мыслительных конструкций выступают лишь в качестве мировоззренческих ориентиров, определяющих практическое значение познания. В качестве таковых ориентиров можно отметить прежде всего принцип плюральности, отрицание мировоззренческого универсализма, утверждение в качестве позитивной ценности многообразия народов и культур.

Экономическая доктрина четвертой политической теории должна быть направлена на поощрение разнообразия как в теоретической сфере, сфере экономических доктрин и концепций, критически осмысливая претензии

любой доктрины на универсальное значение и последний смысл, истинность для всех, так и в практической, содействуя построению многополярного мира, формируя его хозяйственный базис, как мира, основанного на многообразии и сохраняющего и поддерживающего это многообразие.

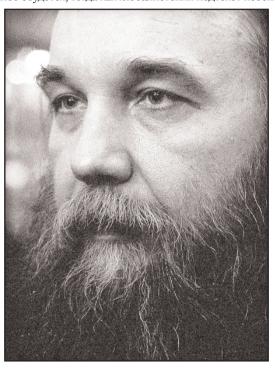
Главный доклад

В качестве основного доклада на семинаре профессор А.Г. Дугин прочел доклад, посвященный экономико-геополитической концепции американского неомарксиста Иммануила Валлерстайна. Кратко концепция Валлерстайна может быть сведена к набору следующих положений:

- 1. Пространство капитализма социальное пространство, пространство социальных связей, совпадающее в топике Вал-
- лерстайна с пространством географическим, которое есть в масштабах всего земного шара пространство социально организованное, социально оформленное.
- 2. Выделяя в качестве основных критериев экономические и, следовательно, экономические связи связи производства, обмена продуктами производства, распределение капитала и пр. мировое социальное пространство (мир-система) может быть разделено на Центр, Периферию и Полупериферию (или Промежуток). Первая категория богатые страны, где происходит концентрация капитала, вторая стремительно нищающий Третий мир, третья прежде всего страны современного БРИК.
- 3. Исходя из экономических критериев, воспринятых через марксистскую призму (прежде всего, анализа концентрации капитала в Центре и переноса производства на периферию, так что Центр становится «глобальным капиталистом», а Периферия пролетариатом), Валлерстайн в соответствии с теорией Маркса о неизбежном разделении общества на два больших класса буржуазию и пролетариат постулирует тезис о Промежутке как временном, остаточном явлении (подобно крестьянству или аристократии на заре индустриальной
- эры). Прогрессивное развитие общественных отношений должно его ликвидировать. Элиты имеют шанс войти в состав мировых интернационализированных элит центра, а массы в состав периферийного Пролетариата.
- 4. Только после этого возможно революционное развитие событий, которое опрокинет капиталистическую мир-систему.

Подобная модель, отмечает профессор Дугин, при всей ее непротиворечивости и альтерглобалистской «революционности» не является в то же время действительной альтернативой, на практике защищая процессы ликвидации самостоятельности национальных элит, а значит, и национального суверенитета государств. Будущая революция маячит в качестве призрачной цели и ничто, кроме грубого переноса Марксовой модели анализа национальных экономик XIX столетия на реальность глобального капитализма XXI века, ее не подтверждает. Теория Валлерстайна выступает в качестве левого варианта глобализма, в отношении которого существуют

серьезные сомнения, что его левая, революционная составляющая когда-либо сбудется, тогда как глобалистский подтекст неоспорим.

Предложения по итогам главного доклада:

Предлагается развернуть экономическую модель четвертой политической теории исходя из положения о неслучайности «Полупериферии», о ее самостоятельном статусе, собственной онтологии. Расслоение Полупериферии может быть воспринято не как необходимый процесс, а как результат сознательного выбора. Элиты и массы могут выбрать альтернативу, заключающуюся в своеобразном пакте во имя плюральности, многополярного мира и собственной цивилиза-

ционной и организационной суверенности. Только таким образом может быть спасено уникальное содержание не только Полупериферии, но и всего мира как плюриверсума, которое не сводится только к экономическим, товарным, финансовым отношениям.

Следовательно, экономическая модель четвертой политической теории должна предполагать этот пакт в качестве одной из своих основных идей.

Вспомогательные доклады

Следующие доклады должны были развить положения доклада профессора Дугина, равно как и наметить новые принципы, которые составили бы скелет экономической составляющей четвертой политической теории.

Дромократия

Доклад главного редактора портала «Геополитика. Ру» Леонида Савина был посвящен совмещению взглядов Валлерстайна с концепцией французского социолога Поля Вирильо. Последний уделяет большое внимание понятию скорости, создавая концепт «дромократии», власти, основанной на скорости,

под которой понимается скорость социальных и информационных потоков, скорость оборота капитала, скорость как составляющая технического и военного успеха. Дромократия, образуя дромосферу, ведет к смене времени-материи на время-свет виртуальной реальности, вязкой и изменяющей сущность длительности, вызывающей искажение времени и ускорение всех реальностей: от живых существ до вещей и

социокультурных явлений. Все это приводит к угрозе попадания людей в социокибернетику, когда управление жизнями будет отдано машинам. Постоянная погоня, соревнование, подстегивающее государства к еще большему ускорению, ведет современное общество общего победившего либерализма к коллапсу, однако фактор скорости не может быть просто сброшен со счетов, ибо это фактор соперничества в геополитическом плане, а значит фактор победы или поражения.

Вывод, какой может быть сделан из этого доклада, применительно к общей структуре семинара — существует необходимость поставить

скорость под контроль на практике и учета этого фактора в теоретических обобщениях. Разрушительный монотонный процесс, воплощенный в дромократии говорит о необходимости поиска альтернативы ей.

Революция денег и скорость оборота

Экономический эксперт портала Геополитика Кирилл Мямлин рассказал в своем докладе о денежной революции как об одном из главных моментов четвертой политической теории. Денежные отношения в настоящее время развиваются таким образом, что на горизонте стоит переход от двухкомпонентной денежной системы (электронно-бумажной), к однокомпонентной – электронно-счетной. Этот процесс начался в Японии, к нему проявляют интерес и в Европе. Контроль над деньгами означает контроль над обществом, но в настоящее время контроль над электронными деньгами и реальная эмиссия электронных счетных денег находится в руках частных банков. При таком положении вещей переход к новой однокомпонентной системе закрепит их господство, оттеснив государства руля денежного управления. ΟТ

Единственный способ помешать этому — поставить под контроль государства выпуск счетных денег. Счетные деньги могут существовать и в форме денег с демерреджем, то есть денег, имеющих отрицательный доход. Хранение таких денег бессмысленно, а потому их использование многократно увеличивает денежный оборот, стимулируя развитие экономики.

Исходя из принципа дромократии, нетрудно предположить, что контроль за счетными деньгами имеет самое непосредственное отношение к контролю и управлением скоростью. В рамках четвертой политической теории контроль за счетными деньгами оказывается важным не только с точки зрения сохранения реальной независимости государств от транснациональной банкирской корпорации, но и как средство контроля за всепоглощающим принципом скорости и теми социальными изменениями, что сопутствуют дромократии.

Социальное производство пространства и мир-система

Доклад Михаила Мошкина был посвящен теории социального производства пространства французского философа и социолога Анри Лефевра. Как и Валлерстайн, Лефевр утверждает, что пространство, окружающее человека – всегда пространство социальное, а потому произведенное, созданное человеком. Непосредственное человеческое пространство создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования. По Лефевру, любой исторически-конкретный способ производства (рассматриваемый автором в оптике марксистской теории формаций) включает в себя определенные пространственные практики: типы распределения богатств, капиталов, людских ресурсов, а также способы организации семейной и общественной жизни в антропогенном пространстве города, села, или любого другого местообитания социальных групп. Каждая формация имеет свои пространственные практики, создаваемые теми, кто создает коды

и знаки, на основе имеющихся производственных отношений. Таким образом, существующая мир-система может быть рассмотрена в качестве пространства, произведенного данными нам глобально-капиталистическим отношениями. Данная структура пространства, стремящаяся разорвать Полупериферию и закрепить положение Периферии в качестве эксплуатируемого

объекта, может быть изменена при смене производственных отношений, экономических практик и репрезентативных практик, создаваемых «хозяевами дискурса». Соответственно, экономические изменения должны сопровождаться изменениями символическими.

Созвездие мир-систем как выход из глобальной мир-системы

Аспирант Социологического Факультета МГУ Андрей Коваленко в докладе, посвященном Фернану Броделю, остановился на его понимании мир-систем, которое существенно отличалось от того, что предлагают ученые, развивавшие его идеи, в частности Валлерстайн. Мир-экономика по Броделю это «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство». Глобальной мир-экономике может быть противопоставлен набор локальных мир-экономик, основанных на идее союзов-автаркий Фридриха Листа. Экономический выход из глобальной мир-экономики, поставленный выше, есть, и он заключается в выходе из данной системы и создания отдельных миров-экономик.

Необходимость разделить Третий и Первый миры – задача Второго мира

Главный редактор ИА портала «Евразия» Валерий Коровин остановился на следующих моментах экономики, связанных с мировым финансовым кризисом:

• Кризис произошёл во многом из-за перегрева фондового рынка: виртуальные электронные активы многократно превысили не только объём реально производимой продукции, но и объём бумажной денежной массы. В связи с этим «бесконечный рост», на котором основана современная экономика, остановился, что привело к резкому обвалу фондовых рынков. Объём виртуальной денежной массы схлопнулся.

• «Бесконечный рост» современной экономики обеспечивается перманентным вовлечением в неё всё новых участников. В основном за счёт «второго» и «третьего» мира. Когда скорость вовлечения замедляется, рост мировой экономики, сконцентрированной по Валлерстайну в Центре, т.е. на Западе, в первом мире — соответственно замедляется.

Для создания мира, построенного по законам «второго мира» (для сохранения второго мира) Полупериферии необходимо встать между первым и третьим миром, изолировав

их друг от друга. В этом случае «бесконечный рост» экономики Центра остановится, т.к. остановится вовлечение новых игроков в этот процесс. Центру станет просто некого эксплуатировать, а его экономика лишится подпитки. Таким образом, «второй мир» не даст экономике «третьего мира» далее интегрироваться в постэкономику Постмодерна.

- Осуществляя изоляцию центра и вступая в итоговый сговор, страны второго и третьего мира переводят мировую экономику на иные рельсы, переходя от финансового (виртуального) роста к хозяйственному (материальному). Центр же остаётся со своими виртуальными активами, выведенными за скобки хозяйственного роста, без производства и технологий.
 - В результате мы получаем:
 - а. Уход от привязки к фондовым рынкам
 - b. Пространство хозяйственной экономики Второго и Третьего мира вместо виртуальной постэкономики
 - «Первого мира».
 - с. Сохранение «Второго мира».
 - d. Конец тотальной доминации капитала.

Прения

По итогам прений к основным положениям озвученным в ходе докладов были добавлены следующие идеи:

Deconexion цивилизационных пространств

Руководитель Евразийского Союза Молодежи Александр Бовдунов отметил, что необходимость выхода из глобальной мир-системы, отделения от мировых центров постулируется в рамках самого мир-системного подхода, прежде всего в концепции Самира Амина deconexionn (отделения). Концепция Амина как доказательство многовариантности внутри самого мир-системного подхода позволяет рассматривать его в качестве дискурса с широким разнообразием сценариев, а потому и он может найти свое место в экономическом осмыслении Четвертой политической теории.

Неэкономические факторы выделения БРИК

Также были отмечены, прежде всего, неэкономические факторы выделения БРИК, и Полупериферии как стран связанных общностью цивилизационных параметров, среди которых главные, как отмечает российский исследователь замдиректора ИЛА РАН Б.Ф. Мартынов:

- наличие «имперского» (государственнического) настроя населения, которое связывает свое благополучие с усилением международного влияния своей страны;
- стремление принять на себя возрастающую долю ответственности за международные дела;
- осознание своей «цивилизационной миссии» в ближайшем геополитическом и геоэкономическом окружении;
- стремление к установлению многополюсного миропорядка на принципах равноправия, предсказуемости и порядка; уверенность в необходимости пересмотра ценностной основы существования человечества, отказа от безграничного потребительства, крайностей индивидуализма и морального релятивизма;
- нацеленность на создание глобальной культуры экологизма, коллективизма и духовности.

Заключение

Суммируя вышесказанное, контуры экономической концепции Четвертой политической теории могут быть обозначены следующим образом:

1. Рассматривая мир-систему как социальное пространство, мы как представители стран полупериферии осознаем, что нам в ней нет места.

Полупериферия обречена согласно логике Валерстайна исчезнуть. Цель стран полупериферии - сохраниться, не распавшись в глобальной поляризации на глобальный капитал и глобальный пролетариат, предлагая тем самым плюральную альтернативу правому и левому глобализму и сохраняя собственное культурное и политическое своеобразие.

2. Альтернатива, своеобразие, цивилизационная схожесть основных параметров, нацеленность на рассмотрение мира как плюриверсума являются реальным и главным признаком, объединяющим Полупериферию, вне нестабильных и изменяющихся экономических показателей. Это со-

держание должно быть сохранено, более того оно должно стать основой той, альтернативы, которая его и сохранит.

- 3. Чтобы сохранить свою самость Полупериферии, необходим пакт масс и элит и отход от либеральных, глобализующих принципов в экономике.
- 4. Необходимо создание нового социального пространства, так как существующее с необходимостью разрывает страны Полупериферии. Ключ к изменению пространственных практик в изменении экономической практики (о чем говорилось и в предыдущем пункте) и практики репрезентативной, то есть в сфере производства знаков, создания дискурса, в том числе пространственного.
- 5. В процессе производства нового социального пространства, важными моментами являются как отсоединение от существующей мировой системы, так и формирование новых, отдельных «мир-систем».
- 6. Динамика дромократии вносит существенные коррективы в это процесс, скорость должна учитываться, как один из ведущих принципов, определяющий внутреннее содержание процессов современности. В экономической сфере, скорость, прежде всего, скорость оборота денежной массы, электронных счетных денег и денег с демерреджем должна быть поставлена под контроль государства, что выражается в контроле государства над банковской сферой и эмиссией электронных денег. Рост должен превратиться в инструмент стран Второго Мира, в их борьбе за су-

ществование, но не в самоцель. Важно сохранить инструменты управления им в руках государства.

Стратегия стран Второго Мира должна заключаться в собственной автономизации, отделении от эмиссионных центров, глобальных центров и последующем взаимодействии со странами Мира Третьего, отрыве его от ничего не производящей, эмиссионной виртуальной экономики Центра.

Динамика дромократии и политический гиперреализм

Леонид Савин главный редактор журнала "Геополитика" и аналитического портала "Геополитика.py" e-mail: savin@evrazia.org

В своих работах, где рассматривается концепция миросистемы, И. Валлерстайн не дает ответа на текущие вызовы и будущую перспективу. Он указывает, что "мы вступили в кризис этой системы..., само направление системы не ясно. Фаза рецессии и застоя все более отражается в социальном волнении». Он также отмечает, что «происходит процесс бесконечного накопления капитала, что приводит к структурно хаотической ситуации".

Валлерстайн указывает, что либерализм обязательно ожидает коллапс, так как "истинное значение краха коммунизма — это финальный коллапс либерализма как главенствующей идеологии".

Кроме того, при рассмотрении исторической перспективы зарождения миросистем у Валлерстайна нет ясного объяснения, почему именно так происходило разделение труда, формирование способа производства в определенном регионе и отношения производителей и торговцев региона к мировой экономике. Обратная связь — как положение государства влияет на его устройство — также достаточно не освещалось.

Исторический социолог Чарльз Тилли в связи с этим отмечает, что такое "легкое" государство, как Нидерланды, находясь по соседству с тяжеловесными державами, было вполне конкурентным на определенном этапе истории.

Очевидно, что с XVI века, который, по мнению ряда авторов (Валлерстайн – в их числе), являлся началом процесса глобализации, в Европе ряд преимуществ был на стороне тех сил, которые имели более высокую скорость. Реформа французской армии, которую провел Наполеон, была связана с переходом на более быстрый маршевый шаг. Аналогично экономические преимущества были связаны с

мобильностью. После изобретения в 1595 г. в Голландии нового типа парусника корабли этой страны были наиболее мобильными и быстроходными, а Испания даже фрахтовала эти суда для перевозок. Скорость информации стала приобретать все большее значение и была связана с политической и экономической манипуляцией (особенно после появления биржи).

У Валлерстайна вопрос скорости политических изменений был связан с тремя основными идеологиями. Первой был консерватизм, который отвергал новые идеи и считал их морально вредными. Второй

– либерализм, который стремился к минимуму социальных потрясений и максимально возможной управляемости. При этом, по мнению Валлерстайна, либералы утверждали, что освобождение для специалистов – хорошо, но для простых людей – опасно (разделение на элиту и охлос). Третьей идеологией являлся социализм, поборники которого отмечали неизбежность и желательность прогресса. Если либералы были сторонниками реформ сверху вниз, то социалисты настаивали на обратном – реформах снизу. Нужно отметить, что Валлерстайн обозначил либерализм как «средний путь», согласно которому реформы должны были происходить не быстро (как у социалистов) и не медленно (как у консерваторов), но с правильной скоростью.

Вопрос скорости мало поднимался в политическом и социальном дискурсе, хотя очевидно, что этот феномен имеет огромное значение как в отношении реалполитик, так и в отношении широких социальных, общественных и реформационных процессов. После известной апории Зенона об Ахиллесе и черепахе (которая возникла на основе «Илиады» Гомера, где описывается погоня Ахиллеса за Гектором), эта тема мало осмыслялась критиками современности, которые предпочитали говорить об отчуждении и технической культуре (Ги Дебор, Хайдеггер, Юнгер и др.)

Вопросу взаимосвязи скорости и политики посвятил одну из своих работ современный французский философ Поль Вирильо. Согласно Вирильо, политическая жизнь детерменирована пространственной мобильностью масс. Он указывает, что городская концентрированная экономика являлась наиболее эффективным средством обеспечения обороны и снабжения военных,

как следствие — включение в буржуазное общество военных и инженеров как класса. При этом с развитием технологий возрастает значение скорости. Как известно из конфликтов, важным становится контроль над пространством и системами коммуникаций, особенно морских путей. Происходит социальное разделение на тех, кто имеет доступ к скорости и тех, кто в этом ограничен. Дромократия (термин, введенный Вирильо — от древнегреч. «дромос» — быстрый, бег) становится политикой государств и формулирует закон — статика = смерть. В эпоху модерна это вынудило государства с различными идеологиями

занять позицию гиперреализма.

Гиперреалисты усматривают в межгосударственных взаимоотношениях бесконечный цикл повторений. Лля них конфликты конкуренция между государствами не могут быть преобразованы в мир и дружбу (кроме как временного союза против общего противника), поэтому лучшими инструментами являются угрозы и применение насилия, из-за чего они считают, что самый верный способ достичь мира и стабильности - это накопление во-

И. Валлерстайн

енной силы и готовность к ее применению. Кроме того, гиперреалисты отклоняют возражения своих оппонентов по поводу безудержных расходов на вооружения, а также высказывают сомнение относительно роли институций, законов и соглашений. Для гиперреалистов в международных отношениях в счет берется только власть и сила; все остальное — иллюзия.

При этом война обязательно наступает, когда конкурирующие государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком сильной, либо слабой. Следовательно,

агрессия в отношении своих соседей, если вопрос касается территориальных споров или каких-либо других противоречий, гиперреалисты считают не только допустимой, но и необходимой.

В свете известных политических теорий видно, что фашизм (национал-социализм) был наиболее склонен к развитию максимальных скоростей (массовое развитие автотранспорта, доктрина молниеносной войны при режиме НСДАП), марксизм реагировал на динамику капиталистического общества, а оно в свою очередь, учитывая первоначальное накопление, стремилось к переходу на новый уровень скорости. Не случайно Вирильо отмечал, что "война перешла со стадии действия на стадию концепции" – понимание врагом ситуации, когда для применения в действие современного оружия нужны считанные минуты, вылилось в политику взаимного сдерживания, блокирования и устрашения. И в последнее время в либерально-капиталистическом обществе формируется культура потребления безопасности, – ее уро-

вень связан с правами и свободами граждан, а искусственная нужда в защите позволяет власти проводить манипуляции.

Если четвертая политическая теория будет основана на влечении к скорости, она повторит ошибки своих предшественниц. И в глобальном масштабе высокая скорость роста всеобщего потребления неминуемо приведет к коллапсу, о котором говорил Валлерстайн. Но наличие оппонента также говорит о необходимости выдерживать определенные скорости — как в виртуальном, так и в реальном пространстве.

Вирильо говорит и о ряде рисков, связанных с новой скоростью. Во-первых, глобальная взаимосвязь информационных систем в мире создает дромосферу. Далее, вместо глубинного времени, обнаруженного несколько столетий назад, приходит реальность-эффект. Время-материя уступает место свету виртуальной реальности, вязкой и изменяющей сущность длительности, вызывающей искажение времени и ускорение всех реальностей: от живых существ до вещей и социокультурных явлений. Все это приводит к угрозе попадания людей в социокибернетику, когда управление жизнями будет отдано машинам. Об этом также говорил Мартин Хайдеггер, указывая на опасность зависимости от техники. В политической сфере уже заметны подобные тенденции, — в частности в избирательной системе Западных стран применяется так называемая вирту-

альная демократия, при которой значение имеет скорость оглашения результатов. Вирильо в этом контексте перефразирует Маршалла Маклюэна: «Сообщение – это не средство, а всего лишь его скорость».

Далее, согласно Вирильо, с потерей интервалов времени, постоянным feedback, пониманием глобального как внутреннего, а локального как внешнего и периферии происходит глобальная делокализация,

Семинар №1 Экономическая модель 4 ПТ

которая оказывает значительное влияние на социальную идентичность. Вирильо говорит о появлении метрополитики, которая имеет глобалитарный характер и подавляет подлинную геополитику населения, которая ранее была гармонично связано с территорией. При этом резкое снижение темпов, что могло бы изменить мировую ситуацию, вряд ли возможно, так как информационная бомба (что ничего уже не изменить), по мнению Вирильо, уже заложена в сознании.

В контексте трех миросистем Валлерстайна – ядро, полупериферия, периферия – в рамках выработки Четвертой политической теории

необходим тщательный анализ скоростей, которые проходят в этих миросистемах, их взаимного влияния и векторов направления. И, как показывает опыт, связанным с разрешением конфликтов, когда объективные причины указывают на невозможность решить проблему, необходима человеческая изобретательность, с помощью которой будет окончательно упокоен либерализм и выработана новая и адекватная модель мироустройства.

Библиограифя:

- 1. Теория глобализации. http://konservatizm.org/konservatizm/geopolitika/101209052619.xhtml
- 2. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства 990-1992 гг. М.: Территория будущего, 2009 г. с. 35.
- 3. Шмитт К. Земля и море. // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1999 г.
- 4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- 5. Virilio P. Vitesse et politique: essai de dromologie. Paris, Galilée, 1977.
- 6. Chellaney B. Securing India's Future in the New Millennium. New Delhi: Orient Longman, 1999. p. xviii.
- 7. Virilio P. The Information Bomb. London: Verso, 2005.

Финансовые предпосылки четвертой политической теории

Кирилл Мямлин экономический эксперт портала «Геополитика.pv»

За время существования человечества было изобретено лишь три вида управления обществом - силой, религией (идеологией) и с помощью денег. С развитием человеческого общества эволюцио-

нировало и его управление, роль денег в истории возрастала постоянно, и сейчас их значение стало тотально определяющим, практически подменив собой другие способы управления. При этом, с одной стороны, завышенная роль денег в управлении оборачивается их тоталитаризацией; с другой стороны - нельзя сказать, что деньги сами по себе вредны. Более того, нарушения в денежной системе несет в себе разрушение механизма общественной и экономической жизни.

Попробуем разобраться, что нужно изменить в системе, чтобы деньги не управляли поведением человека, а лишь послушно служили ему, помогая гармонично развиваться личности и обществу.

Пользу денег для развития полноценного общества отрицать не стоит, но польза не в их количестве, а в системе функционирования денежной системы - без нее никакие природные богатства не принесут обществу должной пользы.

Значение, формы и технологии денег постоянно менялись. Во времена Адама Смита и Маркса считалось, что деньги есть некий особый товар для обмена – мерило стоимости. В качестве денег использовался материальный продукт - золото, со стоимостью добычи которого сравнивались стоимость.

Имея в своей основе информационную природу, деньги традиционно были связаны с рядом материальных носителей (информация может быть размещена на различных носителях). Записанную информацию можно передавать в любое время и на любые расстояния.. Форма носителя информации соответствует возможностям эпохи.

С течением времени деньги изменили свою форму - сначала они стали бумажными и их производственная стоимость уже не имела ни-какого отношения к их меновому эквиваленту. Затем деньги превратились в числа в банках данных, и для того, чтобы создать, хранить или переслать десять или триллион «денег», требуются одинаковые материальные затраты. Товарностный характер бумажных, тем более электронных, денег утерян. Но количество функций денег значительно увеличилось. Они превратились в специфичную информацию, которая наряду с письменной и устной информацией стали осуществлять связь в обществе.

Правовое государство - это управления обществом через слово. Такое государство возникает при условии небольшого гомогенного населения. Когда общество велико, в нем усложняются связи и на смену приходит новый тип организации общества — через денежную сферу, а не через слово, приказ или закон. Но в условиях функционирования кредитных денег (с его функцией бесконечного накопительства) системная ошибка, заложенная в их природе, привела к тому, что деньги стали законом, формирующим философию общества.

Денежные революции и войны

«В экономических вопросах большинство всегда не право» Джон Кеннет Гэлбрейт Денежные системы бывают однокомпонентными и двухкомпонентными (В.Юровицкий). Так золотые деньги зародились в виде чисто однокомпонентных денег. С XVI века с резким увеличением товарооборота¹ стали

Джон К. Гэлбрейт

появляться бумажные заместители денег (долговые расписки), которые были удобнее - занимали мало места. Постепенно бу-

мажные денежные документы стали играть роль денег. Золотые деньги считались настоящими, бумажные документы стали «эрзац-деньгами».

К середине или к концу XVIII столетия деньги стали двухкомпонентными – т.е. получившие широкое распространение казначейские обязательства в любой момент могли быть обменены на золотой эквивалент. Эмиссия бумажных денег находилась в строгой пропорции к золотому запасу. При этом появление второй денежной компоненты (бумаги) сыграло и положительную роль, так как сразу увеличивало объем денег в несколько раз, что способствовало экономическому развитию Европы в XIX веке. Но рост производства стал таким бурным, что потребовалось еще больше денег. К концу XIX века вновь начинает ощущаться нехватка денежных средств, что привело к кризису неплатежей, называемым еще «кризисом перепроизводства» - но это было перепроизводство по отношению к имеющемуся платежеспособному спросу, во многом определенное денежной массой. При этом кредитные ресурсы

банков были также ограничены золотыми или бумажно-денежными резервами банка (счетные деньги находились еще только в зародыше). Просто напечатать больше бумажных денег государства не могли, так как объем денежной массы был привязан к количеству золота. Дополнительных доходов и золота с колоний было уже невозможно получить (их экономика и так эксплуатировалась на пределе возможностей), а новых колоний, «свободных» для колонизаторов, уже не было.

Так возник кризис начала XX века. Не осознавая до конца источник кризиса, государства начали вести политику, которая вылилась в Первую Мировую, потребовавшую от воюющих государств больших затрат. Был включен печатный станок, но увеличение бумажной денежной массы приводит к обесценению бумажных денег и резкому увеличению спроса на надежные золотые деньги. Воюющие государства остро нуждались в золоте для покупки вооружений за рубежом, где приходилось расплачиваться золотом. В этих условиях правительствам пришлось пойти на радикальную меру — отменить обмен бумажных денег на золото. Так был преодолен кризис недостатка денежной массы и произошла великая денежная революция переход на новые чистые однокомпонентные бумажные деньги

Этот же период связан с появлением ФРС США, ставшей на сегодня эмитентом глобальных денег.

При введении запрета обмена бумажных денег на золото говорилось, что это временная мера и после окончания войны золотой стандарт будет восстановлен. Но XX век стал веком бумажных денег. Переход на бумажные деньги дал цивилизационному развитию новые импульсы, позволив западной цивилизации окончательно перерасти в общемировую в течении нескольких десятилетий.

Таким образом, необходимость Первой Мировой войны с точки зрения высших цивилизационных интересов заключались в осуществлении денежной революции. Такой переход был невозможен в условиях мира, в первую очередь из-за косности мышления.

Переход на бумажные деньги, повлекший за собой резкое усиление роли и возможностей государства, породил менталитет этатизма. Отсюда появился не только социализм, но и фашизм, и «новый курс» Рузвельта, связанные с резким усилением роли государства. Здесь же лежит и причина смены «старой элиты» на обладающую «зловещим

интеллектуальным превосходством» (К. Поланьи),² которая была способна изменить свое восприятия и выработать необходимую систему знаний.

Современные деньги не имеют никаких эталонов (кроме швейцарского франка имеющего 40% золотое обеспечение), имея лишь ценовую информацию.

Денежная революция происходила в несколько стадий. Первая денежная революция решила проблемы в области внутренних денег, но область международных денег осталась свободной. Поэтому потребовалась вторая денежная революция, произошедшая в ходе Второй Мировой войны, которая решила проблемы международных финансовых взаимоотношений в условиях чисто бумажных денег. Так произошло становление нынешнего Мирового финансового порядка на основе международного использования нескольких национальных «свободно конвертируемых валют», где основную роль играют доллары США. Финальный переход на однокомпонентные деньги произошел в начале 70-х годов, когда США отказались от фиксированного золотообменного курса. Возросший спрос на международные расчетные деньги освободившихся от силового капитализма стран «третьего мира» был удовлетворен за счет западных бумажных «конвертируемых валют», ставших основой «финансового колониализма». Нужно отме-

тить, что масштабной мировой войны не произошло только из-за сдерживающей роли ядерного вооружения, но переход сопровождался многочисленными переворотами и первым опробированием «оранжевых технологий» в 1968 году на основании квазисиловой концепции «управляемого хаоса». Так был окончательно закреплен переход от менталитета этатизма к менталитету финансизма,

где основную роль в новой мировой финансовой ситуации стали играть частные банки. Но в экономике ничто не вечно, так постепенно возник кризис бумажных денег.⁴

Постулат перехода от одно- к двухкомпонентной денежной схеме:

- 1. Денежные системы рождаются в виде однокомпонентных (чистых) денег на основе единственного носителя денежной информации.
- 2. Постепенно внутри этой денежной системы зарождается вторая компонента на новом носителе.
- 3. Вторая компонента изначально зарождается в виде частных денег (денежных документов).
- 4. При определенном уровне использования второй компоненте придается статус государственных денег заместителей первой компоненты.
- 5. В ходе дальнейшего использования вторая компонента по объему начинает вытеснять первую.
- 6. Возникает общий кризис, связанный с конфликтом двух денежных компонент, сопровождаемые цивилизационными конфликтами, в процессе которых возникают вопросы о выживании народов и государств.
- 7. Происходит денежная революция, сопровождаемая военными конфликтами, уносящими миллионы жизней. Первая компонента отбрасывается, а вторая компонента становится главной, деньги вновь переходят в разряд однокомпонентных. ⁵

Таковы общие законы смены видов денег. Денежные революции (прежде всего от неверного понимания процессов), сопровождались конфликтами, уносящими миллионы жизней, но они рождали и новое глобальное мышление.

Так и после перехода на однокомпонентные бумажные деньги, повторился процесс их перехода в двухкомпонентные. В качестве второй компоненты появились так называемые счетные деньги - деньги, записанные на счетах в банке и переме-

щающиеся со счета на счет. Сначала счетные деньги имели в качестве носителя бумажные записи, затем они превратились в записи в банковских компьютерах, преобразовавшись в электронные деньги.

Электронные деньги - это деньги на новом информационном носителе. Они виртуальны, не имеют вещественного выражения и представляют собой всего лишь информацию, записанную в специализированных банках данных.

На сегодня объем использования безналичных денег в развитых странах составляет до 90%, в СССР по объему использования безналичного обращения был одной из самых передовых стран мира.

В настоящее время мировой финансовой системе нарастают противоречия между наличной и счетной компонентами. Счетные деньги находятся в частных банках, ответственность за которые государство практически не несет. С финансово-правовой точки зрения счетные деньги во всем мире являются частными деньгами (частными денежными электронными документами). В результате возникает правовая

коллизия - с одной стороны, государства пытаются регулировать использование наличных денег, всячески побуждая к всемерному использованию хорошо фиксируемых счетных денег, с другой стороны получается, что государства толкают людей хранить деньги в частных банках (основные операторы мировой финсистемы).

Абсолютно очевидно, что тот, кто сможет отказаться от наличных денег, запустит процесс денежной революции, в результате которой человечество вступит в новую цивилизацию. Япония уже объявила о программе полного перехода на чисто однокомпонентные электронные деньги к 2014 году — и это только «первая ласточка». Собственно, один из «создателей евро» - Бернард Лиетар — на семинаре анонсировал эту «сенсационную новость» - уже для мировой денежной системы. Собственно, для нас это «секрет Полишинеля», но интереснее другое — была названа и конкретная платежная система - Visa, - которая планируется в качестве «носителем мировых денег» (контролируется «Bank of America»).

При этом сегодняшнюю ситуацию можно назвать точкой бифуркации денежной системы — либо государство полностью снимет с себя ответственность «за верификацию» (которую имело при наличном денежном обороте), либо будет вынуждено присвоить счетным электронным деньгам статус госу-

дарственных, что становится естественной предпосылкой для огосударствления всей банковской системы.

В пользу последнего утверждения есть еще один принципиальный аргумент. Понимая неизбежность перехода на счетно-электронные деньги, нужно не забывать, что капитал в своей предельной концентрации превращается в чистую власть — т.е. контроль за денежной си-

стемой означает контроль за всем обществом. Допустить возможность такой концентрации власти в руках группы частных финансистов, по меньшей мере, преступно. Эти функции общество им не делегировало и никогда не делегирует в сознательном состоянии. Концентрация капитала возможна только в руках самого общества, чьи интересы может представлять легитимное государство. Поэтому нельзя допускать концентрацию капитала в системе частных банков, где все явственнее сосредоточение капитала в руках специфичной социальной группы, интересы которой откровенно обслуживает идеология либерализма,

направленная на минимизирование роли государства и общества в пользу «индивидуумов свободных от любых социальных связей». В случае победы этой идеологии безликая масса ничем не объединенных «индивидуумов» становится крайне удобной для манипулирования со стороны узкой социальной группы парамасонерского типа, объединенной другой идеологией.

Таким образом, все очевиднее вырисовывается новый серьезный потенциальный социальный конфликт, характерный для каждой страны

Конфликт, изначально заложенный в глобальной денежной системе

Использование национальных денег в качестве мировых создает для их владельцев колоссальные преимущества перед другими странами. Откуда же берутся мировые капиталы, которыми оперируют западные страны, ТНК, инвестфонды и т.д.? Они создаются из воздуха — путем простой эмиссии, причем в основном, даже не бумажной, а электронной.

Все открытость мировой экономики выгодна, прежде всего, транснациональным капиталам. Распространяя по миру свою валюту, западный капитал снимает социальную напряженность в своем пространстве и раздувая сверхпотребление. Триллионы долларов и евро, ходящих по всему миру вне пределов стран-эмитентов —

это миллионы тонн нефти и других товаров, ввезенных соответственно в страны-эмитенты в обмен на «ничто». Это и есть финансовый колониализм.

При этом существуют и разные механизмы эмиссии: независимая эмиссия национальной валюты и эмиссия связанная с приходом валют других государств.

С одной стороны - деньги, которые пускают в оборот, лишь нажав несколько клавиш на компьютере в ФРС США, и получая при этом сеньораж стремящийся к 100%; с другой стороны — деньги, для эмиссии которых необходимо — совершить геологоразведочные работы, разведать месторождение, заключить контракты, построить трубопроводы, пробурить скважины, начать перекачку ресурсов и оплатить труд множества работников (получив при этом лишь часть запланированной оплаты и простив другую часть несостоявшимся транзитным государствам). При

этом те деньги, которые были получены от продажи, возвращаются в западную экономику, за что Россия получает мизерные проценты и счастье напечатать деньги для внутреннего потребления... При такой схеме сеньораж России от эмиссии своей собственной валюты стремиться к нулю...

В условиях ужесточения глобальной конкуренции государства вынужденно прибегают к различным формам протекционистских мер, в том числе к дотированию. «В силу объективных причин - географических и климатических особенностей России, на продукцию, производимую на ее территории, дополнительным бременем ложатся гораздо более высокие, чем у конкурентов, транспортные и энергетические издержки. Обеспечить конкурентоспособность российской продукции на мировом рынке, можно лишь за счет дотирования»(А.Отырба). ⁷ Но дотируя дорогими, заработанными на экспорте деньгами, государство может просто надорваться, так и не решив поставленной задачи, ввиду ограниченности денежной массы. Реально повысить эффективность своей экономики государство может лишь дотируя ее дешевыми финансовыми ресурсами созданными с помощью современных финансовых технологий.

Деньги не надо искать или продавать свои национальные богатства иностранцам, что бы получить в компьютере частного зарубежного банка электронную запись. Их нужно создавать самим. Задачей—минимум для нас на сегодня является создание собственного Евразийского финансового центра

Осознать тенденции и использовать их на благо общества

XIX век, когда товары имели четкую стоимость в золотом эквиваленте, был веком классовых конфликтов (что было описано К. Марксом и чем воспользовались большевики). Бескомпромиссная борьба между владельцами предприятий и работниками шла за распределение четко фиксируемой в золотом эквиваленте прибыли. В XX веке (веке бумажных денег) эти классовые противоречия существенно потеряли в своей остроте, поскольку оказалось возможным снимать остроту конфликта, поднимая зарплату - владелец предприятия стал постепенно

завышать цену товара, увеличивая и свою прибыль, поскольку четкого золотого эквивалента этой прибыли не стало.

Форма носителей денежной информации с развитием человечества менялась (при этом чередовались и одно- и двукомпонентные формы денег). Затраты на золотое обращение приемлемы для миллионов пользователей, затраты на бумажные деньги оправданы до миллиарда пользователей. Сегодня финансовых лиц в мире десятки миллиардов. XXI век становится веком электронных денег.

Очевидно, что в ближайшее время произойдет очередной переход с двухкомпонентной бумажно-счетной денежной системы, на однокомпонентную — электронную (счетную). Очевидно, что отказ от наличных денег неминуемо запускает процесс денежной революции, в результате которой человечество вступит в новую цивилизацию. Но так же нужно помнить, что смены денежных компонент в истории сопровождались цивилизационными конфликтами, в процессе которых возникают вопросы о выживании народов и государств.

Быть во главе процесса или плестись в конце всегда очень важно – устанавливать свои правила или жить согласно уже кем-то установленным (сегодняшнее положение – яркий пример). Преобразование нынешней налично-счетной денежной системы России в чисто

счетную позволило бы вывести Россию в ряды передовых финансово-технологических стран. Правильное понимание и оценка процесса, установление его изначальных параметров позволяет во многом избежать тяжких последствий. Для этого нужно создавать систему знаний, обеспечивающую стране то интеллектуальное превосходство, которое позволяет вырваться

в глобальном соревновании вперед, а не слепо следовать мифологической канве, создаваемой людьми, управляющими обществом посредством денег.

Еще раз коротко - грядет новая денежная революция – переход на деньги в электронной форме, они должны остаться государственными в огосударствленной финансовой системе (и естественно не связанными с currency board). Еще одно требование – деньги должны дать подъем в экономике – перед глазами пример Японии и ее переход на однокомпонентные электронные деньги с отрицательной доходностью

(демерреджем) 0^8 . Итак – мы неминуемо подошли к «нестандартным» геззелевским деньгам ...9

Деньги, как источник мировой революции

«Будущее научится больше у Геззеля, чем у Маркса» Д.М.Кейнс

Поговорим немного о футурологии и ее апологетах?

На сегодня самой известной футурологией является футурология Маркса, которая состояла из двух важнейших

Джон М. Кейнс

концепций. Первая - социалистическое общество, в котором все средства производства принадлежат государству. Этот концепт был претворен в жизнь и в период своего расцвета социалистический лагерь включал более трети территории всей Земли. Почему социализм как мировое явление рухнул - это отдельный вопрос. Другой концепцией была социальная система коммунизма, идущая следом за сопиализмом.

В чем причина краха футурологической концепции Маркса? Прежде всего в том, что при социализме деньги продолжали носить те же функции, что и при капитализме,

т.е. не просто служить обменной функцией, но носить и накопительную функцию. Т.е. система управления деньгами обществом не поменялась, поскольку не поменялась и философия денег, несущих кредитный характер, способных к бесконечному накопле-He поменялось отношение социума сохранявших функцию накопления как минимум на протяжении семи веков, начиная с 13 века (при этом сейчас по отношению к инвестиционной функции денег их накопительная функция минимизировалась и не является главной для развития экономических отношений).

По мысли Маркса, коммунизм как некое конечное состояние социальной эволюции человечества есть общество без денег. При этом нужно отметить, что коммунизм сам по себе не является несбыточной футурологией. Коммунизм всегда был, он существует и сейчас в форме социальной организации малых социумов (семьи, племена, монастыри,

экспедиции, малые поселения и т.д.) без насилия и подавления одного человека другим, а связи и управление этим обществом основаны на осознании каждым членом своих задач и на началах добровольности.

Особенность денег в том, что в малых социумах они не используются. Денежные отношения возникают и используются лишь в достаточно больших социумах - тысячи, миллионы, миллиарды - там, где прямое управление от человека к человеку становится малоэффективным, там и возникает денежный управляющий и контролирующий инструмент. Представление, что организацию малых социумов можно перенести на большие человеческие системы, без изменения их философии управления было утопичным. Таким образом, для изменения управления обществом, включающим в себя силу, религию (идеологию) и деньги, в гуманитарных составлящих управления обществом необходимо поменять не только идеологию (ставшую религию), но и философию функционирования денежной системы.

Как можно было воспитать у социума отторжение неуемной жажды денег? Этого можно было бы добиться, лишь изменив саму систему функционирования денежной системы, так, чтобы крупные социальные системы начинали носить признаки отношений, свойственным небольшим, а не громадным

социумам. Т.е. «органичной демократии», ставяшей на «братство» - третью составляющую триады «свобода, равенство, братство», которая выпала еще во времена первой попытки добиться построения справедливого общества. 10 Достичь этого в течение короткого времени не реально (тем более ставя в привилегированные условия лишь один класс), для этого нужно было изменить философию отношения в

обществе. Еще одной сложностью при таком подходе – необходимость, чтобы в новом обществе не убивалась инициатива и основным социологическим типом хозяйственной деятельности (В.Зомбарт) продолжал оставаться активный тип производителя – «отец семейства» (а не пассивный тип хозяйствующего субъекта характерный для социализма или тип торговца (посредника) характерный для либерализма), но это не вызывало социальной напряженности.

Таким образом, ошибка футурологической мысли Маркса состояла в недооценке роли денежной системы, определяющей типоло-

гию функционирования больших систем и неверный подход к частной собственности на переходном периоде (которую не нужно было полностью огосударствлять, а лишь изменить подход к праву наследования в пользу социума — так же, как это происходит в семьях). И без изменения этих традиций, складывающихся веками, было невозможно изменить и философию поведения самого социума. Тем более, что сама по себе идея коммунизма как системы организации человеческого социума на является утопической и в принципе стара как мир, но оказалась недоработанной в концепте функционирования денежной системы. Вот почему идеи Маркса являлись незаконченными в применении ко всему человеческому сообществу.

Геззелевские деньги способны изменить формацию общества, заменяя насилие над классом, насилием над абстракцией — кредитным процентом (в комплексе с открытостью информации сетевого планирования в рамках «электронного правительства», переформатированием банковской системы в единый огосударствленный/общественный банк¹¹ и пересмотром права наследования на крупные средства производства в пользу социума¹²)

Нужно отметить, что с развитием социальных отношений, деньги окончательно превратятся в чисто техническую информацию, касаемую лишь методов измерения количе-

ственных величин и способа управления экономикой, но не обществом. С приходом гезеллевских денег (что стало технически возможно в электронном виде) мир объективно стоит на грани революции, которая должна привести к смене типа цивилизации современного мира, поменяв «либерализм лихих 90-х» на

Высокий Коммунитаризм XXI века — высокосоциализированное общество, где на первое место выходит (в полном соответствии с постулатами четвертой политической теории 13):

- 1. создание гармоничного общества социальной справедливости, уважающего права человека и права общества;
- 2. системообразующими понятиями становятся два «человек» и «сообщества»:
- 3. признание того, что развитие отдельного человека бессмысленно рассматривать в отрыве от развития социальной среды;
- 4. «высокий коммунитаризм» выступает за предоставление бесплатного образования, медицины, программы по повышению нравственности и защиту окружающей среды, увязывая права личности с социальной ответственностью;
- 5. основной мировой концепцией должна являться система многополярного мира, признание возможности сосуществования разных цивилизаций и необходимости культурной диверсификации, отказ от европоцентризма, признание равной ценностью каждой из цивилизаций европейско христианской, исламской, славянско христианской, дальневосточно азиатской и т.п.), с построением между ними диалектической системы отношений, в которой различные культуры должны находиться в диалоге друг с другом и для каждого народа должны оставаться возможность следовать собственной истории;
- 6. отторжение свободного от обязательств либерального индивидуума и приверженность ценностям сообщества, как устойчивого объединения людей, связанных общими традициями, историей и моралью. Декларация прав человека и гражданина, должна быть также декларацией его обязанностей. Индивидуальные «естественные» человека и социальных групп не должны нарушать или оскорблять интересы окружающих, общества, в котором они живут. По-

нятие «толерантность» (с его вседозволенностью) должно смениться на «терпимость»;

7. выдвижение концепции «общества совладельцев», которая рассматривает современную корпорацию не как машину исключительно для производства прибыли акционерам, а как социальный институт, защищающий гармонизированные интересы акционеров, менеджмента и персонала;

- 8. моральные нормы должны превалировать над экономической рациональностью, социальная значимость ценностно-рационального поведения над целе-рациональным;
- 9. экономическая система должна сохранять свою рыночность и свободу, но не абсолютную беспринципную свободу получения прибыли; втягивание менее развитых экономик в общий рынок на условии полной открытости недопустимо, таким рынкам необходимо применять принципы автаркии;
 - 10. принимая абсолютно легитимным стремление к получению прибыли, благополучию и достатку, признать, что экономический рост не является бесконечным, поскольку мы живем в конечном мире. Отсюда вытекает особое отношение к функционированию финансовой системы и правам наследования на крупные средства производства. Цель добиться возвращения к равновесию, к чувству предела и меры.

Библиография:

- [1] http://martinis09.livejournal.com/145832.html
- [2] К.Поланьи, «Великие трансформации», Алетейя, 2002
- 3] http://martinis09.livejournal.com/136519.html
- [4] Официально теория «прерывистого равновесия» была сформулированна Н.Элдриджем и С.Гулдом уже в 1972г. и существенным образом базировалась на гипотезе о «скачкообразной эволюции» О.Шиндуолфа, высказанной в 1950. Эта и некоторые другие работы по проблемам эволюционной теории и морфогенезису послужили одним из стимулирующих толчков для пионерской работы Р.Тома (Stabilité Structurell et Morphogénèse) и бурным событиям «нелинейной революции» 70-80 гг., одним из результатов которой и явилась теория СОК, сформулированная П.Баком, Ч.Тангом и К.Визенфельдом в 1988г. и имеющая конкретное применение в социологии, обеспечив тем самым элите Запада пресловутое «зловещее интеллектуальное превосходство». В открытой печати с 1995 года. [5] В. Юровицкий, «Денежное обращение в эпоху перемен», ГроссМедиа, 2007
- [6] http://martinis09.livejournal.com/172169.html, http://slon.ru/articles/417966/
- 7] http://otyrba.livejournal.com/49338.html
- 8] http://news.mail.ru/politics/2676589
- [9] С.Гезелль, «Естественный экономический порядок» на русском языке, перевод А. В. Митина (http://www.demandandsupply.ru/gesell.html), комментарии и практика применения http://konservatizm.org/konservatizm/the-ory/120909030309.xhtml, дополнения

http://martinis09.livejournal.com/214893.html

- [10] А.Дугин, «Консервативная революция», Арктогея, 1994.
- [11] http://martinis09.livejournal.com/139675.html
- [12] http://martinis09.livejournal.com/186724.html, работы лауреатов
- Нобелевской премии А.Оноре, Д.Норта, О.Уильямсона, А.Алчяна и др.
- [13] Ален де Бенуа «Против либерализма: к четвертой политической теории», Амфора, 2009

Пространство как социальный продукт. Теория спатиализации Анри Лефевра

Михаил Мошкин эксперт Центра консервативных исслелований

Мир-системный анализ, разработанный американским социологом-неомарксистом Иммануилом Валлерстайном, и предполагающий исследование социальной эволюции общества в целом, в диалектическом единстве «трех арен коллективного действия человека»: экономической, политической и социокультурной, нашел свое оригинальное преломление в творчестве французского социолога и философа Анри Лефевра (1901-1991). «Визитной карточкой» Лефевра является теория социального производства пространства. Французский философ предлагает помыслить окружающее человека пространство в первую очередь как пространство социальное, которое всегда «производилось и воспроизводилось в связи с производительными силами (и производственными отношениями)».

Анри Лефевр, так же как и Валлерстайн, большинством исследователей относится к неомарксистским авторам. В пользу отнесения данного мыслителя к «новым левым» свидетельствуют некоторые факты его биографии. Так, в 1928 году Лефевр, в то время 27-летний выпускник философского университета Сорбонны, вступает во Французскую коммунистическую партию - заметим, что он присоединяется к коммунистам вместе с группой сюрреалистов, с которыми Лефевр ранее свел знакомство.

Работы Лефевра 30-40-х годов в целом следует отнести к классически марксистским штудиям - в частности, можно упомянуть книги «Диалектический материализм» и «Познать

мысль Карла Маркса». В 1958 году Лефевр был исключен из ФКП с формулировкой «псевдомарксистский ревизионизм». Заметим, что его взгляды на социологию города были раскритикованы слева, с марксистских позиций испанским социологом Мануэлем Кастельсом, впоследствии получившим известность как теоретик информационного общества. Также следует отметить то влияние, которое воззрения

Лефевра оказали на Ги Дебора, Рауля Ванегейма и других позднейших теоретиков ситуационизма (наряду с другим, не менее интересным автором, французским философом русского происхождения Иваном Щегловым, автором «Формуляра нового урбанизма», который после попытки взорвать динамитом Эйфелеву башню был помещен в психиатрическую больницу, где и умер).

Работа Лефевра «Критика повседневной жизни» (1947 г.), в которой постулируется «повседневная жизнь» как некая опосредующая субстанция между социальным существованием индивида и природой,

и между природой и социумом в целом — оказало влияние на общеевропейскую художественную группу COBRA, «Движение за имажинистский баухауз», леттристов и другие эстетикополитические группы, предшествующие Ситуационистскому интернационалу.

Будучи профессором социологии в университете Страсбурга, а затем занимая профессорскую кафедру в университете Нантера (который вскоре станет одним из центров студенческих волнений 1968 года), Лефевр является активном участником интеллектуального кружка, группирующегося вокруг журнала «Аргументы», одного из печатных органов новых левых.

Анри Лефевр внес определяющий вклад в разработку такого направления социологической мысли как теория спатиализции. Спатиализация — дословно «опространивание». С данной точки зрения, формы, в которые воплощается социальная активность и материальная культура социума, рассматриваются не в историцистской парадигме, не диахронически и в развитии, а в пространственных формах. Спатиализация — та форма пространства, в которых объективируется социальное бытие.

В своих работах Лефевр вводит понятие «производства пространства». Эта идея является центральной в книге Лефевра «Выживание капитализма», которая представляет своего рода пролегомены к вышедшему в 1974 году opus magnum Лефевра, которое так и называется «Производство пространства» (La production de l'espace).

В данной работе Лефевр отмечает генезис взаимоотношений понятий производства и пространства в различных философских системах. Так, пишет он, в гегельянстве понятие производства — определяющее. (Абсолютная) Идея производит мир, после чего

природа производит человека, в свою очередь производящего, путем борьбы и труда, одновременно — историю, знание и самосознание, то есть Дух, который воспроизводит начальную и конечную Идею. Уточняя гегельянскую — сугубо философскую — концепцию производства, обращаясь к экономистам и политэкономии, Маркс хотел наделить имманентно присущей рациональностью как понятие производства, так и его непосредственное содержание, то есть собственно деятельность как таковую. По Лефевру, производство в марксистском смысле стоит над философской оппозицией между «объектом» и «субъектом» так

же, как и над отношениями, выстроенными философами на основе этого разграничения. Рациональность, имманентная производству, в первую очередь, выстраивает последовательность актов, сменяющих друг друга, ввиду «задачи» (в отношении объекта, который нужно произвести). Рациональность определяет во времени и пространстве порядок операций, которые следуют друг за другом, и результаты которых сосуществуют. С самого начала деятельности, нацеленной на выполнение такой задачи, мобилизуются пространственные элементы (тела, части тела, глаза), включая материалы (камень, дерево, кость, кожа и т.д.) и орудия (инструменты, оружие, язык, команды, указания). Затем следуют отношения упорядоченности – т.е. отношения одновременности и синхронности – установленные активным разумом между элементами действия на физическом, материальном плане. «Этот непрерывный переход от темпоральности (последовательность, цепочка) к спациальности (одновременность, синхронизация) определяет любую производительную деятельность более, чем любые иные константы и инварианты», - отмечает Лефевр.

Не отрицая наличия физического (природного) пространства, Лефевр тем не менее убежден, что непосредственное человеческое

Анри Левефр

ется социумом в процессе экономического и культурного функционирования. По Лефевру, любой исторически-конкретный способ производства (рассматриваемый автором в оптике марксистской теории формаций) включает в себя определенные

пространство создается и воссозда-

пространственные практики типы распределения богатств, капиталов, людских ресурсов, а также способы организации семейной и общественной жизни в антропогенном пространстве города, села, или любого другого местообитания социальных групп.

Учитывая ту характеристику, которую Маркс дал, например, феодальной формации, Лефевр добавляет, что пространственные практики феодального социума отличаются от пространственных практик классического или позднего капитализма. Постмарксист Дэвид Харви, комментируя тезисы Лефевра, отмечает, что урбанизация всегда

сопутствовала мобилизации, производству, присвоению и поглощению Капиталом экономического прибавочного продукта. Процесс урбанизации имеет более универсальное значение, чем специфичный анализ любого способа производства.

Лефевр, приводит, в частности, такой пример. Начиная приблизительно с XIII века или чуть раньше, городская олигархия Тосканы – купцы и буржуазия – трансформировала сеньориальные домены (латифундии), которыми владели по наследству или которые приобретали. На этих землях установили «частичный колонат»: издольщики вместо крепостных. Издольщик получал свою часть продукта; следовательно, он был более заинтересован в производстве, чем раб или крепостной. «Произведенное таким образом изменение, само произведшее новую социальную – капиталистическую реальность, не было порождено не только городом, не только деревней, но их (диалектическим) взаимодействием в пространстве, на основе их предыдущей истории».

Пространственные практики создаются преимущественно социальными группами, представителей которых Лефевр обозначал как профессиональных создателей кодов и знаков: архитекторами, планировщиками, учеными, художниками. Типы и способы репрезентации пространства, основанные на этих пространственных практиках, определяют и повседневную

жизнь рядового потребителя знаков и кодов. Лефевр также вводит категорию репрезентированного или представленного пространства. Это пространство, которое мы непосредственно воспринимаем, причем воспринимаем, как некую данность. Пространство создано, или точнее произведено, как через экономические практики (в нашем случае, экономические практики капитализма), так и через репрезентационную,

символическую работу, проводимую «хозяевами дискурса», чья деятельность, в свою очередь, порождена производственными отношениями капитализма.

Анализируя трансформации, происходящие с социальным пространством в условиях неокапитализма, Лефевр отмечает опасность подмены «проживаемого» «отвлеченным» – в данном случае можно привести параллель с описанным Ги Дебором неподлинным существованием индивида в «обществе зрелища». По Лефевру, иллюзии, продуцируемые в своих интересах власть имущими, не дают массам

заметить, что у них отнято реальное право пользоваться пространством, которое автор называет «правом на город».

Таким образом, Лефевр рассматривает пространство как результат общественного производства. Основной постулат «производства пространства» состоит в том, что «пространство (социальное) есть продукт (социальный)». Пространство выступает не в качестве некоторой объективной данности, которая теоретически сублимированным образом предстает как общая, логическая идея порядка, но как продукт социальных отношений, как социальное пространство во всех своих определениях и данностях.

Библиография:

- 1. Борисова Е.Г. Культура, её значение в жизни человека и общества. Ульяновск, 2004
- 2. Лефевр А. Социальное пространство // «Неприкосновенный запас» 2010, №2(70).
- 3. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства: Дис. д-ра социол. наук: 22.00.01: М., 2003.
- 4. Харви Д. Городской опыт. «Социологические прогулки» (http://www.urbanclub.ru/?p=105). Из книги: Harvey D., The Urban Experience. Oxford: Blackwell. 1989 / Перевод В.В. Вагина.
- 5. Черняева H.A. Культурная география и проблематика «места». Обзор новой литературы. // Известия Уральского государственного университета. №35 (2005), гуманитарные науки, вып. 9.
- 6. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.
- 7. Purcell M. Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. GeoJournal 58: 99-108, 2002. © 2003 Kluwer academic publishers.

Экономические и географические факторы в мир-системном подходе Фернана Броделя

Андрей Коваленко аспирант социологического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова. dialektika@list.ru

Ключевые слова: Фернан Бродель, мир-система, мир-экономика Keywords: Fernand Braudel, world-systems, l'economie-monde

Основателем мир-системного подхода большинство исследователей по праву считает французского историка Фернана Броделя (1902 – 1985). Являясь одновременно ярчайшим представителем известной исторической школы «Анналов», Бродель обогатил экономическую и географическую мысль представлением о мир-экономическом (l'economie-monde) развитии человечества. Основные идеи Броделя в дальнейшем творчески переосмыслил и популяризировал американский социолог и популярнейшей левый мыслитель Иммануил Валлерстайн, с чьим именем сейчас и ассоциируется мир-системный подход.

Наиболее существенным и во многом революционным был вклад Броделя в экономическую географию. В своем фундаментальном трехтомном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв.», целиком посвященном критическому переосмыслению истории капитализма, он подробнейшим образом рассматривает внутреннее взаимодействие и развитие мира-экономики.

Новаторство Броделя также состояло в том, что он, в отличие от историков «классической школы», выделял принципиально иные макроисторические субъекты. Такими субъектами, по Броделю, являются отнюдь не народы, государства, империи или этносы. В основу своей стратификации он клал экономику, и, следовательно, основным историческим субъектом считал мир-экономику.

Мир-экономика Броделя во многих своих чертах напоминает концепцию «автаркии» немецкого экономиста Фридриха Листа. Мир-экономика понимается автором как абсолютно автономная от других сообществ и/или остального человечества геоэкономическая и геосоциальная система, основанная функционировании механизма неравенства и эксплуатации. Сам Бродель определял мир-экономику как «экономически самостоятельный кусок планеты, спо-

Ф. Бродель

собный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство». 1 Этимологически это опре-

деление связано, вероятно, с немецким Weltwirtschaft – мировая экономика, мировой рынок.

При этом различные культуры и общества внутри одного мира-экономики связаны не жестко, а определение «мир» говорит лишь о том, что различные части отдельного мира-экономики могут сообщаться друг с другом, но не обязательно являются законченным во всех смыслах целым.

На заре человечества таких миров-экономик могло существовать множество, поскольку абсолютно автономным могло быть любое племя. В исторической перспективе Бродель рассматривает такие замкнутые в себе миры-экономики, как Финикия, Карфаген, Рим, Индия, Китай, арабский мир и т.д. В качестве барьеров между ними, которые бывало невыгодно пересекать с экономической точки зрения, могли быть природные преграды (малооживленные, инертные зоны - например Сахара, или же Тихий океан).

С развитием процессов глобализации и, особенно, с появлением в XVI веке капитализма начал складываться единый мир-экономика. Внутри ее существует жесткая стратификация. В центре стоит «сверхгород», в XIV в.

им была Венеция, позднее центр переместился во Фландрию и Англию, оттуда в XX столетии за океан в Нью-Йорк. Любопытно, что географическое местоположение этого «сверхгорода» не статично, по мере развития экономики он может перемещаться внутри одного мира-экономики, между ними порой происходит ожесточенная борьба за первенство.

Геосоциальное разделение мира-экономики на «сердцевину», «срединную зону» и «маргинальную зону» взял на вооружение Валлерстайн, обозначив их как «центр», «полупериферию» и «периферию».

Впервые понятие «мир-экономика» встречается в работе «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». В четкой форме оно появилось в работах Броделя «Динамика капитализма и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв.», упомянутой выше.

Главными оппонентами идей Броделя мира-экономики в XX веке были цивилизационный подход и стадиальный. Последний целиком основывался на либерально-прогрессистском подходе к истории, выделяющем определенные стадии развития обществ. Их «взросление» при этом рассматривалось изолировано, что, безусловно, не могло и не может объяснить становление ведущих экономик мира, первичное накопление капитала в которых происходила за счет жесткой эксплуатации «срединной» и «маргинальной» экономических зон миров-экономик.

Библиография

- 1. Бродель Ф. 1986, 1988, 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. М.: Прогресс.
- 2. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мирэкономика, 1500 2010 // СМ.
 - 1996. № 5.
- 3. Brunhes (Alain), Fernand Braudel, Paris, Josette Lyon, 2001
- 4. Verschave (François-Xavier), La maison-monde. Libres leçons de Braudel, Paris, Charles-Léopold Mayer, 2005 5. Lai, Cheng-Chung. Braudel's Historiography Recon-
- sidered, Maryland: University Press of America, 2004. (http://www.econ.nthu.edu.tw/download.php?file-name=4_08280d01.pdf&dir=writing&title=%E9%99%84%E4%BB%B6%E6%AA%94%E6%A1%88)

Экономический «заговор» Второго мира в терминологии Валлерстайна

Валерий Коровин директор Центра геополитических экспертиз

По мнению многих экономистов, нынешний глобальный финансово-экономический кризис произошёл во многом из-за пере-

сово-экономический кризис произошёл во многом из-за перегрева фондового рынка, а именно потому, что виртуальные электронные активы многократно превысили не только объём реально производимой продукции, но и объём бумажной денежной массы. Вместе с этим, вовлечение новых участников в фондовые игры замедлилось, в связи с чем «бесконечный рост», на котором была основана современная экономика, остановился, что привело к резкому обвалу фондовых рынков. Объём виртуальной денежной массы схлопнулся, началась спешная конвертация электронных денег в бумажные, что привело к вынужденному увеличению бумажной денежной массы, т.к. спрос на неё резко увеличился.

«Бесконечный рост» современной экономики обеспечивается перманентным вовлечением в неё всё новых участников. В основном за счёт «второго» и «третьего» мира. Когда скорость вовлечения замедляется, рост мировой экономики, сконцентрированной по Валлерстайну в Центре, т.е. на Западе, в первом мире — соответственно, замедляется, а затем останавливается. Остановка и приводит к резкому обвалу.

Вовлечение всё новых участников в виртуальную экономику (постэкономику)² Центра происходит за счёт внушения мысли о необходимости постоянного роста экономики. Рост экономики стал главным критерием развития государства в целом. В то же время, реальное производство Третьего мира и

производство + технологии Второго мира не обеспечивают такой быстрый рост, как фондовая активность Первого. Это толкает Второй и Третий мир к вовлечению в фондовые процессы виртуальной постэкономики, что создаёт для них видимость ускорения роста их собственной экономики. Таким образом, страны второго и третьего мира попадаются на уловку бесконечного роста, жертвуя всеми своими

реальными (не виртуальными) активами, которые при вхождении в фондовое пространство конвертируются в виртуальные активы. Т.е. в качестве взноса второй и третий мир — периферия и полупериферия по Валлерстайну — вкладывают в этот процесс свои реальные активы — производство и технологии. При этом Центр, т.е. Первый мир, вкладывает свои виртуальные активы, электронные деньги, эмиссионером которых он и является.

Итогом, по Валлерстайну, становится то, что сначала Полупериферия перестаёт существовать, растворяясь отчасти в Периферии, от-

части в Центре, после чего наступает период финальной схватки Периферии с Центром. З Для самосохранения Полупериферия, куда Валлерстайн относит страны БРИК, должна принять стратегию создания собственного цивилизационного проекта в рамках Четвёртой политической теории, отличного от западного глобального проекта. 4

Для создания мира, построенного по законам «второго мира», что необходимо для сохранения второго мира, Полупериферии необходимо встать между Первым и Третьим миром, изолировав их друг от друга. В этом случае «бесконечный рост» экономики Центра остановится, т.к. остановится вовлечение новых игроков в этот процесс. Центру станет просто некого эксплуатировать, а его экономика лишится подпитки. Таким образом, «второй мир» не даст экономике «третьего мира» далее интегрироваться в постэкономику постмодерна. 5

Являясь эмиссионным центром виртуальных денег и Центром виртуальной экономики, «первый мир» легко может завершить процесс установления мирового экономического господства, приобретая все реальные материальные и технологические активы Второго и Третьего мира за виртуальные (фондовые) активы, при этом обладая возможностью их бесконечного воспроизводства (по нынешней модели доллара). Ибо запад является эмиссионным центром всей современной постэ-

кономики.

Альтернативой этому процессу становится заговор стран «второго мира», – в основе которого должны оказаться страны БРИК, - результатом которого будет изоляция Центра от периферии (куда вынесено всё производство) и от полупериферии (где сконцентрировано производство и технологии - интеллектуальные активы, - покупаемые первым миром.

Осуществляя изоляцию центра и вступая в итоговый сговор, страны второго и третьего мира переводят мировую экономику на иные рельсы, переходя от финансового (виртуального) роста к хозяйственному (материальному). Центр же остаётся со своими виртуальными активами, выведенными за скобки хозяйственного роста, без производства и технологий.

В результате такого действия, Второй и Третий мир уход от привязки к фондовым рынкам, ловушки, в которой они оказались, попавшись на приманку «роста экономики».

Пространство второго и третьего мира становится пространством хозяйственной экономики вместо того, чтобы оставаться базой подпитки виртуальной постэкономики «первого мира». Одновременно, Второй мир выводится из под угрозы растворения в Центре и Периферии, о неизбежности которого пишет Валлерстайн.

И что самое главное, мир выходит из ситуации тотальной доминации капитала, переходя к модели экономического плюрализма, где хозяйственная экономика и экономика производственно-технологическая будут сосуществовать с виртуальной постэкономикой на равных правах и в равном статусе.

Библиография:

- 1. Дугин А.Г. Конец экономики. М.: Амфора, 2010
- 2. Иванов Д. В. Постиндустриализм и виртуализация экономики. Журнал социологии и социальной антропологии, том I, выпуск 1, 1998
- 3. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И.Валлерстайна. Альманах «Восток», выпуск № 3 (27), март 2005
- 4. Хазин М.Л. О глобальных проектах. Доклад на конференции ВСЭИ, по совместным работам с С.Гавриленковым. Электронный ресурс: http://worldcrisis.ru/crisis/132450
- 6. Хазин М.Л. Постэкономика постмодерна. Лекция в рамках «Нового университета», 17 июня 2004. Электронный ресурс: http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1297

СЕМИНАР № 2

Логос российского государства и дефицит политической рациональности в современной России

- Логос российского государства и дефицит политической рациональности в современной России
- Модернизация как коан
- Дефицит рациональности российской власти
- Новые формы политической рациональности на Западе и в России

Общий обзор семинара. Предмет исследования, цели и задачи проведения семинара

Чрезвычайно важной и актуальной теме был посвящен очередной интеллектуальный семинар, прошедший на Социологическом факультете МГУ 28 сентября 2010 года. Тема его звучала как «Логос российского государства и дефицит политической рациональности в современной России». В двухчасовой дискуссии приняли участие экс-

перты Центра консервативных исследований МГУ и Центра геополитических экспертиз, студенты и аспиранты Социологического факультета МГУ, а также гости из других вузов страны. С базовым докладом, во многом задавшим тон дальнейшему обсуждению, выступил профессор Александр Гельевич Дугин.

Главный доклад

В самом начале своего выступления профессор пояснил, почему тема политической рациональности или политического Логоса становится столь актуальной как для современной России, так и для всего мира. По мнению ученого, именно дефицитом полноценного Логоса в российском политическом пространстве можно объяснить абсолютную невнятность большинства политических партий и движений, всей управленческой элиты. В целостную логическую модель, таким образом, не укладываются «тандемократия», отстранение с поста мэра Юрия Лужкова и многое другое. Объясняется это тем, что «русское сознание еще не справилось с понятием логоса, русская культура в принципе к Логосу не подошла. Русская социальность, русская политическая мысль пока существовали в преддверие Логоса».

Начал же докладчик с раскрытия всей полноты понятия Логос и драматизма его восприятия на микро- и макроуровне, уровне отдельной личности и государства. Так, ссылаясь на работу Гегеля «Феноменология духа», Дугин сформулировал определение: «Логос — это то, что противоположно Естественному сознанию». Именно в этом противопоставлении Естественное сознание противоположно Логосу. Соответственно, человек, не переживший пронзительного опыта Логоса, по Гегелю, — носитель Естественного сознания.

Такому же сознанию свойственно полное отождествление воспринимаемого органами чувств мира с законченной реальностью. Лишь Логос подвергает основательной критике факт восприятия окружающих вещей и начинает сомневаться в их реальном бытие.

Логос полностью противоположен Естественному сознанию. Он бросает ему фундаментальный вызов, разрывает его и подвергает основательной критике. Логос является другим по отношению к Естественному сознанию. Идея или Логос не может принадлежать кому-то, она не чья-то, она существует вместо вещи, до вещи, это нечто транс-

цендентное по отношению к чувственно воспринимаемому объекту. И субъект, и объект находятся за пределами психики. Именно логос порождает саму субъект-объектную пару, как независящую от естественного интенционального сознания.

Такой Логос, направленный против Естественного сознания, лежит в основании философии, науки, любой теологии. Логос — система координат, не данная нам в естественном опыте.

Далее Дугин постарался применить такое понимание Логоса ко всей политической системе, государству и обществу. По мнению профессора, Логос, разрывая естественное сознание, утверждает в аморфном до этого обществе диалектику господин – раб, мгновенно иерархизирует всю социальную систему. Само государство – это выражение Логоса. Не бывает государства без Логоса или идеи, которая напрямую проявляет себя через власть. Это верно в том смысле, что не бывает государства без власти. По Гегелю, государство и есть выражение абсолютной идеи, оно - политическая форма идеи. Если государство не осуществляет насилия – это не государство, утверждает Дугин. Не бывает государственной идеи, потому что государство – это и есть идея. Государство – это трансцендентная надстройка над обществом. Общество же тяготеет к Есте-Поэтому ственному сознанию. атрибуты государства: образование, война, теология, наука, полиция.

Отсюда вытекает и представление о политической элите. Государственная элита является, согласно Дугину, концентрированным выражением идеи. Если же она таковой не является, то мы сталкиваемся с явной дисфункцией всей системы управления, а само государство, которое управляется такими элитами, отсчитывает последние дни

своего существования. Массы в любом государстве являются носителями Естественного сознания, они являются «рабами». Те, кого такое положение дел не устраивает, становятся или пытаются стать частью элиты, которая мыслит принципиально иными категориями Логоса. Элиты в функциональном смысле умны, а массы — глупы. Элита во всех смыслах дифференцирована по отношению к массам и должна зачастую действовать полностью противоположно: «если элите хочется есть, она должна поститься; если элите хочется поститься, она должна обжираться;

если элиту тянет к противоположному полу, она должна отказываться от этого; если не тянет – должна, наоборот, двигаться в этом направлении; если элиту тянет на войну, она должна сидеть дома...»

Элиты сначала устанавливают с помощью воли к власти власть над собой, а затем — над массами. Это характеристика любого государства: традиционного или современного. Если элиты не являются чем-то принципиально иным по отношению к массам, то такое государство стремительно исчезает с мировой арены. Такую динамику можно проследить в мировой истории со времен античности до наших дней. Когда люди из народа проникают вверх — в элиты, они приносят с собой естественное сознание. Поэтому наверху политической пирамиды не должно быть «наших».

В современных условиях России, резюмирует профессор, дело обстоит именно так. То есть проблемы у нашего государства начинаются из-за неясности формулировки Логоса элитой для самих себя и для масс. Таким образом, отсутствие Логоса в российском государстве можно объяснить либо инерцией постперестроечного коммунистического запала, сколотившего мощное и полноценное государство в XX веке, либо на-

личием в актуальной элите сокрытой части, которая по-настоящему инициирована (от Инициация) Логосом. В этом и таится главная опасность для государственности в целом: если массы распознают, что ими правит не идея, а такие же представители естественного сознания, как и они сами, то такая элита будет в олночасье сметена.

Вспомогательные доклады

Коан Модернизации

В своем докладе Михаил Мошкин реконструировал понимание Логоса, идеи или эйдоса со времен античности. Понимание идеи как некоей трансцендентной инстанции, которая оказывает преобразующее влияние на субстанцию и придает ей форму, по мнению докладчика, фиксируется еще у досократиков.

Рассматривая воплощение идей в русской истории, Михаил Мошкин утверждает, что речь можно вести не об энтелехии, но о гетеротелии: хотели одного, а получили другое, «вышло вовсе и не так», или, по гениальному выражению Черномырдина, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему так происходит? — задается вопросом докладчик.

Попытка помыслить коан логически неизбежно ведет к противоречию — они для того и задуманы. Коан это не повествование, это даже не текст, в который можно «вчитать» какой-то смысл. Коан внутренне пуст, это лишь приглашение к прекращению деятельности ума. Учителя дзэн говорят: если ум ученика достаточно «зрелый», то однажды блуждания ума затихают, и остается лишь коан. В этот момент коан и ученик

- целое, ученик испытывает сатори – проблеск трансцендентной реальности, прорыв к Абсолютно Иному.

По мнению докладчика, те идеи, которые предлагалось помыслить русскому социуму, русской структуре в XX веке, воспринимались структурой как коаны, которые нельзя понять, но можно

«прочувствовать нутром», пережить озарение и что-то воплотить. Рациональный дискурс марксизма редуцировался до коанов: «Учиться, учиться, учиться», «Три источника и три составные части», «Истмат и диамат», «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Из этого прошедший большевистское сатори народ делал «вывод», что Ленина надо мумифицировать и положить в мавзолей, Сталина сделать живым царем, и запустить человека в космос.

Те «идеи», которые генерируются нынешними носителями государственного логоса, по мнению Мошкина, — это уже коаны в чистом

виде. Это сообщения, которые априори пусты, их воплощение в эйдосе невозможно:

«Удвоение ВВП», «План Путина», «Стратегия-2020», теперешняя «Модернизация» - это бессодержательное предложение, смысл которого невозможно постигнуть. Поэтому «Модернизацию» следует рассматривать не как рационалистически-западническую платоновскую идею, но как восточный дзэнский коан. Не вдумываясь, но вглядываясь в «модернизацию», созерцая ее, адресат этой псевдо-загадки — народ может пережить просветление, и постигнуть истинную природу себя. Ответ может быть каким угодно, поскольку для просветленного ума не имеет значение формальное содержание коана. Например, понять, что никакой модернизации нет и быть не может, история повторяется, а время движется по кругу.

Дефицит рациональности российской власти

Мысль Михаила попытался продолжить директор Центра геополитических экспертиз Валерий Коровин. На его взгляд, государство воспринимается подавляющим большинством русского народа как некий рационально действующий инструмент – инструмент достижения определенной цели. Примером полной и всеобъемлющей рациональности, на взгляд эксперта, яв-

ляется американское государство. Сравнивая российскую элиту с американской, стороннему наблюдателю становится ясно, что в российской рациональности не достает.

Наибольший подъем в российской государственности исторически был всегда освящен нематериальными трансцендентными целями, на что можно возразить, приведя в пример атеистический Советский

Союз. Но, по мнению Валерия, коммунистический проект был эсхатологическим, нацеленным на определенную коммунистическую утопию, следовательно, он был альтернативно религиозным, а не антирелигиозным. Такую эсхатологическую рациональность сменила сейчас радикально иная — рациональность наживы, которой живет значительная часть политического класса. Но подобная рациональность, что интересно, дает сбои гораздо раньше, чем эсхатологическая. Это и наблюдается на современном историческом этапе в России.

С другой стороны, «своими парнями» традиционно хотят казаться

именно американские политики. Такая форма десакрализации власти пародируется и нашей элитой. В качестве примера Валерий приводит «блогера» Медведева, «автомобилиста» Путина и «футболиста» Грызлова. Подобная форма поведения моментально низводит верхушку нашей политической элиты до уровня масс, до уровня Естественного сознания.

Что в современных российских элитах абсолютно иррационально, так это страх перед любой формой конфронтации с массами, с естественным сознанием широких слоев населения и, в итоге, со своим собственным. Завершая свой доклад, Валерий Коровин заметил, что массы в любом случае поддержат элиты, пойдут на огромные жертвы и самоограничения, если последние выдвинут для реализации эсхатологический проект, апеллирующий к нематериальным и религиозным ценностям.

Новые формы политической рациональности на Западе

В качестве последнего докладчика выступил аспирант кафедры Социологии международных отношений Андрей Коваленко. В своем докладе «Новые формы политической рациональности на Западе» он постарался подвести черту под

предыдущими выступлениями и вкратце обозначить основных философов и политологов, занимавшихся проблемой политической рациональности на Западе.

К числу таких классиков относится немецкий политический философ Дольф Штернбергер. Политическую рациональность он фундаментально осмыслил в книге «Три корня политики» 1978 года издания.

В отечественной политической науке проблему политической рациональности полнее всего раскрыл доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН Игорь Иванович Кравченко. В своей работе «Бытие политики» он предложил всего два типа возможных ориентаций политической рациональности, направленной на осуществление какого-либо проекта:

Наконец, последним ученым, чьи рассуждения о рациональности вошли во все российские и зарубежные учебники социологии, является немецкий социолог Макс Вебер. Среди прочих типов деятельности он

особо выделял целерациональное и ценностно-рациональное лействия

На основе обозначенных типов рациональности, по мнению докладчика, можно сделать вывод о разнородных типах дисфункций рациональности на Западе и в России. Так, для России характерна дисфункция эсхатологической и утопической рациональности. Огромные народные массы, живущие, по определению профессора Дугина, естественным сознанием, просто неспособны за несколько десятилетий перестроиться с достижения утопии на ее преодоление, на ориентацию к собственному счастью. Финальные цели и трансцендентные ценности на всех этапах истории России были надиндивидуальными, что создает существенные трудности для адаптапии аристотелевской рациональности, ориентированной на элиминирование эсхатологических целей и ценностей.

На Западе также существует своя ценностно-рациональная и целерациональная политика, которая дает похожие сбои, но абсолютно по другим причинам. Политические элиты на Западе, по мнению Коваленко, на самом деле готовы отстаивать права человека и либеральные ценности, и в этом смысле США, Франция или

Великобритания являются классическими идеократиями, Логос которых является либерально ориентированным. Политическая рациональность на Западе заходит в тупик, из которого ей не удастся выбраться, не подвергнув критике фундаментальные положения либерально-капиталистического государствообразующего Логоса.

Модернизация как коан

Михаил Мошкин эксперт Центра консервативных исследований

Прежде чем преступить к рассмотрению основного тезиса моего сообщения, хотелось бы, в порядке «археологии знания», обратиться к корням понятия «идея».

Понимание идеи как некоей трансцендентной инстанции, которая оказывает преобразующее влияние на субстанцию, и придает ей форму, фиксируется еще у досократиков. В данных концепциях, эйдос – образ, или точнее прообраз, вещи трактуется как организация, фиксация вещи. Эйдос о-формляет вещь. Вещь есть результат воздействия активного начала, логоса, на субстанциональное пассивное начало, архэ. Логос, являющий собой закономерность мира, несет в себе эйдос, образ будущей вещи.

У Платона, с которым, собственно, и принято связывать понятие «идеи», эйдос понимается не только как то, что придает вещи «наружность», но и как имманентный способ бытия вещи, то, что благодаря чему она есть. Совокупность прообразов, идеальных и вечных образцов составляют собой трансцендентный мир идей. В платоновском диалоге «Тимей», говорится: «Есть тождественная идея, не рожденная и не гибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая... Есть нечто подобное этой идее и носящее то же имя ощутимое, рожденное, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него исчезающее». Мир есть тень идеи, продукт идеи, дитя идеи.

Таким образом, все имманентно существующие реальности можно рассматривать как «отпечатки идеи на субстанции».

В том же диалоге «Тимей» говорится: «Воспринимающее начало можно уподобить матери, образец — отцу, а промежуточную природу — ребенку». У стоиков и неоплатоников существует понятие сперматических логосов, собственно и порождающих эту «промежуточную природу». Логос — то, что придает миру аристотелевскую энтелехию — внутреннюю силу, в которой заключена цель и окончательный результат: объективация идеи в мире.

Гегель в своей «Феноменологии духа» (Phänomenologie des Geistes) трактовал все существование мира как процесс самораскрытия Абсолютного Духа, самопознание его в процессе истории. Все конфликты есть столкновения идей, которые в свою очередь являются отдельными аспектами репрезентации Абсолютного Духа.

Рассматривая исторические события в данной парадигме, можно сказать, что идея одухотворяет историю, и предопределяет ее. Так, отношение земного и небесного, изложенное в сочинении Блаженного Августина «О граде Божьем», сконфигурировало всю топику католической идеологии и практики,

под знаком которой прошла история романо-германского средневековья. Идеи Просвещения, изложенные на бумаге французскими энциклопедистами, в самом скором времени воплотились в Декларации независимости США, а затем и в самом факте существования этого государства, с которым мы вынуждены считаться и сейчас. Те же просвещенческие идеи обрели воплощение и на баррикадах Французской революции, которая изменила всю дальнейшую историю человечества.

Вместе с тем, исходя из мысли Платона, идея не связана с конкретной исторической повесткой дня, и существует вне зависимости от «текущих производственных отношений и производительных сил», но при этом она исподволь «съедает» (по Достоевскому) своих носителей. Две тысячи лет евреи, оказавшиеся в рассеянии, во всех странах, и при всех общественных строях, повторяли молитву: «В следующем году в Иерусалиме!». И вот — сначала появляется сионистское движение, потом, после 2 тыс. лет — возрождается государство Израиль, и в 1967 году Иерусалим провозглашается его столицей. Идея отпечаталась на карте мира.

Германская «народническая» («фёлькиш») идея, два века бродившая в умах романтиков, воплотилась и в том же гегелевском представлении о «народном духе», и в музыке Вагнера, и в конкретной политической практике середины XX века.

К такому же развертыванию, объективации идеи можно отнести и концепт Москвы - Третьего Рима старца Филофея, который сформировал, о-пределил, образ Московского царства XVI-XVII вв.

Но если дальше посмотреть на то, каким образом идеи воплощались в русской истории, то можно вести речь не об энтелехии, но о гетеротелии. Хотели одного, а получили другое, «вышло вовсе и не так», или по гениальному выражению Черномырдина, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему так происходит?

Все вышеизложенное понимание идеи, эйдоса, взаимодействия между рационально-волевым субъектом-логосом и объектом-субстанцией существует в рамках западноцентричной парадигмы. Это то, что предлагает западный логос. Но можно отрешиться от того, что отнюдь не является mathesis universalis, а есть лишь один из способов видения мира, и обратить внимание на то, что предлагают незападные логосы. Есть совершенно иные способы того, как воспринимающий субъект что-либо воспринимает.

Условно восточный, а точнее чань-буддистский или дзен-буддистский духовный праксис предлагает такой метод познания, который в идеале должен

привести к достижению мыслящим субъектом своей самости – коан. Европейскому уму коан на первый взгляд покажется задачей, или заданием, выражающим собой некую идею, о которой следует помыслить.

Вот некоторые примеры коанов:

1. Учитель Уммон поднялся на кафедру и сказал:

"Однажды Васубандху превратился в посох из каштанового дерева, ударился о землю, и при этом бесчисленные будды, сколько их ни было, избавились от словесных оков!

Произнеся эти слова, Уммон ушел.

2. Однажды Уммон спросил сам себя:

"Как нам сделать нашу религию правильной?"

И тут же ответил: "Му!"

Попытка помыслить коан логически неизбежно ведет к противоречию — они для того и задуманы. Коан это не повествование, это даже не текст, в который можно «вчитать» какой-то смысл. Коан внутренне пуст, это лишь приглашение к прекращению деятельности ума. Учителя дзэн говорят: если ум ученика достаточно «зрелый», то однажды блуждания ума затихают и остается лишь коан. В этот момент коан и ученик-целое, ученик испытывает сатори — проблеск трансцендентной реальности, прорыв к Абсолютно Иному.

На мой взгляд, те идеи, которые предлагалось помыслить русскому социуму, русской структуре в XX веке, воспринимались структурой как коаны, которые нельзя понять, но можно «прочувствовать нутром», пережить озарение и что-то воплотить. Рациональный дискурс марксизма редуцировался до коанов: «Учиться, учиться, учиться», «Три источника и три составные части», «Истмат и диамат», «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Семинар №2 Логос и дефицит полит. рациональности в РФ

Из этого прошедший большевистское сатори народ делал «вывод», что Ленина надо мумифицировать и положить в мавзолей, Сталина сделать живым царем, и запустить человека в космос.

Те «идеи», которые генерируются нынешними как бы носителями государственного логоса — это уже коаны в чистом виде. Это сообщения, которые априори пусты, их воплощение в эйдосе невозможно. Упомянутый выше дзэнский учитель Уммон писал:

Предложение, смысл которого невозможно постигнуть, Сказано до того, как его начали произносить.

Но люди бросаются вперед, продолжая говорить,

И дают понять, что не знают, что делать дальше".

«Удвоение ВВП», «План Путина», «Стратегия-2020», теперешняя «Модернизация» - это бессодержательное предложение, смысл которого невозможно постигнуть. Нам говорят:

«анализируй «это», но «этого», которое можно было бы проанализировать, попросту нет. Это дзэнская «дверь без двери».

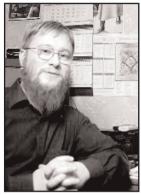
«Модернизацию» следует рассматривать не как рационалистически-западническую платоновскую идею, но как восточный дзэнский коан. Не вдумываясь, но вглядываясь в «модернизацию», созерцая ее, адресат этой псевдо-загадки — народ может пережить просветление, и постигнуть истинную природу себя. Ответ может быть каким угодно, поскольку для просветленного ума не имеет значения формальное содержание коана. Например, понять, что никакой модернизации нет и быть не может, история повторяется, а время движется по кругу.

Библиография

- 1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). Физика / Пер. В. П. Карпова (в т. 3, 1981). М.: Мысль, 1975—1983.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2006.
- 3. Золотой век дзен. Антология классических коанов дзен эпохи Тан.
- Составление и комментарии Р.Х. Блайса. СПб: Евразия, 1998.
- 4. Лосев А.Ф. История античной эстетики, т. VI, «Поздний эллинизм». М.: Искусство, 1980.
- 5. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А.
- А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). Тимей (т. 3). М.: Мысль. 1990—1994.
- 6. Попов И. В. Труды по патрологии. Т. 2. Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 2005.
- 7. Судзуки Д.Т. Антология дзэн-буддийских текстов. М.: Наука, 2005.

Дефицит рациональности российской власти

Валерий Коровин директор Центра геополитических экспертиз

Российская власть с момента прихода Владимира Путина настойчиво пытается отождествить себя с понятием прагматизма.

«Прагматизм Путина» – так называлась статья американского "Newsweek" в самом начале его первого президентского срока, прагматизмом и рациональностью оправдывались любые действия следующих восьми лет. Прагматизм заменил идеологию либерализма, периода правления Ельцина. Патриотизм был ещё слишком

радикален и, как тогда казалось, «залапан» несдержанной оппозицией 90-х. В очередной раз встал вопрос о национальной идее. Собственно прагматизм и политическая рациональность были призваны заполнить её отсутствие. Однако путинская восьмилетка закончилась, и пост президента занял Дмитрий Медведев, всё правление которого прошло под сенью разговоров о возвращающемся в Россию либерализме. Национальная идея при Медведеве всё чаще начала ассоциироваться с модернизацией. Путин с позиции лидера правящей партии заговорил о консерватизме...

Поиск национальной идеи занимал воображение не одного поколения российских мыслителей, а едва наметившиеся её ростки на десятилетия сменяли жёсткие идеологические установки, хотя сама по себе идея — есть то, что неизбежно лежит в основе любых идеологических и политических подви-

жек. Само понятие идея неразрывно с более философским понятием логос. Многие философы или богословы, например, преподобный Максим Исповедник, прямо называли идеи "логосами". 1

«Национальная идея», таким образом, тождественна «политическому логосу», если понимать нацию в политическом смысле, как государство-нацию, т.е. «политической рациональности». Таким образом, политическая рациональность, когда речь идёт о государстве, как о политическом субъекте, предусматривает неизбежное наличие национальной идеи, т.е. того, что лежит в основе функционирования самого государства. При этом, если исходить из того, что «Идея всегда выстроена по вертикальной оси: её симметрия - власть и воля» (А. Дугин),² то наличие идеи — есть неотъемлемый атрибут власти, в том числе, власти политической.

Государственная власть, выстроенная вертикально, основана на идее – логосе, который и определяет её рациональность. Однако для

государства власть и воля, симметричные наличию вертикальной идеи, не могут быть конечной целью. Для личности воля к власти в качестве конечной цели — ещё допустима. Для государства, подчинённого идее, самого факта наличия власти недостаточно, власть для государства — это инструмент. Власть для чего? Воля к чему? Очевидно, что это средство. Но средство достижения чего? Таким образом, наличие национальной идеи у государства — есть неизбежный атрибут, инструментарий к достижению цели. Попробуем теперь разобраться с целью...

В бытовом сознании обычного обывателя, представителя масс, власть привязана к государству. Государство для него является очевидным выразителем власти, высшей её инстанцией. Это может быть «власть государства церковного или гражданского», что подробно описано у Томаса Гоббса. 4 Но массы всегда в большинстве своём воспринимают власть тождественной государству. При этом, как обосновал Макс Вебер, государство есть воплощение Идеи. Оно отвечает всем признакам Идеи. Государство есть организованное Господство, «легитимное насилие».⁵ Являясь носителем естественного основанного на результате жизненного опыта, население воспринимает государство как инструмент достижения чего-то большего, нежели их личный бытовой успех – идеи, оправды-

вающей существование государства. При этом массы отождествляют государство с рациональностью, т.к. оно есть система, противопоставленная хаосу атомизированных интересов масс. Если мы являемся носителями естественного сознания, считают массы, значит должно быть что-то выше, рациональнее нас, что они и видят в государстве. Таким образом, государство есть воплощение Идеи – инструмент идеи,

а государственная власть — есть инструментарий достижения этой идеи. Например, Карл Маркс утверждал, что государство есть инструмент подавления одного класса (угнетённого) другим.⁶

Либеральная идея, в основе которой лежит нажива — как главная мотивация любого действия, вопреки усилиям марксистов одержала тотальную победу в мировом масштабе, захватив умы не только мыслителей и философов, но и политиков. Быть либералом стало модно в России 90-х. Тогда же нажива стала главной идеей не только масс, но и власти. Допустим, государство — это инструментарий наживы. Но

может ли нажива быть конечной целью, тем более для государства. Ведь большое количество денег теряет смысл в момент их появления: Бил Гейтс, заработав огромные деньги, и став в какой-то момент самым богатым человеком планеты, теперь не знает что с ними делать и отдает их все на благотворительность, а своим детям оставляет 0,0001% своего состояния, чтобы они не «разложились» в этих деньгах. Экс-мэр Москвы Юрий Лужков, 18 лет зарабатывавший деньги, которые он не в состоянии потратить - как многие говорят, у него рак, - насладиться расходованием миллиардного состояния уже не успеет. 7 Или российский олигарх Михаил Ходорковский - имел целью зарабатывать деньги для того, чтобы получить власть, чтобы в конечном итоге войти в политику и обрести новую, более весомую цель – здесь круг замкнулся на цели превосходящей наживу. Из этого следует, что нажива – это инструментально и конечно. Обладание огромными деньгами никак не приводит человека к цели, скорее обнаруживается как средство к её достижению.

Тем более, когда речь идёт о государстве. Здесь в какойто степени логос тождественен сверх-идее, которая должна быть поставлена перед государством как перед инструментом её достижения. У государства и у власти не может не быть сверхидеи, т.к. нажива, которая сегодня является основной

целью наших государственных и политических деятелей, является целью явно не достаточной. В какой-то момент, после остановки реализации коммунистического проекта, обретя наживу в качестве цели, политические элиты на этом успокоились, посчитав, что этого достаточно, и отправляя государственные функции под эту цель. Но может ли стремление к наживе быть логосом, некой конечной идеей существования государства?

Если исходить из того, что «государство есть организованное Господство, легитимное насилие», о чём говорится у Гоббса, ⁴ то непременно мы встаём перед констатацией того, что нынешняя власть не готова сегодня прибегать к насилию ради собственной наживы. А если всё же насилие, то ради чего?

Ответом на этот вопрос становится сам факт существования такого явления, как Соединённый штаты Америки, которые являются эталоном рациональности, в том числе и политической. Формула - «Идея в чистом виде идея есть Логос» - выражает квинтэссенцию аме-

риканского смысла, это чисто американский подход.

Из истории существования США мы и видим, что именно эта субстанция и является носителем чистого логоса, чистой идеи. США с одной стороны рациональны, с другой стороны являются носителем идеи, они движутся и подчиняют всё достижению этой идеи. Вся политика и все действия американского государства подчинены достижению мирового господства. Таким образом, и теоретически и практически мы установили, что Государство — есть логос, на бытовом уровне понимаемый как рациональность, технологичность достижения пели.

Америка – есть империя, стремящаяся к мировой гегемонии, к единоличной мировой доминации, о чем написали, например, Тони Негри и Майкл Хард в книге «Империя», где они системно доказали этот тезис. 8 Основная цель здесь - завершение истории при американской гегемонии. Это проект эсхатологический, ОН придаёт всему осмысленность, рациональность. И эта рациональность как раз и лежит в основе американской политики. Вот эта цель уже оправдывает насилие, такая цель оправдывает средства. Сегодня американская идея заключается, и это становится всё более очевидно, в мировом господстве. И здесь мы, сопоставляя поведение американской элиты с поведением нашей, российской элиты, по-

нимаем, что последней рациональности явно не достает.

Такая же эсхатологическая цель оправдывала насилие большевиков, ибо речь шла о коммунизме – как о нашем проекте завершения истории. Вообще, все периоды наибольшего подъёма в истории Российской государственности были обоснованы, освящены не материальными целями: все русские цари имели религиозное сознание. Можно возразить, что коммунистический период сталинского подъёма был атеистическим и не религиозным. Однако это не совсем так: коммунистический проект был эсхатологическим, т.е. предусматривал тотальную доминацию марксистской идеи в планетарном масштабе и достижение конца истории на нашем аккорде, выраженное в нашем полном мировом господстве. Не случайно Карл Маркс, идеи которого легли основу коммунистического советского проекта, был в первую очередь философом, а политэкономию рассматривал лишь как инструментарий для реализации своих философских воззрений и мо-

делей. Пример советского проекта лишний раз подтверждает утверждение о том, что «Государство создается только и исключительно людьми Идеи. И управляется ими. Нет Государства без Идеи». (Дугин).²

Экономика не может быть идеей существования государства, скорее в этом качестве она используется как уловка запада, уводящая на ложную цель. Для самой Америки экономика является лишь средством, а целью — мировое господство, завершение истории на своём аккорде. В итоге, реальная формула политической рациональности выглядит так: идея — это власть, т.к. наличие идеи — есть неотъемлемый атрибут власти, что обосновано выше; власть — это государство, это тождество легитимизировано обыденным сознанием масс; государство — это рационально; рациональность — есть логос. По этой логике окончательно приходим к выводу о том, что власть — есть логос, квинтэссенция рациональности, обоснованная сверх идеей.

На обратной стороне экономика, которая является средством для государства. Таким образом, достижение государством экономической цели путем сдачи политических позиций – это предельно не рационально. Либерализм, в основе которого лежит нажива — это, конечно, американская идея. Но это идея масс, а не государства.

Являясь ложной целью, нажива, именно как ложная цель - как раз и транслируется США как на свое население, так и на... наши элиты. Так наши элиты воспринимают ложную цель — наживу - в качестве логоса, рациональности, что именно рациональностью и не является. Как раз наоборот, экономика не может быть идеей государства — это обман.

Достижение экономической цели путем сдачи своих политических и стратегических позиций – это предельно нерационально. Наша элита, таким образом, ведёт себя не рационально, осуществляя одну стратегическую сдачу за другой. Примером может быть недавний отказ от поставок Ирану установок С-300. Сдача стратегических отношений с Ираном в обмен на вступление в ВТО – пример крайней политической нерациональности. Иран для России – это прорыв санитарного кордона на юге евразийского континента. Это прямой выход в Индийский океан. Это в конце концов прорыв экономической блокады и воз-

можность достижения колоссального экономического эффекта. Это то, что даёт простор для манёвра, для самостоятельной игры, для сворачивания американского влияния в регионе, что приближает нас к финальной цели мирового могущества. Но вместо этого мы обмениваем эту возможность на вступление в ВТО, котороё даёт лишь ограниченные экономические перспективы под жёстким контролем и присмотром со стороны США. Это чисто прикладная и подконтрольная для США цель, которая уводит наши интересы в экономический сегмент. Такой размен является политически нерациональным.

Или испорченные отношения с Белоруссией в обмен на снижение экономических потерь от повышения пошлин на экспорт нефти. Мы, с одной стороны, компенсируем какие-то материально-экономические потери, а с другой стороны – теряем выход к Серединной Европе, к нормальным стратегическим отношениям с Германией, выход к Атлантическому океану, мы закрываем для себя колоссальные стратегические возможности, окончательно отдавая Европу на откуп США, в обмен на какие-то копеечные экономические преференции. Такой поступок так же крайне не рациональн. Все эти примеры представляют собой абсолютно нерациональный обмен стратегических интересов в Европе на сиюминутные экономические дивиденды. И таких примеров масса — если мы видим обмен стра-

тегических интересов, приближающих к мировому господству, на экономические – то те, кто принимает подобные решения, политически не рациональны.

Всё это, ко всему прочему, происходит на фоне тотальной десакрализации власти, мы видим, что элиты – первые лица нашего государства – это блогер Медведев, который так же как миллионы

обывателей ведёт свой блог, или автомобилист Путин, который также, как и миллионы россиян, ездит на «Жигулях»; футболист Грызлов, или собиратель камней Миронов. Вот это - первая четверка государства, демонстрирующая вопиющий пример полной десакрализации власти, низведения позиции власти до уровня естественного сознания. Это демонстрирует массам, населению, что это такие же люди, как и они, соответственно, никакого логоса и никакой рациональности они не несут в себе, также как и не несут их в себе сами массы. Не удивительно, что наши элиты воспринимаются массами как нечто нерациональное.

В то же время, понятно, кому пытаются подражать наши элиты. «Своим парнем» в глазах населения всегда хотят казаться американские политики, они на этом строят свои кампании, выступления в телеэфирах, на митингах. И люди говорят – «смотрите, это свой парень». С одной стороны – это так же десакрализация власти. Однако, это только внешне, ибо Америкой правят сложившиеся столетиями элиты, а не публичные политики. Последние же своим видом дают сигнал массам – вашей целью должна быть экономическая мотивация, живите обычной жизнью, работайте, расслабляйтесь. Казалось бы, они обманывают свои массы. Но нет. Они обманывают наши элиты. Это ложная мотивация к экономике, как наживе, как к конечной цели направлена на наши элиты, которые с удовольствием проглатывают эту наживку и делают наживу своей конечной целью, а в конечном итоге и самого государства. «Если мы не видим философов во главе Государства, значит, они скрыты или находятся вне его, управляя со стороны» (А. Дугин $).^2$

Отсутствие политической рациональности нашей власти, обоснованной, а точнее, подменённой рациональностью экономической, заставляет задуматься о том, что во главе нашего государства находятся не философы. Значит философы, которые управляют нашим государством, находятся вне его, там,

где торжествует идея как логос. Носителем логоса, предельной рациональности и сверхидеи, как мы уже здесь установили, являются США. Это не тождественно прямому внешнему правлению, которым отличалась эпоха Бориса Ельцина, но это тождественно прямому идейному, философскому правлению. Казалось бы, подумаешь философия, ведь есть всеоправдывающий прагматизм. Но это возражение прагматиков,

в то время, как философы отвечают на это - «Государство, чьи элиты глупы или просто взяты из массы, существовать не может. Государство есть форма Логоса, если в Государстве нет Логоса, то нет и Государства. В этом случае - это эфемерный фантом». (А. Дугин). Подлинные же элиты России, при признании неизбежности наличия логоса в государстве, это и есть носители Идеи. Сегодня они находятся в состоянии контрэлиты. 10

Дефицит рациональности российской власти заключается в отсутствии у современной России сверхидеи, эсхатологического проекта,

понимания неизбежности финальной битвы (мы или они) или тотального проигрыша, т.е. нашего исчезновения. От страха перед финальным столкновением наша элита готова добровольно исчезнуть, самоликвидироваться. Но наше исчезновение — не рационально. Где хвалёный прагматизм? К тому же в традиции - мир и всеобщее благоденствие, которым оправдывается такое уклонение от столкновения, является признаком прихода антихриста. Но даже в этом случае нам не избежать финальной битвы сил добра и зла.

Русская рациональность заключается в завершении истории на нашем аккорде, ни больше, ни меньше. Мы достигали каких-либо успехов только тогда, когда именно эту цель ставили в основу своего бытия. И наши массы с удовольствием подчиняются этой идее, смиряются с любым насилием над собой, когда оно оправдано сверхидеей. Построение русского мира — достаточная финальная эсхатологическая цель, которая всё упорядочивает, расставляет на свои места. Сразу становится понятно, что и зачем?

Нынешние элиты абсолютно нерационально боятся какой-то конфронтации или, тем более, открытого столкновения с Америкой или с Западом, они считают, что от этого надо уходить, максимально долго уклоняться. Но здесь надо понимать, что мир может быть либо американским, потому что это

является их целью – тогда нам там нет места, нас просто вычеркивают, либо этот мир должен стать русским, т.е. мир должен закончиться на нашем аккорде, на торжестве русской истории, и тогда там нет места Америке, но как тогда уклоняться от столкновения, не понятно? Уклонение от столкновения, от финальной битвы — это и есть предельная нерациональность, т.к. означает наше исчезновение. «Нам необходимо

реконструировать Государство как Логос, как Идею. Это чисто философское задание. Поэтому для того, чтобы спасти Россию, надо ее воспринимать как Идею, увидеть, осмыслить, схватить как молнию в ночи» (А. Дугин). Погос России в эсхатологической идее русской империи конца. Это и есть эталон нашей политической рациональности, которой нам так не хватает.

Установив эталонную конечную политическую цель существования России как государства, мы обнаруживаем, что тот прагматизм, о котором говорил Путин, и тот, который декларирует Медведев – имеют абсолютно разную направленность.

Нынешний прагматизм Медведева — это модернизация + вестернизация. И уж абсолютно точно, модернизация Медведева — это модернизация без мобилизации, без которой невозможно осуществление усилия всего народа для сверх-рывка государства к великому про-

екту. Без всеобщей мобилизации невозможно достижение сверх-цели, а значит невозможен и эсхатологический, финальный проект. Прагматизм Медведева — это экономический прагматизм сдачи союзной Белоруссии в обмен на увеличение экспортных пошлин на поставки нефти в эту страну; это сдача стратегических отношений с Ираном в обмен на вступление в ВТО; это установление приоритетных отношений во внешней политике с США в обмен на технологии, которые мы никогда не получим, что симметрично приводит к остыванию отношений со странами СНГ. Прагматизм Медведева чисто экономический и при этом, сугубо либеральный, поэтому он так чисто говорит о демократии, отрицая любую града-

цию этого понятия. Ибо эталонная и единственная демократия — это американская либерал-демократия, навязываемая всем остальным волевым образом. Да, либерализм — это тоже идея, логос, мотивирующий государство к эсхатологическому рывку. Но это — НЕ НАША идея. Либерализм — это не наш логос, а нажива не может лежать в основе нашего

мобилизационного проекта. Принятие либеральных моделей, с экономической мотивацией в своём основании - это предельно НЕ рационально для России.

Прагматизм Путина — это остановка распада страны, т.е. утверждение России — как ценности, России самой по себе, вне зависимости от её актуального состояния и направленности развития; удаление олигархов от власти, выражавших эталон либерального правления эпохи Ельцина; мюнхенская речь, расставляющая все точки над "i" в определении ясной поляри-

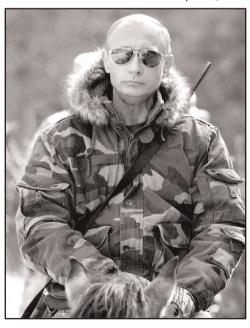
зации, обозначение модели «друг-враг». 11 Наконец. став главой правящей партии, Путин ясно и недвусмысленно сделал ставку на консерватизм, являющийся идеологическим выражением идеи великой России - как проекта, принимающего её сверх идею, как идею торжества русского мира, бросающего вызов глобализирующемуся миру несправедливости. Именно Русский мир – это то, что Путин не раз называл точкой сборки восстановления новой России, готовящейся к финальной битве. Возвращение Путина - есть возвращение патриотического консервативного придающего логоса, осмысленность нашему существованию и ясность направления движения.

Сегодня мы вновь стоим на пороге выбора между консерватизмом и либерализмом. И сколько бы мы не выбирали консерватизм, нас снова и снова ставят перед этим выбором. Не хотите либерализм? Ладно, назовём его модернизацией, а теперь, выбирайте снова. Неведомая сила, вне нашей воли возвращающая раз от раза нас к тому же самому выбору, буквально навязывая либеральные модели развития — есть ни что иное, как логос запада. Чёткий, последовательный, ясно осознающий свою финальную цель. Но их рациональность — это именно то, что должно нас убить. Сильнее нас сделает лишь наш, русский

логос, появление которого — так же есть испытание, обнаружить и принят его оказывается не так просто. В конце концов, наш выбор лежит между русской политической рациональностью нашей консервативной, Великой Империей конца и либеральной, экономически мотивированной рациональностью запада, неумолимо ведущей нас к завершению истории на их аккорде. Но нас там уже не будет.

Ссылки:

- 1) Алипий (Кастальский-Бороздин), архим; Исаия (Белов), архим. Догматическое Богословие. Курс лекций. Часть III Бог творец и Промыслитель мира. 2005 г.
- 2) А. Дугин Логос российского государства и дефицит политической рациональности в современной России: итоги семинара Социологического факультета МГУ. Электронный ресурс http://konservatizm.org/konservatizm/the-ory/131010153204.xhtml
- 3) Ф. Ницше Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, М. ТОО «Транспорт», 1995 г.
- Т. Гоббс Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. «Мысль»
- 5) Власть силы, сила власти. Антология. М. Юристь
- 6) К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. Т. 4 с. 447, Т.22 с. 200 201.
- 7) Анатолий Райх У Лужкова рак щитовидной железы в прогрессирующей форме. Электронный ресурс http://www.compromat.ru/page 15190.htm
- 8) Майкл Хардт, Антонио Негри Империя (Етріге), М. Праксис, 2004 г.
- 9) Карл Маркс Нищета философии. М. Либроком, 2010
- 10) Е. В. Осипова Социология Вильфредо Парето. Политический аспект М. Алетейя, 2004 г
- 11) Карл Шмитт Политическая теология. М. Канон-Пресс-Ц, 2000 г.

Новые формы политической рациональности на Западе и в России

Андрей Коваленко аспирант социологического факультета Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова. dialektika@list.ru

Тема политической рациональности, ее метаморфоз и мутаций является крайне актуальной не только для современной России, но и во многом для стран Запада, где в последние десятилетия также начинает наблюдаться некоторый дефицит политической рациональности и сбои в продвижении четко ориентированной политической линии. Для прояснения сути проблемы обратимся к ведущим философам и политологам в России и за рубежом, которые занимались проблемой политической этики

К числу таких классиков относится немецкий политический философ Дольф Штернбергер. Этот автор малоизвестен в России, хотя в Германии наряду с Ханной Арендт, Лео Страусом и Эриком Фегелином считается одним из классиков политической мысли. Политическую рациональность он попытался осмыслить в фундаментальной книге «Три корня политики» 1978 года издания. В ней он постарался систематизировать этические представления о политической рациональности начиная с античности до XX века. Так, по его мнению, исторически существовало не более трех форм политической рациональности, на основе которых строилась та или иная политическая система. К их числу относятся:

Аристотелевская или антропологическая рациональность. Ей свойственна ориентация на имманентное аспект блага членов общества, то есть финальной целью такой политики является счастье жителей полиса, государства или империи.

Макиавеллистская или демонологическая рациональность. К ней относится любая политика, осуществляемая государем или узкой политической верхушкой, если сохраняется власть. Сама же власть понимается как главная

и единственная ценность, из которой по необходимости вытекают порядок, отсутствие бунтов, стабильность политической системы и т.д.

Политическая рациональность бл. Августина или эсхатологическая рациональность. По мнению Штернбергера, прямыми и единственными продолжателями этой линии политической рациональности в Новое время являлись Карл Маркс и Владимир Ленин. Она же является самой опасной.

Опираясь на данную систематизацию, можно сделать вывод о раз-

нородных типах дисфункций рациональности на Западе и в России. Так, для России характерна дисфункция эсхатологической и утопической рациональности. Огромные народные массы, воспринимающие мир, по Гегелю, через призму естественного сознания,2 просто неспособны за несколько перестроиться с достижения утопии на ее преодоление, на ориентацию к бытовому и материальному благополучию. Финальные цели и трансцендентные ценности на всех этапах истории России были надиндивидуальными и имели мобилизационный характер, что создает существенные трудности для адаптации к аристотелевской рациональности, ориентированной на элиминирование эсхатологических целей и ценностей. Данная дисфункция была подробно рассмотрена ныне здравствующим доктором философских наук, ведущим научным сотрудником ИФРАН И.И.Кравченко.

В своей работе «Бытие политики» он предложил всего два типа возможных ориентаций политической рациональности, направленной на осуществление какого-либо проекта:

- 1. Порождение утопии
- 2. Преодоление и вытеснение утопии

Других типов рациональности, по мнению Кравченко, существовать не может. Политическая система ориентирована либо на создание утопии и ее достижение, либо на максимально возможное ее преодоление. Стоит также отметить, что

и Штернбергер, и Кравченко отрицательно относятся к утопической рациональности, логически ориентированной хоть на какую-то Causa finalis.

«Рациональность этого второго типа [порождение утопии] имеет тенденцию трансформироваться в иррационализм: политика и власть превращаются в "тайну", действия власти – в тайнопись, проблема

доверия к власти преобразуется в проблему веры в нее и в утопические и мифологические компоненты, которые она включает. Вера такого рода может трактоваться как рационально признанная необходимость действовать, признавая неразрешимость соответствующих проблем или разрешимость на деле неразрешимых проблем данного общества (этапа, события и т.д.). Утопия и миф оказываются организующими общество или часть общества (класс, группу) началами. Утопия приобретает свойства рациональности, в превращенной, специфической форме "рациональной утопии"», - пишет об утопии Кравченко. В Его

критика утопической рациональности для современной России кажется вполне обоснованной за исключением одного фактора: утопическая рациональность ни в чем не уступает рациональности, преодолевающей утопию, а также не имеет тенденции к трансформации в иррационализм. Если быть точным, выражение «политическая иррациональность» или «государственная иррациональность» представляют собой стилистическую фигуру оксюморона как горячий лед или живой труп. Например, советская политическая рациональность была по природе своей эсхатологичной, и именно поэтому была более понятной и целерациональной по отношению к своей Causa finalis, чем нынешняя внешняя и внутренняя политика Российской Федерации. Отсюда становится ясной природа сбоев политической рациональности, обусловленная в первую очередь даже не неправильной постановкой целей и задач, а вообще отсутствием такого рода постановок.

Наконец, последним ученым, чьи рассуждения о рациональности вошли во все российские и зарубежные учебники социологии, является немецкий социолог Макс Вебер. Среди прочих типов деятельности он особо выделял целерациональное и ценностно-рациональное действия. Для первого, если рассматривать в качестве субъекта деятельности государство, характерна рациональность в достижении поставленной цели,

для второго отстаивание ценностей является абсолютным императивом, даже если это мешает осуществлению тех или иных практических целей.

Относительно стран Запад необходимо отметить, что и там существует своя ценностно-рациональная и целерациональная политика, которая дает похожие сбои, но абсолютно по другим причинам.

Политические элиты на Западе на самом деле готовы отстаивать права человека и либеральные ценности, и в этом смысле США, Франция или Великобритания являются классическими идеократиями с либерально-капиталистическим Логосом своего поведения. Соответственно, если в России дает сбой эсхатологическая рациональность, то на Западе (возможно, еще сильнее) «сбоит» в самой себе внутренне противоречивая либеральная рациональность. Так, например, отцы отцы-основатели США и классики либерально-капиталистической философии, фундамент которой был заложен еще в XIX века, не могли и

помыслить, что утверждение либерального Логоса вызовет через несколько столетий парады сексуальных меньшинств, эксперименты над человеческой физиологией, фатальный демографический провал и т.д. Этому, в частности, посвящена книга Френсиса Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее». 4

Таким образом, политическая рациональность на Западе заходит в тупик, из которого ей не удастся выбраться, не подвергнув критике фундаментальные положения либерально-капиталистического государствообразующего Логоса.

Ссылки

- 1. Sutor, B, Ethische Aspekte demokratischer Streitkultur, in: Ulrich Sarcinelli (Hrsg.), Demokratische Streitkultur. Theoretische Grundpositionen und Handlungsalternativen in Politikfeldern, Opiaden 1990, S. 157-176.
- 2. Гегель Г.В.Ф., Феноменология духа. СПб.: "Наука", 1992. С. 541
- 3. Кравченко И.И. Бытие политики. М., 2001. С. 53
- 4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Изд. АСТ, ЛЮКС, Москва 2004

СЕМИНАР № 3

Актуальность Карла Шмитта для современной России

- Государственная идея Карла Шмита и путь имперского дзэна Китаро Нишида
- Левый взгляд на правовую теорию Карла Шмитта
- Группа «Телос» и шмиттеанство в США: идеи Шмитта как орудие социальной критики
- Карл Шмитт и Владислав Сурков: мерцание Политического
- Правовое обоснование государства в работах Карла Шмитта и его актуальность для современной России

Общий обзор семинара. Предмет исследования, цели и задачи проведения семинара

Семинар «Актуальность Карла Шмитта для современной России», состоявшийся 2 ноября 2010 года, был посвящен анализу философских и политологических концепций Карла Шмитта, актуальность и значение которого в современном мире вряд ли можно переоценить.

Главный доклад

В докладе профессор А.Г. Дугин высказал следующие тезисы:

- 1. Центральный тезис К. Шмитта: государство есть теология. Структуру государства строго тождественна структуре религии, поскольку главный вопрос религии и политики вопрос власти. Структура государства полностью повторяет структуру отношения к Божеству. Здесь полезно вспомнить Дюркгейма: Бог есть общество, как оно само себя понимает. Общество само себя понимает в государстве, поэтому государство не просто нечто божественное, государство есть Бог. Идея Гоббса о Левиафане именно такова. Общество как Бог репрезентирует самого себя в государстве. Отсюда прямая связь типов теологий и типов государств.
- 2. По Шмитту, традиционное государство есть выражение обычной теологии например католической или православной. Современное либеральное государство есть выражение теологии протестантской. Социалистическое государство есть выражение теологии эсхатологической (Мюнцер, анабаптизм). Государство есть всегда проекция теологии.
- 3. Это значит, по Шмитту, что государство есть Логос, который всегда имманентен человеку, но всегда выстраивает трансцендентную дистанцию над ним. Как теология, государство создает субъекта и объекта. Оно выносит последнее решение о том, что реально, а что нет.
- 4. Мы видим у Шмитта, что Политическое есть только философия и ничего кроме философии. Это не просто отражение Логоса, это Логос.

- 5. Между философией, религией и политикой существует строгое тождество, так как все они строятся по модели иерархических вертикалей. По Шмиту, с чем бы мы не имели дело с государством, философией или религией, мы имеем дело с одной и той же системой, с той же самой кириологической осью. В политике эта кириологическая ось артикулирована парой друг-враг, в религии парой имманентноетрансцендентное, это и иное, в философии это естественное сознание и логическое философствование, интенциональность и рассудочная инстанция, т.е. дуальность между естественным и противоествественным сознанием, между умом и разумом.
- 6. Шмитт создал самое фундаментальное учение о государстве, синтезирующее и инкорпорирующее в себя Платона, Гоббса и Гегеля. Поэтому любые отсылки к Шмитту содержательны. Шмитт сказал нам о государстве всё, что можно. Это взгляд с позиции Логоса. Учение Шмита является апогеем учения о логосе во всех его ипостасях. В Шмитте суммируется Запад. Не знающий Шмитта не знает о Западе ничего. Вся настоящая политология это только Шмитт. Шмитт есть абсолютный предел в осмыслении государства.
- 7. Карл Шмит очень плохо ложится на российское мышление, потому что это мышление острое, разорванное, глубоко травматическое, создающее высокий неснимаемый дифференциал между этим и тем, между другом и врагом, между низом и верхом, между рабом и господином.
- 8. Китаро Нишида главный философ Японии. Основатель современной японской философии. Эта философия не есть археомордерн. Она есть попытка японцем осмыслить не-Японию. Нишида, открыв Запад, открыл Гуссерля. Гений опознал гения. Далее Нишида понял Гуссерля, а через него все остальное. Далее Нишида соотнес Гуссерля с Японией.
- 9. Что с Гуссерлем? А то же что и с Брентано. Логическое суждение (Urteil) и интенциональность. И тут главное: Нишида видит ясно, что Гуссерль интерпретирует интенциональность с позиции логоса, который пытается элиминировать. Отлично, говорит Нишида. А не зайти ли нам с другой стороны? Не попытаться ли нам интерпретировать интенциональность в других формах? Например, через дзэнбуддизм?

Семинар №3 Актуальность К. Шмитта для России

- 10. Так рождается философии «босё», «логика мест». Интенциональность, чья механика признается верно вскрытой у Гуссерля, помещается в иной мета-контекст в контекст философии «му». То есть буддистской шуньяты. Иными словами, за пределом «естественного сознания», которое одинаково у Востока и Запада, начинается альтернативная метафизика иной логос, логос места, логос пространства.
- 11. Структура логоса места, босё, такова: вещь есть пустота, лежащая за ее пределом. Поэтому вещь есть то место, где ее нет. Вещь есть место, замещающее собой пустоту. Ноэма верифицируется не в
 - объекте (постулируемом логосом), но в действительности пустоты, как ее смерти. Место есть внутреннее содержание границы, пределом которой выступает «му». То есть буддистский логос постулирует не вещь за пределом ноэмы, но ее смерть, пустоту. Так интенциональность вписывается в буддистский логос.
 - 12. Теперь к государству. По Нишиде, существует иерархия мест, босё. Малые места вкладываются в большие места, а большие в еще большие. Последним горизонтом места, местом всех мест, является государство. Для всех вещей людей, существ, оно выступает как абсолютная смерть. Но само государство как последнее место объемлется конечным «му».
 - 13. Экзистируя, вещь колеблется в своих границах. Это колебание есть дрожание, трясение, тряска, то есть трусость. Труся, дрожа, дрожащая тварь экзистирует внутри места, босё, не догадываясь о том, что она лишь репрезентирует бесстрашие смерти, объемлющей границу места. Бросив взгляд за предел, тварь перестает дрожать и трястись. Она становится собой. «Му» не внешнее, но внутреннее. Тварь постигает смерть. Это путь воина, самурая воин не живет, в нем живет смерть. Это путь переступания от себя к ничто, в смерть.
- 14. Так как государство есть последнее место, то оно становится высшим сосредоточением буддистского логоса. Государство есть квинтэссенция смерти и поэтому источник абсолютного бесстрашия. Тот, кто стоит на стороне государства, тому не страшно ничего, так как он уже пронизан силами абсолютной смерти. Государство не должно быть хорошим. Оно вообще не должно. Государство таково, каковы служащие ему. Те, кто преодолевают себя, те и создают

государство-смерть. Хорошо преодолевают – государство хорошее. Плохо – государство дрожащее, слабое. Все зависит не от него, но от воинов, идущих путем пустот, путем высшего преодоления.

- 15. Два взгляда на государство: западное и восточное, Шмитт и Нишида. Два логоса, две теологии, две политологии. Оба подхода восхитительны, на мой взгляд.
- 16. Россия канат между Западом и Востоком. Если мы не знаем Запада, мы не знаем одной точки, к которой он привязан. Не знаем Востока не знаем другой. Шмитт и Нишида два полюса евразийской по-

литологической мысли. Ясный Логос Запада и четкая механика босё. Их синтез – идеал русской государственности.

- 17. Пока же наше государство ничтожно. Есть два пути преодоления этой «ничтожности», его воссоздание и переучреждение либо его демонтаж и ликвидация. Сегодня и то и другое вероятно. Отмена и ликвидация это не к нам. Нас интересует переучреждение. Что такое переучреждение российского государства? Ответ: четкий и осмысленный синтез Шмитта и Нишиды.
- 18. У Шмитта ищем тему пространства, места (и легко находим ее «номос»). У Нишиды ищем тему логоса и легко находим ее смерть, пустота, «му». Объединяем это в новой механике русской государственности.
- 19. Именно в этом поле высокого напряжения между Шмиттом и Нишида должен развиваться просвещенный консерватизм.

Вспомогательные доклады

Левый взгляд на правовую теорию Карла Шмитта

В своем докладе доктор философии Пшемыслав Серадзан (Uniwersytet Warszawski) попытался рассмотреть философские и политологические идеи Шмитта через призму левой идеологии, вычленить в шмиттеанстве те аспекты, которые созвучны левым и непредвзято оценить методологический инструментарий, предложенный Шмиттом. В

первую очередь докладчик отметил, что несмотря на то, что Шмитт был радикально правым консерватором, им вдохновлялись такие величины левой мысли, как Джорджио Агамбен, Славой Жижек, Жак Деррида, Антонио Негри и другие. Почему Шмитт оказал значительное влияние не только на консерваторов, но и на левых? Если сопоставить концепции Маркса и Шмитта, то мы обнаружим между ними фундаментальную общность, заключающуюся в том, что и первый и второй рассматривали конфликт первичным атрибутом Политического.

В основной части доклада внимание слушателей было обращено прежде всего на Шанталь Муфф, современного теоретика пост-марксизма и феминизма, не скрывающую своей оппозиции традиционному обществу. Несмотря на это, Шанталь Муфф часто ссылается на Шмитта как на одного из величайших политических мыслителей и признает его огромную роль формировании собственных политико-философских взглядов. В труде «Гегемония и социалистическая стратегия» Муфф и ее соавтор Лакло критикуют классический марксизм за преувеличение роли экономики и постулируют последнюю как лишь один из аспектов Политического, а классовую борьбу – лишь как одну сторону политической борьбы. В других работах «О Политическом», «Возвращение Политического» и «Парадокс демократии» Муфф постоянно ссылается на

Шмитта и утверждает, что без понимания Шмитта невозможно понимание современной правовой системы, современного государства и современной политики в целом. При этом Муфф не преследует целью создать левое шмиттеанство. Для левых Шмитт безусловно враг. Однако все авторы сборника «Вызов Карла Шмитта», редактором которого являлась Муфф — как и Шмитт, радикальные ультралевые

противники либерализма. В либеральной мысли нет места для теории противника. Для либералов существует либо соперник, либо партнер в дебатах. Вся либеральная концепция Политического в конечном счете сводится к политтехнологии, маркетингу и РR. Именно в этом, по мнению Муфф и ее единомышленников, заключается фундаментальная ложь либеральной демократии и либеральной политической теории, превращающую Политическое в виртуальную сферу, элиминирующее понятие суверенитета и гегемонии. По мнению Муфф, шмиттовский децизионизм бросает жесткий вызов либеральной теории государства.

Резюмируя, Серадзан сказал, что Карл Шмитт является учителем всех — как правых, так и левых, вне зависимости от степени одобрения его политической биографии и политических симпатий.

Группа «Телос» и имиттеанство в США: идеи Шмитта как орудие социальной критики

В докладе аспиранта кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ Александра Бовдунова речь пошла о специфике восприятия и интерпретации идейного наследия Карла Шмитта в США. Докладчик обозначил как наиболее интересное направление в американском шмиттеанстве и шмиттоведении сложившуюся вокруг «нового левого» журнала «Телос» группу интеллектуалов, представленную прежде всего основателем журнала «Телос» Полом Пиконе, исследователем творчества Шмита Гарри Ульменом, политологом и социологом Полом Готтфридом и «новым правым» Томиславом Суничем.

Рассматривая центральные аспекты интерпретации идей Шмитта группой «Телос», Александр Бовдунов в первую очередь коснулся шмиттеанской концепции конкретных порядков

и критики технологии. Шмиттеанское понимание легальности и легитимности осмысляется Пиконе и Ульменом в контексте расхождения между пре-концептуальным измерением и категориальными объективациями, между бытием и мышлением. Пиконе и Ульмен настаивают, что именно элиминация зазора между бытием и мышлением в идеологии Просвещения ведет к возникновению необоснованной ничем

кроме самой себя рациональности, которая может обратиться в безумный рационализм, характерный для нацистской идеологии. Единственная возможность избежать подобного – дать опору рационализму в прерациональном и пре-концептуальном измерении, для Адорно это мимезис, для Гуссерля – жизненный мир, для Хайдеггера – возвращение к Бытию, для Шмитта – конкретные порядки.

Следующим важным пунктом, обозначенным докладчиком, является осмысление шмиттовской критики технологии. Авторы «Телоса» отмечают критическое отношение Шмитта к технике и

технологии, дух которой он называл «Антихристом». Согласно Пиккони и Ульмену, эта критика техники есть критика «забвения Бытия». Техника есть сущность знания просвещения, знания-власти по Бэкону. Критика отчуждения, позитивизма и верховенства закона вполне применима к критике современных «демократических режимов», которые Пол Готфрид называет управляемыми демократиями или управляемым государством (managerial democracy).

Далее докладчик проанализировал концепты «терапевтического государства», «прав народов», «complexion oppositorum» и мульткультурализма.

Готфрид постулирует, что эволюция либерализма привела к его перерождению в управляющий, менеджерский либерализм, где базовые либеральные свободы нарушаются, а сам режим становится все больше похож на тоталитарный. Постепенно менеджерское государство перерастает в «терапевтическое». Терапевтическое государство стремится установить полный контроль над мыслью и речью демократических граждан, так посредством собственных институтов и институтов гражданского общества насаждается понятие вины и виновности по отношению к якобы «угнетаемым» меньшинствам. Более того, привнесение американского либерально-протестансткого концепта мультикультурализма на европейскую почву

приводит к тому, что европейцы с авторитарным рвением стремятся насадить у себя эту политику вины. Мультикультурализм в данном случае играет особую роль. Как отмечает Томислав Сунич в работе «Глобальная деревня и права народов» в условиях господства аполитичных либеральных ценностей разнообразие этносов насильственно гомогенизируется, что приводит к рождению «мультикультурного зоопарка».

Продолжая разбор шмиттовский критики либерализма, докладчик отметил, что принципиальными характеристиками либерализма, по Шмитту, являются слабость, стремление избежать принципиальных решений, поиск компромиссов и таким образом ослабление государства и деполитизация западного общества.

Суммируя все сказанное, докладчик сказал, что основанные на идеях Шмитта концепты органической демократии Сунича и его осмысление прав народов, симпатии Пиконе и Ульмена к прямой демократии на местах являют собой попытки дать альтернативу нынеш-

нему тревожному состоянию. В заключение докладчик отметил, что тот потенциал социальной критики, которые мыслители «Телоса» открыли в наследии Шмитта и развили применительно к современному обществу, позволяет применять его и в изысканиях по поводу четвертой политической теории.

Карл Шмитт и Владислав Сурков: мерцание Политического

Студент 5 курса исторического факультета МГУ Алексей Сидоренко в своем докладе «Карл Шмитт и Владислав Сурков: мерцание Политического» изложил свой анализ российской политической действительности последних двух десятилетий в оптике идей Шмитта. Докладчик начал с того, что обратил внимание на следующий парадокс: массовую популярность Карл Шмитт, радикальный теоретик суверенитета, приобретает в России в 90е годы, в эпоху бурной десуверенизации. Еще более интересен тот факт, что в 90-е годы в экономике господствовал превратно понятый, но абсолютно шмиттеанский тезис, а именно «брать, делить и использовать». Исходя из этого, докладчик сделал вывод, что в известном смысле в этот период мы все жили по некорректно интерпретированному и искаженному Шмитту. В таком состоянии мы подходим к ру-

бежу нулевых. Здесь внезапно происходит фундаментальная политическая метаморфоза, суть которой заключалась в установлении власти, совершенно легитимной с точки зрения народа, но нелегального относительно уже обозначенной нами линии и установок 90-х. Оказавшись в этой совершенно классической по Шмитту ситуации, т.е. в чрезвычайной, власть, осознавая себя, вдруг обнаружила, что она слаба

и неуверенна в себе, что у нее не получается черпать легитимность и легальность из предшествующей эпохи и режима. Перед властью встал выбор между маршрутами Коммисарской и Суверенной диктатуры. Докладчик подчеркнул, что этот фундаментальный выбор сделан не был. По мнению докладчика, Путин и его политика не является плодом ни одной из этих систем. Путин олицетворяет собой чрезвычайную комиссию, действующую в условиях чрезвычайного положения. Это не система, но совокупность решительных действий, производящихся в условиях внешней агрессии. Путин и его действия возникают в поли-

тическом поле только тогда, когда возникает угроза для государства и являют собой не что иное, как подлинное Политическое. А поскольку такие угрозы являются не перманентными, но ритмично возникающими, то и реакция на них (активизация Политического) проявляется ритмично. Исходя из всего вышесказанного, докладчик охарактеризовал сущность нулевых как период мерцания Политического в России, фоновым сопровождением которому стал оксюморон Комиссарской и Суверенной диктатур.

Генезис и правовое обоснование государства в работах Карла Шмитта

В заключительном докладе семинара аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ Андрея Коваленко изложил сущность шмиттовской оппозиции левым и либеральным концепциям государства и права. Карл Шмитт выступает как жесткий противник либерального плюрализма во внутренней политике, поскольку плюрализм оказывает дезинтегрирующее воздействие на общество, разделяя и членя его по индивидуальным, религиозным и иным признакам. В то же время Шмитт выступает за плюрализм во внешней политике и отвергает в ней апелляции к таким уни-

версальным категориям, как Бог, человечество и т.д.

Заключительное слово А.Г. Дугина

В заключительной части семинара профессор Дугин высказался о том, что все три фундаментальных сегмента – государство, религия и философия – в настоящее время находятся в ужасном состоянии, и в

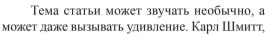
этом коренится необходимость восстановления кириологической вертикали и «тройной симфонии». Профессор обратил внимание, что идея кириологической оси очень тревожна. Мы должны искать в ней место себе. Для русской психологии это представляет огромную сложность: мы не можем быть господами, но и не хотим быть рабами. Русский стремиться «снять» это дуалистическое напряжение. Но суть семинара заключается именно в акцентировании противоположности. Есть только рабы и господа, больше никого. Мы должны учиться иметь дело с острыми образами и травматическими конструкциями — строго по Шмитту.

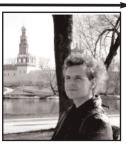

Карл Шмитт

«Новые левые» и наследие Карла Шмитта

Пшемыслав Серадзан (Польша), Uniwersytet Warszawski.

без всякого сомнения, являлся радикальным правым. Это потверждает весь его жизненный путь, начиная с сотрудничества с национал-консервативными кругами Веймарской Респулики, его поддержки политики НСДАП в Третьем Рейхе, заканчивая апологей капиталистического, фашиствующего режима генерала Франко в послевоенный период. Это факты — все попытки описания реакционера Шмитта, защитника консервативной диктатуры, католического мировоззрения и, в определенной степени, мещанских ценностей, как мыслителя, близкого левым идеям (или идеологически неопределённого/нейтрального) - манипуляция и интеллектуальный обман.

Тем не менее, осмысление великих идей в противоположном идеологическом ключе очень часто приводит к интереснейшим выводам и позволяет отбросить привычные схемы и догмы, которые утаивают свободу мысли. Именно такая интеллектуальная «Игра в бисер» должна, на мой взгляд, стать методологической основой процесса создания «Четвёртой политической теории». Именно поэтому «левое шмиттеанство» не только возможно, но необходимо.

Карл Шмитт являлся не только реакционером, но также блестящим мыслителем и одним из величайших теоретиков политики права XX столетия. Без глубокого осмысления его трудов просто невозможно заниматься сферой Политиче-

ского. Это касается как левых, так и правых. Этот факт сознавали и сознают многие левые теоретики — Шмиттом вдохновлялись и вдохновляются Даниэль Бенсаид, Джорджио Агамбен, Францишек Рышка, Славой Жижек, Жак Деррида и Антонио Негри. Мудрец из Плеттенбегра вызывает интерес и восхищение среди неомарксистов и постмодернистских критиков либерализма. В свою очередь, либералы

относятся к Шмитту с невероятным презрением. Показательно высказывание основного идеолога современного либерализма Юргена Хабермаса, который определил наследие Шмитта как «интеллектуальный мусор». 2

Я хотел обратить внимание читателя на Шанталь Муфф — ведущего идеолога современных антикапиталистических левых либертарианцев, которая вдохновляется Карлом Шмиттом. Её творчество, как и труды современных «новых левых» в целом, не пользуются популярностю в России, поэтому, как кажется, необходимо приблизить Читателю её личность.

Шанталь Муфф

Шанталь Муфф (1943 года рождения) – бельгийская профессор теории политики, ведущая идеолог неомарксизма, критик мещанской системы ценностей, буржуазного общества и патриархальной модели семьи. Преподаёт в Вестминстерском Университете в Лондоне. Является сто-

марксистского течения ронницей В рамках феминистического движения. В 1985 году вместе с Эрнесто Лаклау написала фундаментальный труд «Гегемония и социалистическая стратегия». 4 Авторы критикуют классический марксизм за сосредоточение на экономике, считая, что на самом деле социально-культурная надстройка важнее базиса и первичная по отношению к нему. Экономические и производственные отношения – лишь одна из субсистем Политического, а классовая борьба – одно из проявлений политического конфликта. Тогда Шанталь Муфф еще не ссылалась непосредственно на труды Шмитта, но уже в этом раннем периоде её творчества можно увидеть фундаментальные сходства с тезисами Мудреца из Плеттенберга.

Почему Шанталь Муфф — безусловный враг традиции, буржуазного общества и религии, патриархальной семьи и традиционных ценностей в целом — вдохновляется Шмиттом? Ответ неожиданный, но чрезывычайно прост. Как Шмитт, так и Муфф — горячие сторонники реабилитации конфликта как основной категории политики. Пишет об этом в своих трудах «Демократический парадокс», ⁵ «Возвращение Политического» ⁶ и «О политическом». ⁷

Я хотел бы обратить внимание на сборник текстов ведущих современных левых интеллектуалов под названием «Вызов Карла Шмитта» под реакцей Шанталь Муфф.

Шанталь Муфф в введении в данный сборник тесктов пишет: «Карл Шмитт – враг, но враг величайшего интеллекта. Каждый, кто проигнорирует его учения – обездоленный в интеллектуальном плане». 8

По мнению Шанталь Муфф, либеральная теория политики является теорией консенсуса. Категории «врага», «противника» не суще-

ствует вообще — есть только либо соперники, либо партнеры в делах. Следовательно, для либерала вся сфера политического сводится к политической технологии, маркетингу и РR. Именно в этом заключается вся ложь либеральной демократии, которая создает виртуальную сферу политической технологии и очень узкие рамки, в которых разрешает очень оживленные и страстные дебаты. Следует добавить, что темой этих дебатов является «всё, за исключением всего» - значит, за исключением принципиальной темы гегемонии капитала (или суверенитета капитала).

Шанталь Муфф считает, что шмиттеанский «децизионизм» является самым серьёзным вызовом, брошенным ложной либерально-демократической теории правового государства. Самая большая ошибка либералов заключается в том, что они рассматривают право и закон как некий нейтральный фактор. На самом деле закон никогда не является нейтральным — он всегда чётко отражает сферу Политического и раскладку сил в политическом конфликте. Именно здесь можем заметить принципиальное сходство Карла Шмитта с Карлом Марксом . 10

Карл Шмитт, критикуя либерализм, обращает внимание на фундаментальную ложь, которой является разделение частной и политической (общественной) сферы. Для либерала, который считает, что существует частная сфера и обществен-

ная сфера, отдельная от неё, сферы

- РЕЛИГИИ
- КУЛЬТУРЫ
- ОБРАЗОВАНИЯ
- ЭКОНОМИКИ

являются нейтральными с точки зрения политики! «Общественными» являются лишь избирательный процесс и избирательные технологии, и именно к ним сводится вся сфера политического. На самом деле избирательный процесс вторичен, а настоящая, ожесточённая политическая борьба идёт именно в областях, которую либералы относят к частной сфере.

Один из самых известных лозунгов молодёжного движения сопротивления 60-х годов 20-го века звучал именно: «Частное есть политическое». Карл Шмитт может быть авторитарным консерватором,

но его тезисы удивительно совпадают с идеями «новых левых» и других (нео- и постмарксистских) контестаторов либеральной парадигмы.

Шанталь Муфф обращает внимание на совпадение категорий «суверенитета» у Карла Шмитта и «гегемонии» у Антонио Грамши и Антонио Негри. Как гегемон, так и суверен вне правового государства. Закон, конституция, права человека — лишь игрушки суверена\гегемона, который он отменяет в чрезвычайных обстоятельствах, когда они для него больше не удобны. Настоящая политика зафиксирована не в конституции. «Новые левые» понимают этот факт благодаря Карлу Шмитту.

Семинар №3 Актуальность К. Шмитта для России

Славой Жижек, один из соавторов книги «Вызов Карла Шмитта» занимается политической теологией с левой точки зрения. Известный словенский политолог сравнивает постполитику с атеизмом и теологей деизма, в которой Бог создал мир, но никак не влияет на процесс его функционирования. Постполитика считает, что суверена либо нет (атеизм) либо он есть, но не вмешивается в политический процесс (деизм). 11

На самом деле, постполитика это своего рода театр, который существует лишь потому, что суверен разрешает ему существовать. Капитал-суверен в любой момент может отменить демократию и

постполитику, лишая обездоленного ребёнка — т.н. «гражданское общество» - его любимой игрушки.

Вот уроки Карла Шмитта. Он учитель нас всех без исключения, и не имеет никакого значения, в какой степени мы симпатизируем его биографии и политическим выборам.

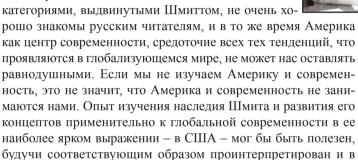
Ссылки:

- 1. Пробуждение стихии, «Элементы» 1/2000.
- 2. T. Gabiś, Carl Schmitt [w:] "Nowe Państwo" 3/2007.
- 3. http://www.westminster.ac.uk/schools/humanities/politics-and-international-relations/people/staff/mouffe,-chantal
- 4. Ch. Mouffe, E. Laclau, Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics London New York, 1985.
- 5. Ch. Mouffe, The Democratic Paradox. London New York, 2000.
- 6. Ch. Mouffe, The Return of the Political, London New York, 1993.
- 7. Ch. Mouffe, On the Political. Abingdon New York, 2005.
- 8. Ch.Mouffe, Introduction [в:] Ch. Mouffe [ред], The Challenge of Carl Schmitt, London-New York 1999.
- 9. Ch.Mouffe, Carl Schmitt and the paradox of liberal democracy [в:] Ch. Mouffe [ред], The Challenge of Carl Schmitt, London-New York 1999.
- 10. J. Dotti, From Karl to Carl. Schmitt as a Reader of Marx [в:] Ch. Mouffe [ред], The Challenge of Carl Schmitt, London-New York 1999.
- 11. S. Zizek, Carl Schmitt in the Age of Post-Politics [в:] Ch. Mouffe [ред], The Challenge of Carl Schmitt, London-New York 1999.

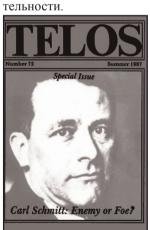
Группа «Телос» и шмиттеанство в США: идеи Шмитта как орудие социальной критики

Александр Бовдунов аспирант социологического факультета МГУ

Восприятие Карла Шмитта в США, размышления американских мыслителей над идеями и самими категориями, выдвинутыми Шмиттом, не очень хо-

России, в опыте присвоения Карла Шмитта русской действи-

Наиболее интересным с нашей точки зрения направлением в американском шмиттеанстве и шмиттоведении является сложившаяся вокруг «нового левого» журнала «Телос» группа интеллектуалов, в начале 80-х ставших пионерами в широком изучении наследия Карла Шмитта в Соединенных Штатах. Наиболее известные величины, маркирующие три интеллектуальных потока, что слились в этом течении — это редак-

тор и основатель журнала «Телос», американский «новый левый» Пол Пиконе и его

соратник, исследователь творчества Шмитта Гарри Ульмен, политолог и социолог еврейского происхождения из Республиканской партии Пол Готтфрид и бывший дипломат, американский ученый хорватского происхождения, одна из заметных фигур в среде европейских новых правых Томислав Сунич.

Парадоксально, но, несмотря на выдвигаемые в адрес неоконов со стороны их оппонентов обвинения в «фашизме», которые подкрепляются доказательствами связи учителя неоконсерваторов Лео Штросса с Карлом Шмиттом, непродолжительное время безуспешно пытавшимся повлиять на политико-правовую доктрину Рейха, сами неоконсерваторы не проявляли никакого особого интереса к творчеству самого Шмитта. Если к наследию другого мыслителя, повлиявшего на Штросса, Александра Кожева, неоконы, в частности, Алан Блюм и его ученик Френсис Фукуяма обращались непосредственно, 1

то о Шмитте такого сказать нельзя. Пиконе и Ульмен отмечают не просто незаинтересованность американских околовластных интеллектуалов в Шмитте как в таковом, но их желание всячески замолчать Шмитта, говорить о нем либо в контексте Штросса, или искусственно его привязывать к «нацизму», либо не говорить вообще. Возможно, некие концепты посредством Штросса и проникли в среду неоконов, но в самом Шмитте есть что-то такое, что останавливает строителей «Нового мирового порядка.²

Рассмотрим подробнее идеи Шмитта и базирующиеся на них собственные концепты американских авторов, чтобы определить эти подрывные для «современного мира» вещи.

Шмиттеанское осмысление легальности и легитимности, греческого понятия номоса не как отвлеченного закона, но как территориального порядка, когда он подразумевает, что правовой порядок должен базироваться на чем-то ином, нежели просто правила и законы, его теория конкретных порядков, как пре-легального, предзаконного аксиологического измерения, без которого невозможна никакая кодификация, но который всегда больше чем любой кодекс связанных норм, потому что включает в себя все исключения, осмысляется Пиконе и Ульменом в контексте общего для многих мыслителей того времени рассмотрения расхождения между пре-концептуальным

измерением и категориальными объективациями. Это дистанция между бытием и мышлением, где первое всегда превосходит последнее. Обращаясь к Адорно и Хоркхаймеру, к «Диалектике Просвещения», Пиккони и Ульмен настаивают, что именно элиминация зазора между бытием и мышлением в идеологии Просвещения ведет к возникновению необоснованной ничем кроме самой себя рациональности,

которая может обратиться в безумный рационализм, характерный для нацистской идеологии. «Единственная возможность избежать подобного – дать опору рационализму в прерациональном и пре- концептуальном измерении, для Адорно – это мимезис, для Гуссерля – жизненный мир, для Хайдеггера – возвращение к Бытию, для Шмитта – конкретные порядки».³

Так же осмысляется и шмиттовская критика технологии. Вслед за другим исследователем Шмитта Джоном Маккормиком⁴ авторы отмечают критическое отношение Шмитта к технике и технологии, дух

которой он в «Римском католицизме и политической форме» сравнивал с «Антихристом». 5 Согласно Пиккони и Ульмену, эта критика техники есть критика «забвения Бытия», критика неспособности мыслить вне заранее созданных структур, которые в своей оторванности, заметим, уже являются инструментами подавления. Техника есть сущность знания просвещения, знания-власти по Бэкону и, Адорно пишет, что «Просвещение относится к вещам точно так же, как диктатор к людям». 6 Критика отчуждения и критика легального позитивизма и верховенства закона вполне применима к критике современных «демократических режимов», которые другой шмиттеанец Пол Готтфрид называет управляемыми демократиями или управляемым менеджерским государством (managerial state).

Отсюда Пиккони и Ульмен выводят свою критику концепции «верховенства закона», которая, будучи в основе шмиттеанской, приобретает метаисторическое и даже бытийное измерение, будучи рассматриваемой в таком контексте, где вместе сводятся Шмитт, Адорно, Гуссерль и Хайдеггер.

Джон Маккормик, отмечает, что критика техники и технологии у Шмитта соединяется с критикой интеллектуального класса, который ведет Запад от теологии к технологии. Эти «священники», по терминологии Шмитта, движутся в направ-

лении полной технизации и деполитизации, абсолютной аполитичной нейтральности, так как нет ничего нейтральнее, чем техника. Но, технологизация таит в себе два неожиданных следствия. Первое — массы, которые никогда не могут быть полностью секуляризованными, в отличие от элит, не воспримут технику нейтрально, таким образом, под маской технологии может возникнуть новая теология — теология

техники. Второе — в технологизированном мире нет места интеллектуальной элите, так как господствующая уже технология не нуждается в тех, кто бы ее продвигал. Значит, господство технологии ведет к элиминации интеллектуалов. Лишенность технологии смысла — это лишенность любых ограничений перед тем, кто ее использует, и господство «нового варварства» лощеных менеджеров. Современное общество может быть рассмотрено в обеих перспективах.

Готтфрид как правый консерватор не очень доброжелательно относится к марксистам, но в общих чертах опираясь на концепты

Шмитта, приходит к тем же самым выводам, что и Пиккони с Ульменом. Своем труде «Массовая демократия и управляемое государство» Готтфрид заключает, что эволюция либерализма привела к его перерождению в управляющий, менеджерский либерализм, где базовые либеральные свободы, типа свободы собраний, повсеместно нарушаются, а сам режим становится все больше похож на тоталитарный. Постепенно, отмечает Готтфрид, менеджерское государство перерастает в «терапевтическое». В книге «Мультикультурализм и политика вины: в направлении секулярной теократии» Готфрид подробно показывает, как такое терапевтическое государство стремится установить полный контроль за мыслью и речью демократических граждан, как посредством собственных институтов и институтов гражданского общества насаждается понятие вины и виновности по отношению к якобы «обиженным» меньшинствам. В

Развивая идею Шмитта о государстве как продолжении теологии, Готтфрид отмечает, что терапевтическое государство не могло бы возникнуть без соответствующих изменений в либеральном протестантизме, произошедших в середине XX века. Либеральное христианство как религия чувствительная только к страданиям предполагаемых жертв начинает продвигать "политику вины». Более того, привнесение американского либерально-протестантского концепта мультикультурализма на

европейскую почву приводит к химерическим последствиям, когда европейцы с авторитарным рвением стремятся насадить у себя эту политику вины.

Мультикультурализм тут играет особую роль. Как отмечает американо-хорватский исследователь Томислав Сунич в работе «Глобальная деревня и права народов» в условиях господства аполи-

тичных либеральных ценностей разнообразие этносов насильственно гомогенизируется, что приводит к рождению «мультикультурного зоопарка», где различные культуры могут свободно ходить только в пределах одной клетки под наблюдением либеральных надсмотрщиков, интеллектуалов и их бюрократических подручных, управленческое господство которых внедряется как нейтральное и, таким образом, не проблематичное». Такой образ являет собой полную противоположность и зеркальное отражение шмиттовской концепции coplexito оррозіtorium как единства противоположностей, в котором ни одна из них

не подавляется, единства, олицетворением которого для Шмитта была Римско-Католическая церковь (этот термин разбирается именно в «Римском католицизме и политической форме»). Выход Сунич пытается найти в обращении к шмиттовской же концепции прав народов. Уже сама возможность осмыслить окружающий нас мир в шмиттеанских категориях показывает альтернативу текущему положению вещей, тому, где видимость разнообразия является непременной основой прочного господства надсмотрщиков, пытающихся легитимизировать свое господство, в том числе и навязыванием якобы универсальных аксиологических систем.

Откуда же взялось «терапевтическое государство»? Как ни странно, на этот вопрос также можно ответить, если обратиться к Шмитту, что и делают Готтфрид, Пиккони и Ульмен, обращаясь к критике Шмиттом либерализма.

Шмитт писал, что «плюралистическое государство, управляемое партиями, становится тотальным не из за своей эффективности, а изза своей слабости. Оно вмешивается в каждый аспект жизни, потому что каждый ждет, что оно удовлетворит нужды всех страждущих». ¹²

Именно слабость либерального режима приводит к тому, что изначально он сменяется режимами тоталитарными, а потом режимом менеджерского государства. В последнем случае перерождение происходит в самом либерализме именно в том направлении технологиза-

ции, о котором писал Шмит. Джеймс Бернхем назвал это менеджерской революцией, приходом к власти нового класса администраторов под эгалитарными лозунгами, проходящем на Западе в форме построения государства «всеобщего благоденствия». ¹³ Это первая ступень к нынешнему терапевтическому государству, так как именно в нем происходит снятие разделения на собственно государство и гражданское общество, деполитизация, всеобщей становится управленческая легальность. Следующий этап — собственно терапевтический контроль, когда уже можно заняться мыслями людей, а не их кошельком.

В таком государстве достигает пика отмеченное Шмиттом разделение легальности и легитимности и характерный для либералов упор на легальность и верховенство закона. Но легальность как область одних только правовых норм в отрыве от легитимности становится кодом поведения бюрократии, основанном на предписывающих предписаниях (Setzung von Setzungen). Гари Ульмен подчеркивает что образующаяся гипер-формальность законов, замыкающихся на самих себя, отмечена их бессмысленностью. Чем легальнее, чем юридически обоснованнее, тем более бессмысленной и тиранической становится система, достигая пика в состоянии терапевтического государства, где управляющие, менеджеры ликвидируют

любое неподчинение бессмысленным и абсурдным нормам и навязываемым ценностям, которые призваны легитимизировать тем самым и господство тех, кто их навязывает. Так отказ от легитимности оборачивается новым стремлением к легитимизации господства, новой теологии, которую Шмитт, однако, рассматривал критически. Она не выходит в сферу пре-концептуального, а значит, являет собой

угрозу схожей с фашистской, угрозу безумной рациональности. Готтфрид отмечал, что Шмитт предвидел подобную диктатуру

Пол Пиккони основатель журнала «Телос»

бессмысленных норм, предписывающих предписаний, диктатуру голых, повисших в пустоте ценностей, обращая наше внимание на работу Шмитта 1951 года «Тирания ценностей». «Ремарки Шмитта по поводу либерализма и демократии помогают прояснить современ-

ный парадокс: насаждение частных ценностей (под видом универсальных) с помощью силы или устыжения». ¹⁵ Наиболее яркое воплощение тирания ценностей находит в Соединенных Штатах и именно у неоко-

нов, которым на этом основании Готтфрид отказывает в консерватизме, отмечая что они ближе к Канту и его этической доктрине, который, как отмечал Шмитт, не по простому совпадению благоволил также всемирной федерации государств, нежели традиционным консервативным представлениям. ¹⁶

В контексте данной социальной критики, как пишут Пиконе и Ульмен, «плебисцитарная демократия к которой, кажется, склонялся Шмитт, и которая затем была много раз использована коммунистическими и фашистскими режимами», оказывается не менее «демократичной», чем современная представительная демократия, манипулируемая лобби и частными интересами. Рассматриваемое направление американской политологической и социологической мысли подтверждает мысль о том, что наследие Шмитта имеет ярко выраженный антитоталитарный характер. Пиконе и Ульман отмечают, что даже критики Шмитта вынуждены признавать, что

в своей защите традиционного государства, критике объединения гражданского общества и государства, в защите автономии государства Карл Шмит был кем угодно, только не сторонником тоталитаризма. Наоборот, современное западное «либеральное и демократическое» государство точно так же не автономно от общества как и тоталитарное. Точно так же государство в нем есть не самоценность, на чем настаи-

вал Шмитт, но средство.

Основанные на идеях Шмитта концепты органической демократии Сунича¹⁷ и его же осмысление прав народов, симпатии Пиконе и Ульмен к прямой демократии на местах как демократии «реальной» являют себя как обращенные к пре-концептуальному в его шмиттеанском понимании попытки дать альтернативу нынешнему тревожному состоянию. Однако уже тот потенциал социальной критики, который мыслители «Телоса» открыли в наследии Шмитта и развили применительно к современному обществу, позволяет применять его и в изысканиях по поводу четвертой политической теории.

Ссылки:

- 1. Drury S.B. Alexandre Kojeve: The Roots of Postmodern Politics, New York: St. Martin's Press, 1994
- 2. Piccone P., Ulmen G. Uses and abuses of Carl Schmitt. Электронный ресурс] URL:

http://evans-experientialism.freewebspace.com/piccone_ulmen.htm. (дата обращения 7.10.2010).

3. Piccone P., Ulmen G. Uses and abuses of Carl Schmitt. Электронный ресурс] URL:

http://evans-experientialism.freewebspace.com/piccone_ulmen.htm. (дата обращения 7.10.2010).

- 4. McCormick J.D. Introduction to Schmitt's "The age of neutralizations and depoliticizations". Электронный ресурс] URL:
- http://www.freespeechproject.com/telos13.html. (дата обращения 7.10.2010).
- 5. Schmitt C. Roman Catholicism and Political Form. G. L. Ulmen, trans. New York: Greenwood Press, 1996/
- 6. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. СПб, 1997. С.23
- 7. Gottfried P. After Liberalism: Mass Democracy in the Managerial State. Princeton: Princeton University Press, 2001
- 8. Godfried P.Multiculturalism and the Politics of Guilt: Towards a Secular Theocracy. Columbia: University of Missouri Press, 2002.
- 9. Sunic T. A Global Village and the Rights of the Peoples? Электронный ресурс] URL:
- http://www.freespeechproject.com/559.html. (дата обращения 7.10.2010).
- 10. Gottfried P. Carl Schmitt. 1990. p 12
- 11. Strauss L. "Comments on Carl Schmitt's Der Begriff des Politischen / Schmitt C. The Concept of the Political tr. by George Schwab, Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- 12. Gottfried P. Legality, legitimacy, and Carl Schmitt // National Review. August 28, 1987.
- 13. Burnham J. The Managerial Revolution: What Is Happening in the World. New York: The John Day Company, 1941.
- 14. Ulmen G. The concept of nomos: introduction to Schmitt's
- "Apprpriation/distribution/production" http://www.freespeechproject.com/telos14.html.

(дата обращения 7.10.2010).

15. Gottfried P. Carl Schmitt and Democracy. Электронный ресурс] URL:

http://www.gnosticliberationfront.com/carl_schmitt_and_democracy.htm#cs and democracy. (дата обращения 7.10.2010).

16. Gottfried P. Carl Schmitt: Politics and Theory. New York: Greenwood Press, 1990.

17. Sunic T. Liberalism or Democracy? Carl Schmitt and Apolitical Democracy.

Электронный pecypc] URL: http://www.rosenoire.org/articles/schmitt.php. (дата обращения 7.10.2010).

Карл Шмитт и Владислав Сурков: мерцание Политического

Алексей Сидоренко студент Исторического факультета МГУ, политический обозреватель портала Сегодня.Ру

Массовую популярность Карл Шмитт приобретает в России в 90-е годы. Это уже интересно, уже «по-нашему»: зачитывать до дыр идеолога и теоретика суверенитета, в то время как вокруг разворачивается процесс десуверенизации. Еще более интересен тот факт, что в 90-е годы в экономике господствовал превратно понятый, исковерканный при практическом применении, но, тем не менее, абсолютно шмиттеанский тезис, а именно «брать, делить и использовать». А поскольку экономика в России в 90е годы диктовала условия практически всем сферам и сегментам жизни, то, гиперболизируя, можно сказать, что в этот период мы все жили по некорректно интерпретированному и искаженному Шмитту.

Здесь нет кажущегося противоречия между предыдущим тезисом и фактом господства либерально-демократической доктрины в России периода 90-х. Так, итальянский философ Джорджио Агамбен в труде «Грядущее сообщество» 1990 года и ряде других работ убедительнейшим образом доказал, что все развитые и стремящиеся к статусу развитых страны еще со времен ІІ мировой войны живут в условиях чрезвычайного положения. Соответственно, право в таких государствах является обесцененным, свободным для релятивизации, а исполнительная власть оккупировала законодательную и судебную. В целом же, все парламентские республики давно существуют в режиме правительственных или суперпрезидентских. А значит и Россия 90-х здесь не исключение.

И в таком состоянии, когда идеи Шмитта носятся в воздухе, в стране царит курс на десуверенизацию, а в экономике от формулы «брать делить и использовать» остался только последний глагол, мы подошли к рубежу нулевых. Здесь внезапно произошла фундаментальная политическая метаморфоза, суть которой заключалась в установлении власти, совершенно легитимной с точки зрения народа, масс, но нелегальной, относительно уже обозначенной нами линии и установок 90-х.

Оказавшись в этой совершенно классической шмиттеанской ситуации (т.е. фактически чрезвычайной), власть, осознавая себя, вдруг обнаружила, что она слаба и неуверенна, что у нее не получается черпать легитимность и легальность из предшествующей эпохи и режима. Перед ней встала задача артикуляции такой системы координат, в которой государственный логос чувствовал бы себя комфортно и без апелляции к такой глубоко хаотичной и по природе отличной от него субстанции как народ.

В таком положении элитам требовались рецепты, скроенные по

канонам Шмитта. Перед властью, в том числе и перед Владиславом Сурковым, как главным идеологом Кремля встал выбор между маршрутами комиссарской и суверенной диктатуры. Сам же факт наличия президентской диктатуры, которую необходимо было облечь в соответствующую политическую систему был очевиден: во-первых, этот формат реализации власти достался новым лидерам государства в наследство от Ельцина, а во-вторых, он был абсолютно работоспособным и актуальным, учитывая существование и конкурентоспособность в политической реальности стран формата суперпрезидентской республики.

Выбор был сложен. С одной стороны, система комиссарской диктатуры предлагала силовым путем привести реальность к официально провозглашенному порядку, ценностям и идеям. Т.е. в условиях России 90-х — начала нулевых продолжить курс на либерализацию: твердо, последовательно, согласно прагматичному и рациональному алгоритму, изъяв из политики факторы хаоса и гетеротелии, препятствующие деятельности власти. С другой стороны, система суверенной диктатуры предлагала руководствоваться совершенно иными принципами. А именно, рассмотреть официально провозглашенный в 90-х годах порядок как то состояние, которое должно быть устранено волей власти и ее конкретными силовыми дей-

ствиями, а затем приступить к реализации того проекта, который с точки зрения элиты наиболее достоин того, чтобы быть воплощенным в реальности. И что же? Был ли сделан этот фундаментальный выбор? На наш взгляд, – абсолютно нет. Все это время мы имели дело с гибридом двух вышеозначенных альтернативных систем. И формула Владислава Суркова, призванная описать порядок вещей нулевых,

Семинар №3 Актуальность К. Шмитта для России

«Суверенная демократия», - доказывает это как нельзя лучше. С одной стороны, она апеллирует к суверенной диктатуре и ее новому проекту, с другой, — явно отсылает к идейному нарративу 90-х годов, к той базе, к которой должна быть приведена реальность.

Но тогда возникает закономерный вопрос: чем же была Путинская политика, если сама политическая система при Путине представляла собой оксюморон из двух шмиттовских диктатур? На наш взгляд, Путин и его политика не является плодом ни одной из этих систем, это не реализация нового проекта суверенной диктатуры, ну и конечно, не

следование курсу колониальной комиссарской диктатуры. Дело в том, что Путин олицетворяет собой чрезвычайную комиссию, действующую в условиях чрезвычайного положения. Это не система, но совокупность решительных действий, производящихся в условиях наличия активной внешней агрессии. Путин и его действия возникают в политическом поле только тогда, когда возникает угроза для государства и являют собой ни что иное, как подлинное Политическое. А поскольку такие угрозы (т.е. терроризм, оранжевая революция, кризис в сфере сырья, война с Грузией и т.п.) являются не постоянно активизированными, но ритмично возникающими, то и реакция на них (акти-Политического, представленного проявляется ритмично. Таким образом, корректным кажется определение «нулевых» в качестве периода мерцания Политического в России, фоновым сопровождением которому стал оксюморон, парадоксальный симбиоз Комиссарской Суверенной диктатур.

Библиография:

- 1) Агамбен Джорджио. «Грядущее сообщество» (La Comunita che viene, 1990)
- 2) Сурков Владислав. Тексты 97-07. М., 2008
- 3) Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
- 4) Шмитт К. Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2006.
- 5) Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.

Правовое обоснование государства в работах Карла Шмитта и его актуальность для современной России

Андрей Коваленко аспирант социологического факультета МГУ

Среди множества тем, научной разработкой которых занимался известный немецкий юрист и философ Карл Шмитт, особое место занимает апологетика государства и исследование политической этики. Пристальный интерес к такого рода исследованиям был обусловлен в первую очередь историческими причинами, глубиной того политического и экзистенциального кризиса, в который попала уже сложившаяся немецкая нация между двумя мировыми войнами.

Даже при самом поверхностном взгляде очевидным станет явное сходство исторического момента Веймарской республики после поражения в Первой мировой войне и современной Российской Федерации как осколка, пусть и самого крупного, Советского Союза, потерпевшего поражение в Холодной войне. Вероятно, именно этим объясняется повышенный интерес к трудам автора в современной России и (по некоторым данным) спрос на новые издания Шмитта со стороны высшей российской политической элиты.

Самой острой критике концепцию государства в Веймарской республике и в Европе того времени вообще подвергали представители леволиберального лагеря. К их числу относятся современники Шмитта Леон Дюги, Альфред Вебер (брат знаменитого социолога Макса Вебера), а также англо-саксонские политические мыслители Дж.Д.Х. Коул и Гарольд Ласки. Именно последним двум авторам принадлежит концептуальное оформление идеи плюралистического государства, то есть

такого, в котором высшая государственная власть подчинена обществу и выступает всего лишь одним из таких традиционных институтов, как церковь, семья, профсоюз, картель и т.д. Следовательно, такое либеральное и плюралистическое государство, в самой своей репрессивной форме выполняющее функции «ночного сторожа», не должно

требовать к себе большей лояльности со стороны граждан, чем к научному сообществу или любой группе по интересам. Как следствие, предельно релятивизируется этика служения государству и/или суверену.

В такой плюралистической концепции государства четко виден след основателя философского прагматизма Уильяма Джеймса. Так, в своем труде «Вселенная с плюралистической точки зрения» Джеймс утверждает необходимость плюриверсума индивида и отдельных социальных групп: «... плюралистический мир более похож

на федеративную республику, чем на империю или королевство. Сколько бы фактов вы ни собрали воедино, сколько бы элементов вы ни соотносили к какому-нибудь действительному центру сознания или действия, всегда останутся такие, которые сохраняют свою автономию и не сводятся к единству».

Шмитт, следуя изложенной в «Политической теологии» идее, прослеживает генетическую связь между синдикалистским федерализмом во Франции и теоретическими выкладками католических теологов средневековья, пытавшихся оспорить суверенитет государства в пользу церкви — противостояние гвельфов и гибеллинов. «Аргументы и аспекты, которые обычно служили социальным философам римскокатолической церкви, иных церквей или же религиозных сект для релятивизации государства в отношении церкви, теперь используются в интересах профсоюзного или синдикалистского социализма», - утверждает Шмитт в статье «Государственная этика и плюралистическое государство».

С другой стороны, плюралистичный характер государства является не только и не столько искусственной теоретической установкой, но и эмпирически наблюдаемой данностью, на что не может не обратить внимание Шмитт. Уже в современных ему государствах и государствах XXI века тем более в обществе

наблюдается огромное количество групп влияния, экономических сообществ, церквей и сект, партий и просто групп по интересам. Но такие государства, в которых государство становится «одним из», находится на грани упадка, поскольку в нем безвозвратно исчезает этика верности и служения суверену, воплощенному в лице государя или народа. В таких обстоятельствах, если государство вдруг переходит из

нормального состояния к «исключительным обстоятельствам», плюральность этических привязанностей к разного рода общностям играет с заигравшимся в плюрализм государством злую шутку.

Как только в обществе появляется множество не просто коллективных субъектов, но субъектов, претендующих на политическую власть и политическую лояльность к себе, состояние государства можно диагностировать как состояние «колосса на глиняных ногах» из сна Навуходоносора. В такой плачевной для государства ситуации любое не самое значительное событие в политической жизни мгно-

венно подрывает иммунную систему государства и ввергает его в продолжительные судорожные конвульсии. Применительно к сегодняшнему дню можно высказать предположение, что в таком состоянии сейчас пребывает Украина, перманентно раздираемая множеством партий, олигархических группировок и региональных клановых структур. То же самое состояние, но с гораздо худшими последствиями, угрожает гораздо более этнически, религиозно и географически разрозненной России, если в ней вдруг разрушится или самостоятельно деградирует известная «путинская вертикаль». Особенно опасными и почти катастрофичными представляются с точки зрения шмиттианства эксперименты с «вертикалью» в условиях кризиса и нестабильности в отдельных регионах России. Особое внимание этой проблематике уделено в упомянутой выше статье и в книге «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса».

Как бы странно для современных либералов это не прозвучало, но согласно теории Шмитта, сильное государство способно предоставить больше свобод каждому отдельному индивиду, и чем сильнее такое государство, тем шире поле для реализации своей свободы. «Для индивида не существует никакого иного пространства свободы, как то, что ему в состоянии гарантировать сильное государство», - утверждает Шмитт, особо подчеркивая при этом, что плюрализм начинающих до-

минировать в слабом государстве различных социальных групп будет требовать от каждого конкретного инкорпорированного в эту группу индивида лояльности лишь тем нормативам и ценностям, которые отстаивает данное сообщество. Лишь сильное государство способно нивелировать диктат социальных общностей и политических партий в состоянии Bellum omnium contra omnes. «Тогда это означает суверенитет

Семинар №3 Актуальность К. Шмитта для России

социальных групп, а не свободу и автономию отдельного индивида»,резюмирует немецкий юрист.

Одновременно стоит предостеречь себя от упрощенных трактовок политического монизма как чего-то репрессивно-насильного, силой выжимающего последние соки из общества и насаждающего однообразие «под одну гребенку». Единство государства, согласно Шмитту, может осуществляться самыми разными способами, что предоставляет правителю бесконечный простор для выбора в зависимости от политической культуры каждой отдельной страны, стоящей перед вызовом

нарастающего плюрализма и дезинтеграции. «Существует единство свержу (через приказ и власть) и единство снизу (исходя из субстанциональной гомогенности народа); единство посредством постоянных соглашений и компромиссов социальных групп или посредством иных, каким-либо образом осуществленных балансов этих групп; единство изнутри и единство, основанное лишь на давлении извне; более статическое и постоянно функционально интегрирующее себя динамическое единство; наконец, существует единство посредством власти и единство посредством консенсуса», - утверждает Шмитт.

Разоблачающей критике автор подвергает также конвенциональные теории государства, возникшие в эпоху просвещения. Противоборство множества частных интересов конституирует в большинстве случаев ущербную власть, которая, лавируя между тысячами частных интересов отдельных субъектов, в итоге подвергает риску жизни граждан и, боясь опереться на естественное для себя насилие, окончательно разлагает не только этические основы, но и государство как таковое. «Власть устанавливает консенсус, причем часто разумный и этически оправданный консенсус, и наоборот: консенсус создает власть, причем часто неразумную и, несмотря на консенсус, этически извращенную власть», - подчеркивает Шмитт.

Таковы издержки самой слабой формы единства – единства посредством консенсуса – Konsensuseinheit.

Вновь обращаясь к актуальности идей Шмитта для современной России, стоит вспомнить развиваемую автором идею «политической теологии», т.е. идею неразрывной связи политики и религии, взаимопроникновения и взаимосвязи обоих. По словам Шмитта, «совпадение

теологической и метафизической картин мира с образом государства можно выявить повсюду в истории человеческой мысли; простыми примерами этого являются идейные взаимосвязи монархии и монотеизма, конституционализма и деизма». Синонимический ряд подобных дуальных категорий можно постараться продолжить самостоятельно. Например, в России все более четко вырисовывается оппозиция между «теологиями», условно говоря, путинских и медведевских политических элит.

Раскол этот, очевидно, проходит не только по самим элитам, но и

по всему обществу. Так, электоральной базой Путина было и остается монотеистическое российское большинство, распознающее в нем единственно легитимного царя. Царь, соответственно, должен вести себя по-царски: быть максимально отстранен от масс и венчать пирамиду власти в стране. Монотеистически ориентированное сознание большинства россиян ориентировано по-прежнему на трансцендентность Бога, и поэтому каждое «хождение в народ» Путина, будь то езда на Лада-Калина или игра на фортепьяно на благотворительном вечере, «расколдовывают» Путина и низводят его до земного уровня.

Противоположную, набирающую силы часть пантеистической или манифестационистской элиты представляет Дмитрий Медведев. Всем своим политическим поведением он демонстрирует предельную интеграцию в существующую реальность, в реальность посюстороннюю: общается с блогерами, раздает указания чиновниками через социальные интернет-сети и т.д.

Поэтому, опираясь на концепцию Шмитта, можно приблизительно смоделировать стратегию предвыборной кампании для каждого из кандидатов. Если на ближайших президентских выборах президент и премьер-министр все же вступят в борьбу за пост президента. Владимиру Путину,

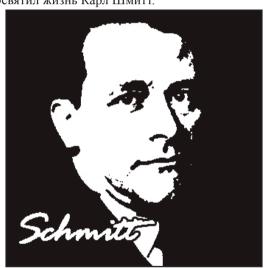
чтобы заручиться необходимой поддержкой своего большинства, необходимо будет максимально дистанцироваться от публичных PR-проектов и как можно реже появляться на публике, демонстрируя свою отдаленность от мелких политических дрязг и социальных протестов. Премьер должен будет общаться с народом исключительно через заявления международного уровня, подобные известной Мюнхенской

Семинар №3 Актуальность К. Шмитта для России

речи, в то время как Медведеву, опирающемуся на «прогрессивное» сообщество интернет-пользователей и либеральной элиты, необходимо будет еще глубже интегрироваться в сети, завести аккаунт не только в Twitter, но и во всех без исключения социальных сетях, по возможности дистанцироваться от государственных дел.

Медведев, отстаивающий de facto релятивизм государственной власти и плюралистическое общество, должен будет продолжить игру на поле того электорального меньшинства, которое отстаивает столь экзотические для российского общества взгляды, отобрать пальму пер-

венства у своих конкурентов: Касьянова, Каспарова и Новодворской. Путин же должен последовательно отстаивать политический монизм, суверенитет и единство государства — те политические категории, исследованию и апологетике которых посвятил жизнь Карл Шмитт.

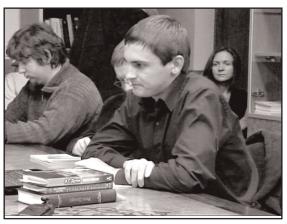

Ссылки:

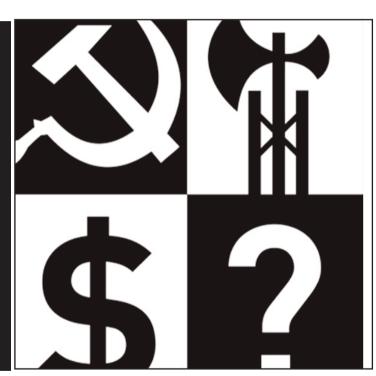
- 1. Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911, с. 177.
- 2. Schmitt Carl. Staatsethik und pluralistischer Staat // Kantstudien, Berlin, 1930, s. 28-42.
- 3. Шмитт Карл, Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Санкт-Петербург, «Владимир Даль», 2006
- 4. Шмитт Карл, Государство и политическая форма. Москва, Изд. Дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. с. 237
- 5. Ibid c. 240

Семинар Четвертая ПТ

СЕМИНАР № 4

Четвертая политическая теория и модернизация российского общества

- Четвертая политическая теория и принцип реверсивности. К философии политических форм
- Реверсивность политического устройства:
 Россия и архаизация
- Социология зимнего ветра:
 Коллеж социологии и четвертая политическая теория
- Нон-модернизация Бруно Латура:
 к Конституции Четвертой политической теории
- Кризис политических теорий Модерна в свете торжества технологии над идеологией. Проблема идеологически мотивированого действования России

Общий обзор семинара. Предмет исследования, цели и задачи проведения семинара

Очередной семинар Центра консервативных исследований на тему «Четвертая политическая теория и модернизация российского общества» был проведен 30 ноября 2010 года на Социологическом факультете МГУ.

Главной проблемой, на которой сконцентрировали свое внимание участники семинара, используя философскую и социологическую аксиоматику, был ввод в контекст и рассмотрение контуров и содержания политической теории, которая в след за тремя теориями — продуктами идеологий Модерна, условно называется Четвертой, а также формирование и проблематика становления этой теории в исторической перспективе для российского общества и в целом. По мнению участников обсуждения, эта тема становится особенно интересна в посткризистный период в связи с крушением последней из существовавших модернистических теорий — теории либирализма и как никогда приобретает актуальность в контексте Постмодерна, открывая Четвертую политическую теорию как одну из перспектив, приходящую вслед идеологиями модернизма.

Главный доклад

Основной доклад на тему «Четвертая политическая теория и принцип реверсивности. К философии политических форм» прочитал профессор А.Г. Дугин. В своем докладе профессор высказал следующие положения:

1. Три политические теории были продуктами идеологии Модерна. Они были основаны на топике прогресса. Прогресс подразумевает ирреверсивное время, поступательное развитие.

Прогресс есть ортогенез и монотонный процесс. Так или иначе они основываются на философии Гегеля. По Гегелю смысл истории в том, что Абсолютный Дух, отчуждается, потенцирует себя в субстанцию, которая диалектически воплощается в историю, пока не станет Просвещенным обществом, просвещенной Монархией. Маркс принял эту топику, и через Кожева и Фукуяму ее приняли либералы. В национал-социализме гегельянство было воплощено в концепции

финального Райха (Третий Райх как Третье царство Иоахима де Флора) и в социал-дарвинизме (естественный отбор Дарвина, перенесенный на общество и расы). Социал-дарвинизм присущ и либерализму в духе Г. Спенсера. Все три идеологии Модерна оперирут с ирреверсиным временем и однонаправленной историей. Они все признают имплицитно абсолютный императив модернизации. Модернизация может быть либо либеральной, либо коммунистической, либо нацистской (успехи Гитлера в модернизации Германии 30-х — ярчайший пример нацистской модернизации и ее эффективности).

- 2. 4ПТ является нон-модернистской теорией. Вслед за Бруно Латуром можно сказать, «мы никогда не были современными». Аксиомы Модерна хороши тем, что они никем не выполняются. И постоянно зрелищно самоотрицаются практикой. 4ПТ отбрасывает ирреверсивность истории. Теоретически это прекрасно обосновали Ж. Дюмезиль с его антиэвгемеризмом и Ж. Дюран. О социологии и морфологии времени я много писал в книгах «Постфилософия», «Социология воображения», «Социология русского общества». Время явление социальное, его структуры связаны не со свойствами объекта, а с доминациями социальных парадигм, так как сам объект назначается обществом. В обществе Модерна время ирреверсивно, прогрессивно и однонаправленно. В других обществах - совсем не обязательно. Есть общества с отсутствующим временем, есть с циклическим, есть со временем регресса. Поэтому для 4 ПТ политическая история мыслится в топике плюральности времен. Сколько обществ, столько и времен.
- 3. 4ПТ не просто отбрасывает прогресс и модернизацию. Она рассматривает их релятивно, в привязке к конкретной исторической, социальной и политической семантике. Прогресс и модернизация -- реальность, но относительная, а не абсолютная. Речь идет об этапе, а не о абсолютной тенденции. Поэтому 4ПТ предлагает альтернативную версию политической исто-

рии, основанную на систематизированном окказионализме. К. Шмитт подошел к этому. В том же духе писал и Ф. Бродель, и вся школа анналов. Рассматривая политические трансформации общества, мы помещаем их в конкретный семантический контекст — истории, религии, философии, экономики, культуры, с учетом этнической и этносоциологической специфики. Это требует новых классификаций социальных

и политических изменений. Изменения принимаются, но в универсальную шкалу, которая была бы «судьбой» всех обществ, они не помещаются. Это дает нам политологический плюрализм.

4. 4ПТ оперирует с обратимым временем, зависящим от общества. С точки зрения Модерна, возврат от следующей фазы к предыдущей невозможен. С точки зрения 4ПТ, возможен. Поэтому тезис Бердяева о «Новом Средневековье» вполне адекватен. Общество может быть построено различно и перестроено различно. Показателен опыт 90-х: в СССР все были убеждены, что социализм следует после капи-

тализма В 90-е годы мы увидели, что бывает и иначе: капитализм следует за социализмом. Теперь же в России вполне может наступить феодализм, рабовладельческое общество, но так же и коммунизм или первобытно-общинный строй. Тот, кто смеется, тот в плену Модерна и его гипноза. Признав реверсивность политического и исторического времени, мы получаем новый взгляд на политологию (политологический плюрализм) и открываем новые горизонты идеологического конструирования.

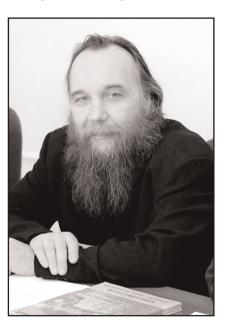
5. 4ПТ конструирует (и реконструирует) общество за пределами аксиоматики Модерна. Поэтому в 4ПТ могут быть взяты элементы различных политических форм, которые должны быт рассмотрены вне временной шкалы. Есть не этапы и эпохи, но именно формы — преконцепты и концепты. В этом смысле теологические конструкции, архаика, кастовая система и иные аспекты традиционного общества фигурируют в качестве возможных вариантов наряду с социализмом, кейнсианством, свободным рынком, парламентской демократией или «национализмом». Все это — просто формы, и ни одна из них не должна быть соотнесена с подразумеваемой топикой «объективного исторического времени», такого времени нет, если «историческое», то уже не «объективное».

6. Сюда же вопрос о Дазайне. Дазайн – это субъект 4ПТ. Дазайн получается путем очищения экзистенциальной фактичности от онтологических надстроек. Дазайн и есть то, что конституирует время. В топике Дюрана, время конституируется траектом. Траект/Дазайн не функция от времени, время – функция от траекта/дазайна. Поэтому в 4ПТ время это то, что конституируется политикой. Время есть категория политическая. Политическое время это преконцепт политической формы.

7. Для 4ПТ открывается уникальный горизонт: если принцип реверсивности времени будет осмыслен, то можно не просто выстроить проект будущего общества, можно выстроить целый спектр проектов будущего общества, то есть преложить нелинейную стратегию конституируемого мира.

8. 4ПТ не есть приглашение к возврату к традиционному обществу, то есть не есть консерватизм. В хронологчисеком прошлом есть много того, что вызывает симпатию, и то, что не вызывает ее. Точно также формы традиционного общества различны. И наконец, этносо-

циолоические матрицы и контексты разных контемпоральных обществ различны. 4ПТ не должна навязывать здесь никому ничего. Она должна действовать постепенно: если удатся настоять на реверсивности и на дазайне как субъекте 4ПТ будет сделано самое главное, будет расчищено пространство для прекоцептов. В этом пространстве — реверсивности и дазайна/траекта — можно очертить несколько преконцептов, то есть несколько политичисеких времен, каждое из которых может интегрироваться релятивно в конкретное издание политического проекта, построенного по правилам 4ПТ.

Вспомогательные доклады

Реверсивность политического устройства: Россия и архаизация

В своем докладе директор Центра геополитических экспертиз В.М. Коровин изложил следующие тезисы:

1. Первый слой – этнос. Его власть – общинная модель. Второй – народ – монарх, соборная демократия. Третий – нация, президент, пар-

ламент, правительство с переходом в гражданское общество. Далее – эксцентрум – глобальное общество, единое (мировое правительство).

- 2. В обществе Модерна время ирреверсивно, прогрессивно и однонаправленно. Этническое социальное устройство должно сменить народное, государственное, гражданское и глобальное. Борис Ельцин был последним президентом гражданского общества, либеральным, западником. Следующим шагом должно было стать вхождение России в глобальное общество.
- 3. Сбой. Приход Путина. Путин остановил транснационализацию России и закрепил гражданский статус власти. Он остановил однонаправленное развитие институтов власти в России.
- 4. Медведев заговорил о модернизации. Логично предположить модернизацию власти. Но Путин заговорил о консерватизме, и это отрывает возможность реверсивности истории развития власти.
- 5. В России сосуществуют все слои от этноса до глобализированных бесполых комьюнити. Принятие форм власти приемлемых для одних, означает насилие над другими.
- 6. Четвертая политическая теория должна быть плюральна, иначе она будет похожа на предыдущие три. Насилие допустимо, но только для тех, кто считает насилие допустимым.
- 7. Выход в реверсивности политического устройства. Это снимает опасность прекращения существования суверенной России.
- 8. Плюральность социального устройства открывает плюральность сосуществования форм власти. Архаизация возможна, ибо она уже легитимизирована остановкой Путина.

9. Таким образом – архаизация власти – это выход. Все слои общества получают свои формы власти, при этом Россия сохраняется как субъект, но она представлена и на уровне эксцентрума, т.е. не закрыта.

Хайдеггер и политическая антропология: Dasein как субъект Четвертой политической теории

Из доклада главного редактора портала "Геополитика.ру" и ведущего эксперта Центра геополитических экспертиз Л.В. Савина можно

выделить следующие мысли: Политическая антропология как критика западноцентризма - явления западной мысли в сфере политики. Хайдеггер и концепция времени: Бытие и события. Методология Хайдеггера как помощь в рассмотрении системы государственной власти. Нигилизм как бездействие в российской политике. К. Леви-Стросс и Ж. Деррида как последователи Хайдеггера в критике западноцентризма. Хайдеггер о взаимоотношении мысли, слова и бытия. Восточное православие и русская модель времени. Понятие "присутствия" и "царствования" у Хайдеггера по отношении к власти. Формирование модели 4ПТ в будущем.

Социология зимнего ветра: Коллеж социологии и четвертая политическая теория

Далее аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ А.Л. Бовдунов в своем докладе изложил следующее: Коллеж социологии, под таким названием известен уникальный кружок существовавший в Париже не менее двух лет, с 1937 по 1939 год. В мероприятиях этого объединения принимали участие выдающиеся интеллектуалы, точки зрения которых на многие вопросы су-

щественно расходились, это и Жорж Батай, и Роже Кайуа, и Денни де Ружмон, и Пьер Клоссовски, и Мишель Лейрис, и Жан Полан и многие другие. Прежде всего, надо отметить, что Коллеж ставил перед собой не только научные, но и политические цели. Ранее, в 1935 году один из будущих основателей Коллежа Жорж Батай вместе с группой своих единомышленников обозначил свою позицию довольно прямо

как «радикально противостоящих фашисткой агрессии, безоговорочно враждебных господству буржуазии, неспособных доверять коммунизму». В поисках четвертого пути Коллеж обращается к проблеме сакрального, для того, чтобы «определить точки соприкосновения между навязчивыми фундаментальными тенденциями индивидуальной психологии и направляющими структурами, которые возглавляют социальную организацию и руководят революциями ». Современное общество — сходно с обществом животных, в нем сакральное пребывает на грани исчезновения. Оно, значит, уже не в полной мере чело-

веческое. Сакральное – это и то, за что можно и нужно умереть. И именно отсутствие такого в современном обществе беспокоит социологов. Обезглавливая, редуцируя сакральное, общество, встает на путь саморазрушения, аномии, преступлений. В этом первое возражение против фашизма, где он престает закономерным воплощением развития всей западной цивилизации, воплощением кризиса общества, где наиболее ярко предстают итоги его десакрализации. Фашизм корневым образом связан со всей историей Запада и есть закономерный результат интеллектуального и духовного обнищания его. Третья политическая теория оказывается уловкой, обманом, в ней порывы сакрального, в наиболее примитивной их форме, станоинструментом сил, ответственны тех что десакрализацию.

Нон-модернизация Бруно Латура: к Конституции Четвертой политической теории

В докладе научного сотрудника кафедры социологии международных отношений П.А. Канищева речь пошла о Бруно Латуре и о его взглядах: Антропологическая модель Модерна представляет собой определенного рода «гуманизм», постулирующий рождение нового человека как субъекта, принципиотлеленного от внешних объектов (вешей предметов

ально отделенного от внешних объектов (вещей, предметов, животных). Область сакрального, при этом, и вовсе выносится Модерном за скобки. Учреждение новой антропологии и нового (современного) человека автоматически первоначально означает фиксацию всего не-нововременного, не модернизированного, не современного в качестве не-человеческого, а значит либо объектного (природного, раз и

навсегда отделенного от человека — и не подлежащего модернизации), либо гибридного, а значит архаического и подлежащего модернизации. Таким образом, Модерн разрубает реальность, ранее представлявшую собой сложное (относительно для различных обществ) единство на социальное (человеческое, субъектное) и природное (объектное). Собственно, Модерн и есть — непрерывное разделение, дифференциация. Данная онтологическая картина, реализована в том, что Латур называет Конституцией Нового Времени, которая представляет собой вовсе не политическую конституцию, а «определение людей и не-человеков, их

особенности и отношения, компетенции и их объединения». Латур формулирует смысл Конституции в виде трёх гарантий, призванных оградить нас от парадоксальной взаимной и одновременной трансцендентности и имманентности человека по отношению к природе и обществу. Отдельно Латур останавливается на критике т.н. Первого Просвещения как нового этапа конструирования гибридов.

Кризис политических теорий Модерна в свете торжества технологии над идеологией. Проблема идеологически мотивированого действования

Последним свой доклад на тему представил к.б.н, старший научный сотрудник ИФ РАН С.А. Строев. Основными мыслями, высказанными в докладе, были следующие:

- 1. Проблема исчерпанности политических идеологий. Необходимость «мозгового штурма».
- 2. Не кризис идей, а кризис действования. Проблема торжества политтехнологии и инструментальность идеологий. В чём отличие от ситуации Модерна?
- 3. Значение развития СМИ с учётом атомизации общества и распада социальных связей в силу урбанизации. Феномен массы. Отличие массы мобилизованной от массы развлечённой.
- 4. Успехи психофизиологии. Павлов, бихевиаристы, НЛП. Манипуляция как технология.
- 5. «Неизбежность» коллапса капитализма и его избежание путём виртуализации. Виртуализация производства. Создание управленческих мыслеформ как основное содержание труда

в постиндустриальном обществе. Отказ от золотого эквивалента. «Неограниченные» деньги как инструмент власти и мутация природы рынка: безвозмездное присвоение вместо обмена. Тотальность рыночных парадигм как предпосылка тотальности власти.

6. Суммирование предпосылок: СМИ и политтехнологии в парадигме рынка. Приватизация государства и конец суверенных наций. Партии как брэнд-рантье на ниточках медиакратии. Между имитацией и маргинализацией. Невозможность свободного идейно мотивированного социального действия, разрыв между идеологией и реальным бы-

тованием политических структур. Обессмысленность слова

7. Возможен ли феномен «политической теории» (большой идеологии) вне Модерна? Ключевой вопрос для Четвертой политической теории: возможно ли и каким образом идеологически мотивированное действие вне поля политтехнологической манипуляции?

Прения

По завершении докладов состоялись прения. И были высказаны следующие комментарии и замечания.

Вопрос из зала: Экономическая составляющая трех политических теорий Модерна: свободный рынок - гос. планирование, частная собственность - государственная собственность и их вариации для каждой из теорий. Экономическая модель для 4ПТ, на сколько она взаимосвящана с моделями предыдущих трех политических теорий?

<u>А.Г. Дугин</u>: Экономика как продукт профанного общества. Ревирсивный взгляд на экономику с точки зрения 4ПТ. Отсутствие экономики как аксиома 4ПТ.

<u>Вопрос из зала</u>: Однонаправленность времени в Модерне и синхронизация цели для общества в материальной плоскости. Каковы цели и ценности 4ПТ?

А.Г. Дугин: Ценностный базис 4ПТ. Сикулярные и материалистические идеологии и линейное время. Теория реверсивного времени для 4ПТ. 4ПТ как формула гуманизма и свободы - высшая форма реверсивности. Либерализм как самая антигуманная и бесчеловечная идеология, его преодоление и переход к 4ПТ.

Реверсивность политического устройства: Россия и архаизация

Валерий Коровин директор Центра геополитических экспертиз

Все мы знаем из курса этносоциологии, который читает Александр Гельевич Дугин, что социальное устройство опирается на базовый слой в виде этноса — это первый слой. Его модель власти — это общинная модель. Следующим слоем социального устройства является народ, лаос, с соборной демократией в качестве модели власти, зачастую с монархом во главе. Третий уровень — это нация, с парламентом, правительством, президентом во главе, та модель, которая на сегодня считается классической. И дальше уже она постепенно переходит в следующий слой, в гражданское общество, за которым следует эксцентрум — глобальное общество, с единым мировым правительством во главе. 1

«В обществе Модерна время ирреверсивно, прогрессивно и однонаправленно» (Дугин). Следовательно модерн расставляет эти модели последовательно, утверждая, что одна сменяет другую, полностью её преодоляя, этническое социальное устройство, по этой логике, должно быть сменено народным, затем государственным, гражданским и глобальным. Соответственно, одна форма власти следует за другой: после общинного устройства власти следует народная демократия, потом государство-нация с парламентом и президентом, а дальше уже мировое правительство.

Если следовать этой логике, то Борис Ельцин был последним президентом гражданского общества, либеральным, западником. И следующим шагом должно было стать вхождение

России в глобальное общество, растворение её в глобальном мире и переход под управление мировым правительством. Это если следовать логике модерна. И если исходить из того, что в модерне время движется «ирреверсивно, прогрессивно и однонаправленно», то после Ельцина Россия сразу бы отправлялась в глобальное общество, теряя суверенитет. Ходорковский открыто говорил о том, что нам необходима

транснационализация капитала и переход под управление мировым правительством, а нашим олигархам предрекал вхождение в международные структуры власти.³

Но тут произошёл сбой. Пришёл Путин. Путин остановил транснационализацию России и закрепил гражданский статус власти, потому что самому Путину очень нравится статус лидера нации и вообще модель государства-нации для России. Таким образом, Путин осуществил остановку этого однонаправленного и казалось бы логично-неизбежного линейного перехода одной формы власти в другую.

Вместо перехода к глобализационным моделям, на пути к которым уже находился Ельцин, мы остановились на государстве-нации. Путин остановил однонаправленное развитие институтов власти в России и сделал шаг назад. Это вызов ирреверсивности. Что это, временная остановка или устойчивое обращение истории развития российской власти вспять?

Став президентом после Путина, Медведев заговорил о модернизации. ⁶ Логично предположить, что медведевская модернизация подразумевает под собой и модернизацию существующей формы власти. В своём послании к Федеральному собранию за 2010 год Медведев прямо заявил, что наша модернизация касается всех областей, в том числе и структуры власти. ⁷ Тогда Медведев – последний суверенный президент РФ. Но... В то же самое время Путин заговорил о консерватизме, ⁸ и это отрывает возможность реверсивности истории развития власти, т.е. легитимизации всех прежде существующих моделей власти. По крайней мере, Путин своими действиями делает эту возможность открытой. Означает ли это возврат к прежним формам?

Возврат у некоторых вызывает ужас. Многие привыкли к тому, что сейчас. Но... многие не привыкли. И в России, как мы видим, продолжают сосуществовать все слои социального устройства — от этносов до глобализированных бесполых комьюнити. Принятие форм власти приемлемых для одних, озна-

чает насилие над другими. Для кого-то в России сталинизм - жуткая архаика, для кого-то – непозволительный модернизм. И все эти группы, так или иначе, сосуществуют в современной России.

Соответственно, учитывая наличие де-факто всех слоёв социального устройства, 4ПТ должна быть плюральна в создании систем власти, должна допускать наличие всех форм власти в России, и не

допустить насилия одних форм власти над не соответствующими им формами социального устройства. Иначе она будет похожа на предыдущие три. Насилие допустимо, но только для тех, кто считает насилие допустимым. Модернизация — это конец суверенной России, а значит, насилие по отношению к тем, для кого Россия — это ценность. Такой подход не вписывается в формат устоявшихся представлений о гуманности. К тому же он не рационален.

Выход, который нам даёт 4ПТ, заключается в реверсивности политического устройства. Это, с одной стороны, снимает опас-

ность прекращения существования суверенной России, т.к. мы останавливаем линейной неизбежное движение России в открытое глобализирующееся общество. С другой стороны, выход не заключается и в однонаправленной реверсивности, ибо линейное последовательное возвращение к предыдущим формам — это подход модерна. Хотя и это возможно на каком-то из этапов.

Речь идёт о возможности реализации предыдущих форм устройства власти, о сосуществовании социальных моделей, коль уж у нас сохранились все слои социального устройства. Плюральность социального устройства открывает плюральность сосуществования форм власти. Архаиибо зация возможна, она уже легитимизирована «остановкой Путина». И если Медведев видит себя представителем клуба любителей эксцентрума, туда же можно, вслед за ним отправить и Ходорковского, ибо его посадка – это насилие за взгляды, - то Путину явно больше нравиться роль авторитарного правителя, лидера политической нации, русской нации, 9 элементы которой так же присутствуют в современном российском обществе. Русскому же народу достаётся народная, прямая демократия, это традиционная форма власти в России. 10 А этносам – сакральное, традиционное этническое устройство. Его модель во всей пол-

ноте, прекрасно вписывающуюся в современный российский контекст, в деталях описал чеченский традиционалист Хож-Ахмед Нухаев — как традиционное архаичное общество этносов может гармонично вписываться в существование нынешней России. 11

Семинар №4 4 ПТ и модернизация российского общества

Таким образом – архаизация власти – это выход. Все слои общества получают свои формы власти, при этом Россия сохраняется как субъект, но она, в то же время, представлена и на уровне эксцентрума, т.е. не закрыта. Архаичные формы сосуществуют с ультрасовременными формами в формате единого стратегического пространства Великой Евразийской империи конца. 12

Ссылки:

- 1. Дугин А.Г. Этносоциология. Курс лекций // Центр консервативных исследований, электронный ресурс: http://konservatizm.org/ethnosoc.xhtml
 - 2. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория и принцип реверсивности. К философии политических форм // Центр консервативных исследований, электронный ресурс: http://konservatizm.org/konservatizm/the-ory/131210153045.xhtml
 - 3. Дугин А.Г. Новый курс: Мобилизационная экономика // Газета «Ведомости», № 122 (922) 15.07.2003
 - 4. Вежин А. Лидер нации, или стратегическая ошибка Путина // Выборы.net, электронный ресурс: http://www.vibori.net/forecasts/?id=49
 - 5. Султыгов А.-Х. План Путина долгосрочная стратегия российской нации // Единая Россия официальный сайт партии. Электронный ресурс: http://old.edinros.ru/news.html?id=120962
 - 6. Дмитрий Медведев: Россия, вперед! // "Российская газета" Федеральный выпуск №4995 (171) от 11 сентября 2009
 - 7. «Модернизация создаёт умную экономику, но модернизация требует и умной политики, обеспечивающей условия для всестороннего обновления жизни общества. Нам необходимы новые стандарты в деятельности органов госуправления» // Послание Президента Федеральному Собранию, Москва, Кремль, 30 ноября 2010
 - 8. Путин: здоровый консерватизм признак хорошей политической системы. Заседание Госсовета по развитию политической системы РФ // РИА «Новости» 22 января 2010. Электронный ресурс: http://www.rian.ru/politics/20100122/205797811.html
 - 9. «С Днем Великой Победы! Слава России!» Выступление В.В. Путина на Военном параде в честь 60-й годовщины победы в Великой Отечественной войне // Русская правда, электронный ресурс:
 - http://www.ruspravda.ru/facts_and_thoughts/macro/article/?id=200
 - 10. Земские соборы // Электронный ресурс:
 - http://www.emc.komi.com/02/08/032.htm
- 11. Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон. Евразия на распутье между Варварством и Цивилизацией // Независимая газета, 18 апреля 2001
- 12. Парвулеско Ж. Евразийская империя конца // Дугин А.Г. Основы геополитики, М.: Арктогея, 1997.

Хайдеггер и политическая антропология: Dasein как субъект четвертой политической теории

Леонид Савин главный редактор журнала «Геополитика» и аналитического портала "Теополитика.py"

Говоря об идеях Мартина Хайдегера применительно к совре-

менной политике, в первую очередь встает вопрос ревизионизма и необходимости попытки вернуться к корням таких ключевых для политики понятий, как власть и субъект. В этом плане в качестве инструмента исследования нам может помочь такая наука как политическая антропология. У нас она появилась сравнительно поздно — в 90-х гг. прошлого века, хотя за рубежом уже насчитывалось сотни институтов, занимающихся этой проблематикой.

Необходимо отметить, что данная наука возникла из этнографии и классической антропологии, она представляет собой направление, изучающее формы власти в традиционных обществах, где управление отличается от той версии парламентаризма, когда-то придуманной в Британии. Как и в случае ориентализма, политическая антропология является продуктом западного колониализма, 2 хотя в Российской Империи также применялись специальные механизмы для регулирования отношений с автохтонными народами. Политическая антропология оперирует с таким понятием как потестарность, называя им форму власти в доиндустриальных обществах. Важно заметить, что при потестарности существует социальная дихотомия, связанная с разделением на «своих» и «чужих», которая очевидна не только для этносоциологов, но и тех, кто знаком с идеями Карла Шмитта и его геополитической концеп-

цией «друг-враг». Несмотря на видимость демократических процессов, в западном обществе также существует подобное разделение, проходящее между правящей партией и оппозицией, государственниками и сторонниками максимизации свобод, глобалистами и антиглобалистами. В США в политической сфере это выражено двухпартийной системой.

Идея DaSein Хайдеггера и дополитическая потестарность имеют ряд общих черт, так как Dasein принадлежит к предфилософии. ⁴ Происходит некий взрыв, которым бытие обнаруживает себя через вот, также и в дополитических формах власти ее зачастую трудно объяснить рациональным образом – здесь может быть и откровение, и особые знаки, явленные народу, и божественное происхождение лица, предержащего до-власть.

Хайдеггер приходит к понятию DaSein, отмечая конец всей европейской философии, пытаясь возвратить ее к первоначалу. Он говорит

о за-брошенности, нигилизме, благодаря чему и возможно вернуться к первоистокам. На наш взгляд подобный нигилизм в срезе отношений власти и народа проявляется в безыдейности современной российской политики. Однако Хайдеггер называл Россию землей будущего. Что он мог иметь в виду? Если слово Dasein не именует, не определяет ни человека, ни мир, ни бытие, но только источник их возможности, их начинающее отношение, их "еще не", то в качестве субъекта новой политической теории, которой пока еще нет, но которая при нынешних условиях находится в состоянии потенции он будет являться неким нерациональным, нелогичным (в западной терминологии), беззаботным беззаботным феноменом. Его скорее можно будет промыслить поэтически, нежели описать в политических категориях.

Например, Хайдеггер, анализируя строку из Гете, "Über allen Gipfeln / ist Ruh" он отмечает, что мы не пытаемся прояснить себе слово "ist", не оттого что это сложно, но потому, что "есть" сказано здесь так просто, еще проще, чем всякое другое расхожее "есть" <...> В стихотворении звучит простота какого-то редкостного богатства". 5 Хотя Хайдеггер в других местах толкует ist как anwest — присутствует или waltet — царит. Отечественный комментатор Хайдеггера А. Ахутин отмечает, что для русского уха вполне привычно использовать форму «царит» и эту строчку Гете мы могли бы перевести — "над горными вершинами царит тишина ¹. Рационально нельзя объ-

яснить кто и как наделил тишину царской властью, но тем не менее, он может царить таким образом.

Возможно, что и создание новой формы власти и будет проходить в форме политико-поэтических процессов, не понятных носителям западного либерально-демократического рационального дискурса.

Она будет сопряжена с переструктурированием границ, концепций, систем и пр. Явно, что будет переосмыслена и такая важная категория как время, также неоднократно пожнимавшаяся в работах Хайдеггера. Здесь трудно однозначно выработать какие-то подсказки. Не исключено, что в этом может помочь наследие византийской православной мысли — апофатическое богословие, когда уже путем отрицания политических и философских схем мы сможем приблизиться к ощущению правильности нахождения DaSein в сфере Политического.

Однако, учитывая разницу европейского и русского DaSein³ следует задаться вопросом, все же возможно ли универсальное построение четвертой политической теории?

Библиография

- 1) Ахутин A. Dasein (Материалы к толкованию)
- 2) Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика.//Журнал социологии и социальной антропологии, Т.1, вып. 2, 1998
- 3) Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010
- 4) Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М.: Академический проект, 2010
- 5) Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993

Социология зимнего ветра: Коллеж социологии и четвертая политическая теория

Александр Бовдунов аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ

Коллеж социологии, под таким названием

известен уникальный кружок, существовавший в Париже не менее двух лет, с 1937 по 1939 год. Чтобы никого не вводить в заблуждение, стоит отметить, что название «Коллеж» отсылает скорее к понятию «коллегии», сообщества интеллектуалов, чем учебного заведения. «Коллеж» представлял собой нечто вроде расширенного университетского семинара, подобного нашему, а учитывая его связь с тайным обществом «Ацефал», параллелизм становится еще более очевидным. В мероприятиях этого объединения принимали участие выдающиеся интеллектуалы, точки зрения которых на многие вопросы существенно расходились: это и Жорж Батай, и Роже Кайуа, и Денни де Ружмон, и Пьер Клоссовски, и Мишель Лейрис, и Жан Полан и многие другие. Что объединяло всех этих людей? В этом докладе мы попытаемся ответить на этот вопрос, рассмотрев деятельности «Коллежа» через призму предложенной ранее концепции «Четвертой политической теории».

Прежде всего надо отметить, что Коллеж ставил перед собой не только научные, но и политические цели. Олье Дени, составитель наиболее полного сборника выступлений в Коллеже отмечает «30-е годы прошли под знаком «ни вправо, ни влево» в поисках какого-то третьего пути. Следуя своим предшественникам, Коллеж скорее настроен на поиски четвертого». 1 Ранее, в 1935 году,

один из будущих основателей Коллежа Жорж Батай вместе с группой своих единомышленников обозначил свою позицию довольно прямо как «радикально противостоящих фашисткой агрессии, безоговорочно враждебных господству буржуазии, не способных доверять коммунизму». В Любой сторонник четвертой политической теории подпишется под этими словами.

В поисках четвертого пути Коллеж обращается к проблеме сакрального, для того чтобы «определить точки соприкосновения между навязчивыми фундаментальными тенденциями индивидуальной психологии и направляющими структурами, которые возглавляют социальную организацию и руководят революциями».³

Что такое сакральное? В определении понятия сакрального деятели Коллежа следуют в русле классической французской социологической школы, связанной с именами Э. Дюркгейма и М. Мосса. Сакральное понимается как фундаментальная реальность, создающая

единство между людьми в гораздо большей степени, чем те формы солидарности, которые основываются на разделении труда, специализации и функционализации, как то, что в своей основе предлагает феномен причастия. Сакральное присуще обществу как «сложному существу», которое всегда больше, чем сумма его членов. Сакральное, то есть «священное», превосходит пространство религии. Это социальное ядро, которое находится в сердцевине всех человеческих отношений. 4 Оно табуировано, неприкосновенно и дуально в своей природе, относится «в первую очередь к природе трупов, менструальной крови, париев, отверженных и изгоев» и связано с человеком силами влечения и отвращения. 5 Первое – правая половина сакрального, второе – левая. В сакральном ядре в таком акте, например, как жертвоприношение, происходит трансмутация левого в правое, угнетения в возбуждение, происходит преобразование уныния и упадка сил в экзальтацию. Таким образом, функцией сакрального является регенерация общества, его восстановление и сплочение. В качестве примера такой трансформации Батай говорит о трагедии.6

В письме Мишелю Лейрису Батай так говорит о сакральной социологии: «Опыт сакрального — это опыт такого рода, что не может никого и ничто оставить равнодушным. Тот, кто сталкивается с сакральным, уже не способен оставаться чуж-

дым ему, как христианин не может оставаться чуждым Богу. В моих глазах эта сакральная социология, которой некий Коллеж сумел придать форму и узаконить ее, с самого начала как раз и шла в русле христианской теологии (...)Речь шла о том, чтобы представить общество и его игру с таким осознанием судеб, вовлеченных в него, которое принадлежит теологу, когда он рассматривает Бога и церковь».

Деятели Коллежа делят все общества на три типа. Первый тип — общества, где нет сакрального, это общества животных. Второй тип — человеческие общества, там оно есть. И современные общества представляют собой третий тип, общества с исчезающим сакральным. Современное общество сходно с обществом животных, в нем сакральное пребывает на грани исчезновения. Оно, значит, уже не в полной мере человеческое. Место интегрального человека занимает человек функциональный, человек-функция. Только таким образом это общество может хоть как-то поддержать свое единство в условиях, когда сакраль-

ное, если не исчезает, то отодвигается на периферию. Но такое единство слишком зыбко, никто не станет умирать за экономические интересы, модернизацию или политику прагматизма. В заявлении Коллежа Социологии по поводу международного кризиса 1938 года (Мюнхенский сговор) говорится: «Коллеж социологии рассматривает всеобщее отсутствие серьезной реакции перед лицом войны как проявление потери человеком мужества. Мы не колеблясь усматриваем причину этого в ослаблении актуальных социальных связей, которые практически сведены на нет развитием буржуазного индивидуализма». Сакральное — это и то, за что можно и нужно умереть. И именно отсутствие такого в современном обществе беспокоит социологов. Батай ругает мир, «который невозможно полюбить до смерти». Мишель Лейрис пишет «Этому миру не достает того, ради чего я бы был способен умереть». 8

Обезглавливая, редуцируя сакральное, общество встает на путь саморазрушения, аномии, преступлений. Пьер Клоссовски в докладе «Маркиз де Сад и революция» отмечает вслед за героем своего доклада, что восставая против своих господ и обезглавливая затем короля, народ тем самым соглашается с убийством Бога, предпринятом ранее этими знатными вельможами, и не может не идти дальше по пути преступления. Дворянин-либертен убивает Бога и разрушает теократическую

средневековую систему всеобщего служения, претендуя на то, чтобы стать самому господином, но когда народ восстает против него, чтобы самому стать господином, то он сами актом восстания соглашается со смертью Бога. Режим свободы «уже состарившегося и испорченного народа» по де Саду может держаться только на бесчисленных преступлениях, а если захочет перейти от преступления к добродетели,

неминуемо рухнет, так как порожден и связан воедино преступлением, этот режим свободы — ни что иное как доведенное до предела разложение монархии, пишет де Сад в работе, озаглавленной «Французы! Еще одно усилие, если вы хотите быть республиканцами!», которую Клоссовски называет «утопией зла», где описано общество, находящееся в постоянном процессе саморазрушения и аморализма, общество, как отмечает тот же Клоссовски, «соответствующее вполне вероятному состоянию нашего современного общества». Так де Сад оказывается разоблачителем Революции и Просвещения, доводя до

предела их максимы и показывая те темные силы, что завуалированы под общественные ценности. С казнью короля его двойник и в то же время фигура, полностью противоположная ему, находящаяся на противоположном полюсе сакрального, палач, вступает в свои права, Республика в момент своего рождения делает все, чтобы возвысить палача. 10 Сакральность власти — это теперь его сакральность. Впрочем, в пределе «утопии зла» исчезает и он.

Роже Кайуа, опираясь на исследования архаических обществ Дюркгейма и Мосса, вводит понятие зимнего общества, для того чтобы объяснить механизм их постоянного обновления. Понять – значит иметь возможность обновить и западное общество, вдохнуть в него новые силы. Фундаментальное значение тут имеет понятие братства, сообщества избранных, на которые разбивается официальное общество, когда оно «стареет и покрывается морщинами». Братство проявляет свою активность зимой, в трудный, критический период. Годовой символизм соответствует циклам архаичных обществ. Летом область профанного как никогда велика. Но по мере «старения» общества, по мере вступления его в трудный и опасный период зимы необходимо возвращение сакрального, чтобы восстановить и обновить общество. Таким образом, Кайуа переносит представление о реверсивности, свойственное архаическому

обществу, на общество современное. Отсюда неслучайное использование им метафоры зимы, в частности, в своем программном манифесте «Зимний ветер». Обновление общества может состояться именно благодаря работе братств, приносящих потрясения в старое общество. С позиций Коллежа социологии этот период настал, и деятельность самого Коллежа есть именно такая деятельность.

Уже в "Священном заговоре" — манифесте, опубликованном в первом номере журнала "Ацефал", Батай призывал своих собратьев по "Ацефалу" "оставить мир цивилизации с ее светом" и обратиться к "экстазу" и к "пробуждающей фанатизм пляске» 12 (такого рода поведение характерно как раз для «зимних братств»), отмечает Кайуа.

Время, с которым работает Колледж есть, таким образом, время циклическое. Он не приемлет никакие концепты «конца истории», таким

Журнал "Ацефал",№1

и даже самый гегельянствующий из сощиологов Коллежа Жорж Батай вынужден возразить своему учителю Александру Кожеву, опираясь не на гегелевские, но экзистенциалистские настроения, что его жизнь сама есть непредусмотренная в гегельянской системе «безработная негативность», негативность, невозможная в мире конца истории, где больше ничто не может быть отвергнуто. «Я думаю, моя жизнь, ее зияющая пустота, или, еще лучше, ее открытая рана, — сама является опровержением замкнутой системы Гегеля», пишет Батай. ¹³

Критика современного мира была бы неполной, если бы мы не сказали о таком важном факторе как «гомогенизация времени» в современном мире, в результате чего исчезает ритм праздников и будней, где человек соприкасается как минимум с двумя типами времени: взрывным экстатическим священным временем праздника и длительностью будней. Если священный праздник ранее был моментом наивысшего социального напряжения и единения, то теперь он превращается в собственную противоположность, становясь временем чистой пассивности и замедления всех социальных процессов. По настоящему достойно сожаления и может быть названо рабским общество, в котором сплочение и наивысшая активность достигаются в ра-

боте, а не в праздничном свободном выплеске радости. Это вдребезги расколотое общество, каникулы, выходные дни приносят лишь пустоту и неудовлетворенность. «Эфемерное счастье, испытываемое от каникул – обманчивое благополучие, которое скрывает от умирающего вид его агонии». ¹⁴ Возможна ли обратная гетерогенизация времени? Утверждая реверсивность, мы должны говорить и о ней. Иначе нам

уготовано логическое последствие отсутствия праздника, его черный двойник – выплеск энергии и тотальное жертвоприношение войн и революций. Но это не адекватная замена, ведь в ней нет самого главного элемента – трансгрессивности. Всякий праздник повторяет Новый Год, но в той границе, что отмечена маркером новогодья, важна сама граница, а не то, что она отделяет. В празднике важна сама трансгрессия, момент преодоления.

С точки зрения Жоржа Батая, «самым большим злом, поражающим людей, может быть низведение их до состояния служебного ор-

гана». 15 Наиболее яркой формой в современном обществе, где оно выражается, является буржуазная империя необходимости и «военное господство». И, несмотря на то, что фашизм, применительно к которому Батай использовал этот термин, уже в прошлом, крупнейшая империя - США - господствует не только в ценностном, но прежде всего в военном плане, подавляя любое сопротивление силой оружия. Батай предлагает противопоставить империи оружия, империи необходимости империю трагедии и трагического духа свободы, которая не обязательно требует воплощения на внеиндивидуальном уровне, а если воплощается, то в сообществе избранных, тайном обществе. 16 Роже Кайуа, в «Зимнем ветре» призывает к организации ордена, основанного на воле к власти, а не трагедии, вступая в противоречие с Батаем. Как его можно преодолеть? Для этого нужно обратиться к самому понятию трагедии, которое современный мир порой трактует совсем не верно.

Помочь может тут совсем не случайное выступление Пьера Клоссовски со своим переводом текста Кьеркегора «Антигона», как раз и посвященном понятию трагедии. В античной трагедии нет понятия индивида, как его понимает Запад. Индивид в античности всегда включен в рамки субстанциональных определенностей, таких как государство, семья, судьба. Его трагедия обусловлена именно этими определенностями и

не своими собственными действиями. Эта определенность и есть Рок. Только такое измерение трагического и может вызывать чувства страха и сочувствия (Аристотель), переходящих в экзальтацию. Радость перед лицом обреченности, схожая с обреченностью жертвы, то, что Батай назвал «радостью перед лицом смерти», явно под влиянием Хайдеггера, невозможно в трагедии индивида, который единственно виновен

в том, что произошло, а следовательно зол. Так накал трагедии вырождается в морализаторство или аморализм, что в сущности одно и то же. ¹⁷ Современная западная трагедия, начиная с Еврипида, возникает как творение индивида, как литература, тогда как творения Эсхила, Софокла литературой назвать нельзя, говорит о трагедии Рене Гуасталла. ¹⁸ Включенность в эти субстанциональные определенности, одним из которых является полис, гражданская община, или в нашем случае — орден, и есть то, что связывает трагическое с политикой, а значит, и с властью. Так возникает возможность политического, а не только экзистенциального сопротивления империи.

Роже Кайуа называет мир власти миром самой трагедии, Батай отмечает, что власть уклоняется от трагедии и всячески искореняет ее из жизни общества. Но что это за власть, против которой восстает Батай? Здесь вмешивается фундаментальная оппозиция, введенная учителей Кайуа Ж. Дюмезилем. Оппозиция «Митра-Варуна», в которой противопоставляются власть права, установлений, порядка, власть военная и власть магии, власть жреческая. В последней каждый король — это король немейского леса, жертва, казнь которой, как говорит Дюмезиль, «постоянно откладывается», ¹⁹ власть, которая существует, лишь растрачивая себя. Это и есть власть трагическая, тогда как противостоит ей форма власти, доминирующая в современном мире, власть, избегающая собственной жертвы, власть, символизируемая не крестом, но топором палача, ликторской фасцией.

В этом первое возражение против фашизма, где он престает закономерным воплощением развития всей западной цивилизации, воплощением кризиса общества, где наиболее ярко предстают итоги его десакрализации. Это империя оружия, военной силы, власть, отказывающаяся сознательно от своей жертвенной участи, власть не жертвы, но палача. Ей свойственны все пороки современного общества.

По Батаю, фашизм выступает в качестве результата упадка общества, «когда господствующий класс из-за слабости своей власти утратил возможность извлекать выгоду из отклонения центральных силобщества, которые позволяли присваивать богатство. Тогда его охватывает безудержная ностальгия по той власти, которая позволяет установить порядок и выгодно использовать его. Но он оказывается

бессильным восстановить такую власть, двигаясь по пути преступного поороджения сакральных сил, поскольку остается одновременно и непосредственно заинтересованным в ней, и слишком трусливым. Поэтому он прибегает тогда к прямому насилию, к утверждению новой силы военного типа, которая ассоциируется со всем, что остается от сакральных сил, в частности тех сакральных сил, что непосредственно связаны с властью, как например, защита отечества».²⁰

Фашизм корневым образом связан со всей историей Запада и есть закономерный результат интеллектуального и духовного обнищания

его. Денни Де Ружмон, имевший опыт пребывания в Германии 30-х, называет гитлеризм «тамтамом племени, которое расколото». Он поражается тому примитивизму форм сакрального, которое воплощается в фашизме, как будто и не было тех детально разработанных форм, которые знало европейское средневековье. По сравнению с фашизмом мир австралийского аборигена выигрывает во всем, в многообразии, богатстве красок, неоднозначности оттенков. 21

Фашизм — это и усеченная, редуцированная, обрезанная версия сакрального, та, что отрицает свой теневой, левый аспект, противопоставляется ему, но это дискурсивное отрицание сторицей возвращается в зловещем пламени гекатомб Холокоста, точно так же, как отрицание трагической участи короля под бравурные марши обращается самым кровавой в истории человечества бойней, которая заканчивается самоубийством властелина. Миф берет свое.

Фашизм инструментализирует те прорывы сакрального, на которые он опирается. Вслед за Д. Дорофеевым мы можем сказать, что «длительное могущество фашистского режима стояло на том, что он умело использовал в людях как энергию непроизводительной траты, высвобождающую силы гетерогенного, так и продуктивную прагматичность однородного порядка, объединившую в то время людей. Батай смог разглядеть

механизмы и принципы такого использования там, где легко было усмотреть откровение трансцендентной инородности, а самого фюрера признать за посыл самого бытия». В фашизме работает то же исключение, логосная эксклюзивность, которая свойственна всему, как бы мы сказали, работая с терминологией Ж. Дюрана, ультрадиурнистичному стилю Запада, если фашизм исключает другого, то «демократическое» общество исключает трату.

Третья политическая теория оказывается уловкой, обманом, в ней порывы сакрального в наиболее примитивной их форме становятся инструментом тех сил, что ответственны за десакрализацию. Он игнорирует полноту мифа и сакрального и, посягая на эту полноту, незамедлительно получает возмездие.

Коллеж Социологии противопостоит этому обману и предлагает не третий, а четвертый путь. Батай и Коллеж в целом, признавая силу фашизма, которая имела своей точкой концентрации "архаическую, традиционную фигуру суверена" и поддерживалась "союзом военного

и религиозного", сознают, что победить фашизм... можно не иначе, как используя ту же силу инородного, то есть элементы насилия, аффективных состояний, шоковых ситуаций". 22 Они обращаются к тому, что давало силу фашизму, но с совсем другими целями. Критикующие всякое обращение к сакральному. Беньямин и Адорно называют эти попытки фашистскими, в особенности обращая внимание на пассажи из работ Кайуа «Мужество» и «Зимний ветер». ²³ Но и сам Батай называет позицию «Ацефала» «сверхфашисткой», ²⁴ имея в виду именно преодоление фашизма путем осознания его недостаточности, редуцированности и инструментальной роли. Для Кайуа сопротивление фашизму начинается одновременно с сопротивлением демократии, которая заключает в себе его неизбежность. В 1940 году, по завершении деятельности Коллежа, Кайуа противопоставит демократии аристократическую иерархическую республику.

Каков вклад Коллежа в формирование будущей четвертой политической теории? Но не рано ли говорить о вкладе? И разве не важно то, что мы получаем еще одну точку опоры, как и направление движения, разработанные концепции сакрального и трагического, различных видов власти и жертвы, нового ордена и цикличности в жизни обществ, общества, человека, времени, осознание причин нынешнего состояния, как и пони-

мание почему ни демократия, ни коммунизм, ни фашизм не могут быть выходом из него. И не является ли наша архаичность и близость к живому, народному, не литературному мифу в свете концепций Коллежа преимуществом?

Ссылки:

- 1. Дени О. Декларация создания Коллежа Социологии / Коллеж Социологии. Спб, 2004. С. 23
- 2. Там же. С. 24
- 3. Там же. С. 30
- 4. Батай Ж. Влечение и отвращение. Тропизмы, сексуальность, смех и слезы / Коллеж Социологии. Спб, 2004. С 91
- 5. Там же
- 6. Батай Ж. Влечение и отвращение. Социальная структура / Коллеж Социологии. Спб, 2004. С 100-101
- 7. Дорофеев Д.Ю. Растраты одной гетерогенной суверенности. [Электронный ресурс] URL:
- http://anthropology.rchgi.spb.ru/batay/bataiy_i1.htm (дата обращения 10.09.2010)
- 8. Дени О. Коллеж Социологии. Спб., 2004. С. 294
- 9. Клоссовски П. Маркиз де Сад и революция / Коллеж Социологии. Спб, 2004. C.336-344
- 10. Кайуа Р. Социология палача / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 362-370
- 11. Кайуа Р. Братства, ордена, тайные общества, церкви / Коллеж
- Социологии. Спб. 2004. С. 155
- 12. Цит по И. Болдырев, Майкл Вайнград. Коллеж социологии и Институт социальных исследований: Беньямин и Батай
- http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/vai2.html
- 13. Батай Ж.Письмо Х., руководителю семинара по Гегелю ./ Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 58
- 14. Кайуа Р. Праздник. / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 448-449
- 15. Батай Ж. Ученик колдуна. / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 201
- 16. Батай Ж. Братства, ордена, тайные общества, церкви (речь произнесена вместо доклада Р. Кайуа) / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 151
- 17. Клоссовски П. Перевод «Антигоны» Кьеркегора. / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С/171-186
- 18. Гуасталла Р. Рождение литературы. / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С. 299-307
- 19. Цит. По Кайуа Р. Власть / Коллеж Социологии. Спб. 2004. С.117
- 20. Батай Ж. Власть / Коллеж Социологии, Спб. 2004. С. 132-133
- 21. Цит по. Дени О. Коллеж социологии. Спб. 2004. С.165
- 22. Савчук В. Рец.: С.Л.Фокин. Жорж Батай в 30-е годы: Философия.

Политика. Религия.http://www.humanities.edu.ru/db/msg/26858

- 23. И. Болдырев, Майкл Вайнград. Коллеж социологии и Институт социальных исследований: Беньямин и Батай
- http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/vai2.html
- 24. Дени О. Коллеж социологии. Спб, 2004. С. 221
- Р. Кайуа. Братства, ордена, тайные общества, церкви / Коллеж социологии. Спб, 2004. С 147

Нон-модернизация Бруно Латура: к Конституции 4ПТ

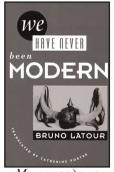
Павел Канищев младший научный сотрудник кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ

Мы привыкли иметь дело с критикой Модерна, исходящей либо от представителей Постмодерна, либо Премодерна, однако современный французский социолог науки Бруно Латур идет дальше как постмодернистов-леваков, так и традиционалистов, а спокойная академичность и конструктивный строй его текстов, безусловно, вызовут симпатию к нему у тех, кто с опаской относится к выходкам постмодернистов, анархо-примитивистов или ваххабитов. Его наиболее известная работа «Nous n'avons jamais été modernes» («Мы никогда не были современными») издана во Франции в 1991 году, в России под названием «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии» ее издали в 2006 году.²

Антропологическая модель Модерна представляет собой определенного рода «гуманизм», постулирующий рождение нового человека как субъекта, принципиально отделенного от

внешних объектов (вещей, предметов, животных). Область сакрального при этом выносится Модерном за скобки. Собственно, вычитанием сакрального и иррационального Модерн стремится достичь очищения субъект-объектных отношений от какихлибо искажений.

Учреждение новой антропологии и нового (современного) человека автоматически первоначально означает фиксацию всего не-нововременного, не модернизированного, не современного в качестве не-человеческого, а значит, либо объектного (природного, раз и навсегда отделенного от человека — и не подлежащего модернизации),

Мы никогда не были современными, Бруно Латур

либо гибридного, а значит, подлежащего модернизации и очищению от архаики. Таким образом, Модерн «разрубает» реальность, ранее представлявшую собой сложное (относительно для различных обществ) единство на социальное (человеческое, субъектное) и природное (объектное). Собственно, Модерн и есть непрерывное разделение, дифференциация. Модерн — это «Бритва Оккама».

Данная онтологическая картина реализована в том, что Латур называет Конституцией Нового Времени. «Конституция» в данном случае означает вовсе не политическую конституцию, а «опреде-

ление людей и не-человеков, их особенности и отношения, компетенции и их объединения», то есть, Конституция у Латура близка к таким понятиям, как «парадигма» и «эпистема».

Однако, анализируя историю науки, Латур показывает, что работа по очистке субъект-объектных отношений одновременно представляла собой конструирование новых гибридов. Подробнейшим образом останавливаясь на таких авторах, как Бойль, Гоббс, Кант и др., Латур показывает, что Конституция Нового Времени не только сама включает в себя гибридов и реализуется в производстве новых гибридов. На множестве примеров он разбирает то, как разделение происходит лишь для того, чтобы встроить вновь нарезанные элементы прежней целостности в новые конфигурации гибридов.

Так, начиная с Гоббса и Бойля, конституируется разделения научной власти, на которую возложена обязанность репрезентировать вещи, и власти политической, которая должна репрезентировать свои субъекты. При этом Латур формулирует смысл Конституции в виде перечня «гарантий», призванных оградить нас от парадоксальной взаимной и одновременной трансцендентности и имманентности человека по отношению к природе и обществу.

Таким образом, «главный пункт нововременной Конституции состоит в том, чтобы сделать невидимой, немыслимой, нерепрезентируемой посредническую работу, которая собирает вместе гибриды. Прерывается ли, однако, эта работа? Нет, ибо нововременной мир тотчас перестал бы функционировать, поскольку он, как и все другие коллективы, живет благодаря этому смешиванию. Великолепие такого механизма проявляется здесь во всем своем блеске. Нововременная Конституция, напротив, допускает расширенное умножение гибридов, существование и даже саму возможность существования которых она отрицает».

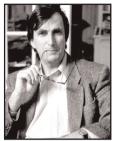
Отдельно Латур останавливается на критике т.н. Первого Просвещения как нового этапа конструирования гибридов:

«Второе Просвещение — Просвещение XIX века. На этот раз точное знание об обществе и его законах позволило обрушиться с критикой не только на предрассудки обычного обскурантизма, но также и на

новые предрассудки, созданные естественными науками. В смешениях первого Просвещения представители второго увидели только неподобающую смесь, которую было необходимо очистить, тщательно отделив ту часть, которая относилась к самим вещам, от того, что можно было отнести к функционированию гибридов экономики, бессознательного, языка или символов. Все прежние мысли — в том числе и некоторые науки — стали нелепыми или приблизительными. Марксизм казался столь долгое время непреодолимым потому, что он, на самом деле, объединил два наиболее мощных ресурса, когдалибо разработанных критикой, и тем самым связал их навеки. Он позволял сохранить долю истины, принадлежащую естественным и социальным наукам, тщательно устраняя при этом их проклятую долю, их идеологию. Он воплотил все чаяния первого и второго Просвещения и подвел под ними черту».

Постмодернисты же представляются Латуру усталыми и разочаровавшимися модернистами, которые продолжают критику, несмотря на то, что утратили веру в её основания. «Постмодернизм — симптом, а не свежее решение. Он живет при нововременной Конституции, но не верит больше в те гарантии, которые она предоставляет».

Латур отрицает возможность постмодернизма, поскольку для него Новое Время так никогда и не началось, а значит невозможно и его преодоление, ибо преодолевать попросту нечего. «Мы не вступаем в новую эру; мы больше не продолжаем панического бегства пост-пост-постмодернистов; мы не цепляемся больше за авангард авангарда; мы больше не пытаемся быть еще хитрее, быть еще критичнее, положить начало еще одному этапу эры подозрения. Нет, напротив, мы замечаем, что так никогда и не начали вступать в эру

Нового Времени. Антинововременные ожесточенно сражаются с эффектами, производимыми Конституцией, но в то же время полностью ее принимают. Антинововременные меняют только знаки и направление своего негодования. Они перенимают у нововременных даже их главную особенность — идею времени с его необратимым движением, которое полностью отменяло бы свое собственное прошлое. Существует только одна по-

Бруно Латур пожительная вещь, которую можно сказать

о постмодернистах: после них больше ничего нет. Отнюдь не являясь концом конца, они знаменуют собой конец концов, то есть конец способов закончить что-либо и пойти дальше».

Для обозначения своего похода, Латур использует понятие «non-moderne» (Нон-модерн) — «не-ново-временность» (или «amoderne» — а-ново-временность). Согласно Латуру, «ненововременным» является тот, кто одновременно принимает в расчет и Конституцию Нового Времени, и отрицаемые ею гибриды:

«Конституция объясняла все, упуская при этом из виду то, что находилось посередине. «Это пустяки, это совсем ничто, простой остаток», говорила она. Теперь гибриды, чудовища, смеси, существование которых она отказывается объяснять, составляют почти что всё — они составляют не только наши коллективы, но также и другие общества, неправомерно называемые донововременными. В тот самый момент, когда двойное Просвещение марксистов, казалось, все уже объяснило; в тот самый момент, когда крах их тотального объяснения привел постмодернистов к тому, что они погрузились в отчаяние самокритики, мы открываем, что объяснения еще не начались и что так было всегда, что мы никогда не были ни нововременными, ни критиками, что никогда не было никакого

прежнего, никакого Старого Режима, что мы никогда так и не покидали прежней антропологической матрицы и что иначе и быть не могло».

Уничижающей критике Латур подвергает универсализм Модерна, вскрывая его подлинные внутренние противоречия:

«Поскольку Конституция верит в полное отделение людей от не-человеков и в то же самое время упраздняет это разделение, она сделала

нововременных непобедимыми. Если вы начинаете их критиковать, заявляя, что природа — это мир, который сконструирован человеческими руками, они вам покажут, что природа трансцендентна и что они не имеют к ней отношения. Если вы скажете, что общество трансцендентно и что его законы бесконечно нас превосходят, они ответят, что мы свободны и что наша судьба находится только в наших собственных руках. Если вы возразите им, что они обнаруживают свою двуличность, нововременные на это скажут, что они никогда не смешивают законы природы и неотъемлемое право человека на свободу. Если вы им поверите и направите свое внимание на что-то другое, они вос-

пользуются этим, чтобы перенести тысячи объектов из природы в социальное тело, сообщая последнему устойчивость природных вещей».

Одновременно взгляды Латура сродни той критике, которой подвергают европейское общество этносоциологи, ^{3,4,5} разоблачающие универсализм Модерна как форму этноцентризма, а сам Модерн в качестве локального типа общества, который благодаря гипертрофированному сосредоточению на технологическом и материальном прогрессе добился глобального господства и стремится утвердиться в качестве универсального.

Так, Бруно Латур предлагает в качестве наглядного примера европейского ученого-этнолога, который, сталкиваясь в экспедиции с представителями архаического племени и демонстрируя им пре-имущества рационального европейского мышления, сталкивается с непониманием и возмущением со стороны монистского мышления аборитенов, что интерпретируется данным этнологом в качестве подтверждения преимущества его позиции над примитивными формами, не способными к взаимодействию с дифференцированными формами мышления.

Латур же предлагает взглянуть на то, что получится, если сам Модерн поставить в позицию «примитивного папуаса». «Давайте предположим, что наш этнолог возвращается в свою страну и пытается отменить внутренний Великий Разлом. И предположим теперь, что благодаря ряду счастливых случайностей он принимается за анализ

одного из множества здешних племен, скажем, племени научных исследователей или инженеров. Ситуация оказывается перевернутой, поскольку здесь и сейчас исследователь применяет уроки монизма, почерпнутые им из предыдущего путешествия. Племя ученых утверждает, что, в конечном счете, оно полностью отделяет знание о мире от нужд политики или морали. Однако в глазах наблюдателя это отделение не является особенно заметным или само

представляет собой побочный продукт гораздо более смешанной деятельности в лаборатории, бриколажа. Информанты утверждают, что они имеют доступ к природе, но этнограф отлично видит, что они имеют доступ только к определенному видению природы, к репрезентациям природы. Это племя, как и предыдущее, проецирует свои собственные социальные категории на природу, но в данном случае принципиально новым является утверждение, что оно этого не делает. Когда этнолог объясняет своим информантам, что они не могут отделить природу от социальной репрезентации, которой они его наделяют, они чувствуют себя оскорбленными, или вообще его не понимают. Наш этнолог

усматривает в их ярости и в их непонимании доказательство их нововременной одержимости. Монизм, в котором теперь живет исследователь, — люди отныне всегда смешаны с нечеловеками — для них невыносим. По причинам социального порядка, заключает наш этнолог, западные ученые нуждаются в дуалистическом отношении».

Отдельно Латур уделяет внимание разбору парадигм Премодерна, Модерна и Постмодерна¹ с позиций Нон-модерна, вычленяя те их характеристики, которые он считает релевантными его концепции от тех, что считает необходимым отбросить:

	То, что мы оставим	То, что мы отказываемся взять
От нововременных	длинные сети размер экспериментирование относительные всеобщности разделение между объективной природой и свободным обществом	разделение между природой и обществом подпольный характер практик медиации внешний Великий Разлом критическое разоблачение всеобщность рациональности
От донововременных	неразделяемость вещей и знаков трансцендентность без ее противоположности умножение нечеловеков темпоральность через интенсивность	обязанность всегда связывать социальный и естественный порядок механизм виктимизации этноцентризм территория ограничения масштаба
От постново- временных	множественное время деконструкция рефлексивность денатурализация	вера в идеологию Нового Времени бессилие критическая деконструкция ироническая рефлексивность анахронизм

Семинар №4 4 ПТ и модернизация российского общества

В качестве прямой антитезы парадигме Модерна Бруно Латур формулирует базовые принципы Нон-модерна в виде четырёх «гарантий» ненововременной Конституции:

Нововременная Конституция

1-я гарантия: природа трансцендентна, но может быть мобилизована (имманентна).

2-я гарантия: общество имманентно, но бесконечно нас превосходит (трансцендентно).

3-я гарантия: природа и общество полностью различны и работа очищения не связана с работой медиации.

4-я гарантия: отграниченный бог полностью отсутствует, но выполняет арбитражную функцию между двумя ветвями правления.

Ненововременная Конституция

1-ягарантия: неразделимость совместного производства обществ и природ.

2-я гарантия. постоянное следование за производством природы, являющейся объективной, и производством общества, которое свободно. В конечном счете действительно существует трансцендентность природы и имманентность общества, но и то и другое не отделены друг от друга.

3-я гарантия: свобода переопределяется как способность сортировки комбинаций гибридов, которая не зависит больше от однородного временного потока.

4-я гарантия: производство гибридов, становясь эксплицитным и коллективным, оказывается целью расширенной демократии, регулирующей или замедляющей его темп.

В заключение приведем цитату из работы «Нового Времени не было», характеризующую как позицию, так и научный стиль Бруно Латура, который на наш взгляд является для четвертой политической теории одним из центральных авторов:

«Антинововременные, как и постмодернисты, ведут игру на территории своих противников. Но нам открылась другая территория, намного более просторная, намного менее спорная — территория ненововременных миров. Это Срединная Импе-

рия, столь же обширная, как Китай, и столь же неведомая нам».

Библиография

- 1. Дугин А.Г. Постфилософия. М., 2008.
- 2. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.
- 3. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.
- 4. Леви-Стросс К. Путь масок. М., 2000.
- 5. Энафф М. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. СПб., 2010.

Кризис политических теорий Модерна в свете торжества технологии над идеологией. Проблема идеологически мотивированного

действования

Сергей Строев кандидат биологических наук старший научный сотрудник ИФ РАН

- Проблема исчерпанности политических идеологий. Обоснование интереса к теме и участия в семинаре. Необходимость «мозгового штурма».
- Не кризис идей, а кризис действования. Проблема торжества политтехнологии и инструментальность идеологий. В чём отличие от ситуации Модерна?
- Значение развития СМИ с учётом атомизации общества и распада социальных связей в силу урбанизации. Феномен массы. Отличие массы мобилизованной от массы развлечённой.
- Успехи психофизиологии. Павлов, бихевиаристы, НЛП. Манипуляция как технология.
- «Неизбежность» коллапса капитализма и его избежание путём виртуализации. Виртуализация производства. Создание управленческих мыслеформ как основное содержание труда в постиндустриальном обществе. Отказ от золотого эквивалента. «Неограниченные» деньги как инструмент власти и мутация природы рынка: безвозмездное присвоение вместо обмена. Тотальность рыночных парадигм как предпосылка тотальности впасти
- Суммирование предпосылок: СМИ и политтехнологии в парадигме рынка. Приватизация государства и конец суверенных наций. Партии как брэнд-рантье на ниточках медиакратии. Между имитацией и маргинализацией. Невозможность свободного идейно мотивированного социального действия, разрыв между идеологией и реальным бытованием политических структур. Обессмысленность слова.

- Возможен ли феномен «политической теории» (большой идеологии) вне Модерна? Ключевой вопрос для ЧПТ: возможно ли и каким образом идеологически мотивированное действие вне поля политтехнологической манипуляции?

Будучи отнюдь не сторонником, а оппонентом и критиком предлагаемого А.Г. Дугиным проекта т.н. «четвёртой политической теории», я, тем не менее, считаю чрезвычайно важной и продуктивной саму постановку проблемы глубокого кризиса идеологий (или в терминологии А.Г. Дугина «политических теорий Модерна»). Мы видим

сегодня их явное перерождение в симулякры, в имитацию, однако данная проблема замалчивается и игнорируется практически всеми политическими силами, предпочитающими разыгрывать спектакль, симулировать борьбу друг с другом и наличие тех или иных политических идеалов, в то время как реальное фактическое бытие этих сил не имеет к декларируемым идеологиям никакого отношения. Выход из поля симуляции представляет трудную и не решённую проблему, т.к. оно целиком охватывает всю политическую жизнь, да и вообще социальные отношения в целом. Данная проблема должна быть предметом своего рода «мозгового штурма» для всех, кто не желает принимать одну из прописанных сценарием ролей в разыгрываемом спектакле. При всех различиях в отношении возможных ответов, первостепенное на сегодня значение имеет сама возможность постановки и обсуждения данных вопросов. Создание интеллектуальной площадки, дающей возможность такого «мозгового штурма», является несомненной заслугой А.Г. Дугина и созданной им школы.

Ключевой тезис моего доклада состоит в том, что кризис политических идеологий определяется не какими-то нарушениями логики в их теории, не открывшимся противоречием их постулатов фактам реальности, а принципиальной невозможностью их реализации, воплощения в реальную политическую

практику. То есть мы имеем дело не с кризисом самих политических теорий, а с невозможностью мотивированного их идеалами свободного (произвольного) политического действования. Проблема состоит в торжестве политтехнологии над политикой, в превращении идеологий из конечных генераторов смысла и цели политического действия в прикладные инструменты манипулятивного управления. При этом

политтехнологии не служат каким-то иным идеологически мотивированным целям, а просто механически воспроизводят сами себя. Как заметил ещё Ж. Бодрийяр «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится всё более совершенным».

И здесь возникает естественный вопрос: что именно настолько изменило социальную реальность? Почему ещё сто лет назад имело место живое и реальное столкновение идей, овладевших массами и ставших реальными историческими силами, а сегодня это невозможно, и любые идеи, независимо от своего содержания и качества, обречены на роль обманок и декораций? Попробуем выделить те факторы, которые определили это изменение — начиная от частных и заканчивая наиболее общими.

Первым таким фактором является развитие средств массовой информации. При этом сам по себе технический прогресс СМИ накладывается к тому же на повышение их эффективности в силу распада традиционных социальных связей сословного общества и вызываемой этим распадом соци-Если общество атомизании. XVIII-XIX характеризовалось множеством социальных связей и структур (будь то крестьянская община, дворянское собрание или купеческая гильдия), если городское общество XX века сохраняло ещё множество социальных связей в рамках больших трудовых коллективов, общественных организаций, соседских общин (коммунальные квартиры), остатков семейно-родственных общин и т.д., то сегодня мы имеем изолированного человека,

замкнутого в отдельной квартире наедине с телевизором и радио. Конечно, как СМИ, так и урбанизация появились не сейчас, весь XX век был временем выхода на историческую арену больших человеческих масс, возникших именно вследствие распада сословно-корпоративной структуры общества «старого порядка». Однако в течение XX века СМИ не достигали сегодняшней мощи, эффективности,

многоканальности и постоянства присутствия в жизни человека, а уровень социальной атомизации не имел столь радикального характера. К тому же в обществе Модерна, в котором сохранялась множественность или хотя бы дуальность конкурирующих центров власти, политические элиты были заинтересованы в использовании СМИ (тогда ещё относительно ограниченных в своих возможностях) как средства синхронизации и мобилизации масс. Сегодня же, в условиях абсолютной монополизации власти, СМИ используются принципиально иначе: не для синхронизации и мобилизации масс, а, напротив, для их десинхро-

низации, раз-влечения, растаскивания в разные стороны, ещё большего усиления эффекта их атомизации.

Вторым фактором, который необходимо отметить, являются успехи технологии манипулирования индивидуальным и коллективным бессознательным. В основе этих технологий лежит тот переворот в науке, который был совершён Павловской школой физиологии и учением о формировании условных рефлексов. Очень быстро эти достижения в рамках популярного в США бихевиоризма были применены к человеку. При этом одной из основных практических идей бихевиоризма стала возможность посредством внешних стимулов управлять всеми поведенческими реакциями организма: как интеллектуальными, так и эмоциональными по своей природе. Причём управлять строго технологически и алгоритмически, однозначно, не допуская случайных отклонений – как любой машиной. При этом бихевиоризм вовсе исключал из рассмотрения феномены сознания, подсознательного, психики и т.д., оперируя лишь категориями предъявляемого управляющего стимула и ответной поведенческой реакции. Параллельно с бихевиоризмом развивался психоанализ - методологически совершенно иное направление, основной идеей которого была первичность бессознательной сферы по отношению к сознанию и возможность для исследователя получить непосред-

ственный доступ к бессознательному, минуя сознание. Сочетание достижений бихевиоризма и психоанализа позволило перейти к разработкам разнообразных методов манипулирования отдельным человеком и человеческой массой, технологической инженерией психических и поведенческих реакций. В предельном виде торжество такого рода инструментального управления человеком и обществом ярко и наглядно

описано в антиутопиях Олдоса Хаксли. Современный мир вплотную подошёл к реализации этих антиутопий, а в чём-то уже и превзошёл их (один из примеров, впрочем, далеко не единственный и даже не самый значительный, хотя и наиболее известный — нейролингвистическое программирование). Манипуляция человеком и человеческими массами, которая в той или иной форме существовала на протяжении всей человеческой истории, окончательно превращена сегодня из высокого элитарного искусства в банальную технологию (имеющую, кстати, явное сходство с техниками оперативной магии). При таком

воздействии объект манипуляции управляется не логическим убеждением, не внешним принуждением или волевым приказом, а — подобно машине — путём формирования и активации своего рода управляющих программ, помимо своей воли и своего сознания. Жертва просто «вдруг» начинает сама хотеть того, что требуется оператору и исполнять это в соответствии с собственным «внезапно возникшим» желанием, в то время как внешняя инспирированность самого этого желания жертвой не воспринимается и не осознаётся.

Теперь учтём, что первый и второй указанные факторы действуют не по отдельности, а синергически. Мощь и всепроникающая способность СМИ умножается на использование технологических, научно выверенных и безотказных технологий управления эмоциями, желаниями и поведением человека, а манипулятивные сигналы, с помощью которых осуществляется оперирование человеком, с помощью СМИ транслируются мгновенно на огромные человеческие массы по всей планете.

Третий фактор состоит в радикальной и коренной мутации капитализма. Основной принцип функционирования капитализма состоит в извлечении прибыли. Для того чтобы существовала прибыль, необходимо, чтобы участники капиталистического хозяйства производили больше, чем потребляли.

Избыток произведённой продукции должен постоянно сбрасываться вовне системы. Иными словами, капитализм может существовать, только постоянно расширяясь, захватывая и осваивая всё новые рынки сбыта, сырья и рабочих рук. Для этого капиталистическое общество должно оставаться непрерывно разрастающимся островком в море некапиталистического мира, за счёт переработки которого капитализм и

развивается. Но, охватив весь земной шар, капитализм неизбежно должен сам уничтожить себя, так как он в принципе не может существовать на ограниченной территории. Извлечение прибыли, т.е. изъятие части прибавочной стоимости у трудящихся в случае замкнутости системы автоматически создаёт ситуацию превышения объёма создаваемой продукции над совокупным платёжеспособным спросом. Это ведёт к сокращению производства, следовательно, к увольнению части работников, ещё большему сокращению платёжеспособного спроса и т.д. по циклу. Параллельно с этой проблемой (дефицитом рынков

сбыта), капитализм сталкивается с проблемой истощения сырья, т.к. капиталистический цикл производства и потребления фактически раскручивает маховик ускоряющейся переработки сырья в отходы, которая во всём своём безумии имеет только смысл поддержания сложившихся социально-экономических отношений. Каким же образом капитализм избежал этого логически необходимого и неизбежного коллапса, предсказанного марксизмом? Он сделал это совершенно фантастическим образом: переходом в виртуальное состояние. Если до этой мутации извлечение прибыли было прямо связано с производством материальных физически существующих товаров, то теперь сначала дополнительной, а затем и основной сферой производства становится производство нематериальных образов. Эта ситуация может быть наглядно иллюстрирована эволюцией рекламы. Если изначально реклама была по своему существу информацией (не важно – правдивой или нет) о свойствах, качествах и полезности выставляемого на рынок товара, то современная реклама не имеет к информированию о товаре никакого отношения. Целью рекламы является создание и внедрение в массовое сознание некоего привлекательного фантастического образа реальности. И именно этот образ становится основным продуктом производства, в то время как сам физический товар превращается лишь в своего рода носитель

этого образа. По сравнению с затратами на разработку и проведение рекламной кампании (не будем забывать, что осуществляется она в соответствии с теми технологиями манипулирования, речь о которых шла выше; соответственно затраты на рекламу включают не только оплату СМИ, но и наём специалистов по технологиям «промывки мозгов») себестоимость самой материальной вещи постепенно становится

пренебрежимо малой величиной. Продаются не куртки и джинсы, а брэнды (об этом, кстати, реклама говорит вполне откровенно). В зависимости от престижности брэнда, которая как раз и определяется объёмом труда (или капитала, представляющего продукт того же труда в отчуждённой форме), вложенного в производство фантомных образов реальности, цена на продукты одного и того же качества и потребительских свойств может отличаться в сотни и тысячи раз. Следовательно, материальный товар как предмет непосредственного физического потребления имеет значение не больше, чем полиэтиле-

новый мешок, в который его заворачивают. Продаётся на самом деле не он, продаётся и действительной ценностью является символизируемый им образ, сформированный и закреплённый рекламой в общественном сознании. Производство информации (не столько знаний и технологий, хотя и их тоже, сколько именно виртуальных образов) разрешает кризис капитализма, поскольку оно почти не имеет пределов капиталоёмкости рынка потребления и не лимитировано наличием невосполнимых природных ресурсов. Такое виртуальное производство может развиваться в соответствии с логикой капитализма – то есть бесконечно расширяясь и без каких-либо ограничений обеспечивая рост виртуальных единиц прибыли. Это позволяет капиталистическим общественным отношениям оторваться от реального производственного базиса и от ограничений реальных объективных законов, обретя неуязвимость в виде условно и произвольно заданных правил игры, которую, буде в ней случится внутренний сбой, всегда можно попросту перезапустить. В итоге мы имеем ситуацию, когда основные производительные силы общества вкладываются в создание своего рода Матрицы – совокупности искусственно создаваемых и внедряемых в массовое сознание образов, формирующих автономную виртуальную вторичную реальность, которую подавляющее большинство общества воспринимает как единственно

существующую и в которой (и по правилам которой!) осуществляются все социальные интеракции.

Наконец, четвёртый фактор состоит в виртуализации финансов и отказе от золотого эквивалента, что в корне меняет саму природу рынка. Классический либеральный рынок основан на принципе обмена различными товарами, заключающими в себе равный объём

общественно необходимого труда. То есть в классическом рынке для того, чтобы что-то приобрести, необходимо что-то равное по стоимости отдать взамен. Такой рынок подчиняется объективным законам, причём этим законам вынуждены подчиняться все его участники, независимо от различия в богатстве, влиянии и т.д. Деньги в этом случае служат лишь посредником обмена и, будучи или непосредственно золотыми или жёстко привязанными к золоту, сами заключают в себе соответствующую меру общественно необходимого труда. Совершенно иная ситуация возникает тогда, когда деньги отвязываются от золотого

эквивалента, а их производство превращается в монополию замкнутой корпорации. В этом случае рынок из инструмента экравноценного обмена превращается вивалентного инструмент безвозмездного присвоения, так как реальные продукты труда обмениваются теперь на условные эквиваленты стоимости, себестоимость производства которых или приближается к нулю или просто равна нулю. Однако, получив потенциально в свою собственность весь материальный мир (поскольку всё оценивается в денежных единицах, а произвести любой номинал этих единиц не составляет труда), монопольно производящая деньги олигархия самим ходом событий переключается из режима присвоения и удержания собственности в режим присвоения и удержания власти. Рынок, законы которого из объективных стали субъективными, становится теперь инструментом управления и непосредственной власти. Именно этим и определяется современная псевдолиберальная волна рыночного фундаментализма. Поскольку рынок есть основной инструмент власти, любые нерыночные ценности и отношения ограничивают пределы этой власти - поэтому и делается попытка либо всё-таки включить их в поле рынка, либо уничтожить. Именно поэтому сегодня мы видим попытку включить в рынок буквально всё - государство, медицину, образование, социальный статус, искусство, науку, знания и на-

выки, семейную жизнь, все формы общественных и межличностных отношений, этические и моральные нормы и, наконец, самого человека, включая его тело целиком и по частям. Между тем, мировая финансовая олигархия, навязывающая человечеству представление о деньгах как об абсолютном и универсальном эквиваленте не только стоимости, но и ценности, сама стоит вне рыночных парадигм.

Произвольно и неограниченно производя денежные знаки, она не имеет никакого интереса их зарабатывать и накапливать, гнаться за прибылью как таковой. Напротив, она использует производимые ею деньги как инструмент чистой власти, награждая ими объекты контроля в меру их согласия играть по предписанным правилам. Распространяя параллельно с этим представление о деньгах как о единственном и конечном смысле жизни, определяющим статус человека в обществе и доступность любых благ и удовольствий, финансовая олигархия может позволить себе купить поведение всех и каждого.

Суммируем перечисленные предпосылки. В парадигме тотальности рыночных отношений каждый субъект рынка стремится продать себя и свой труд по наилучшей цене наиболее платёжеспособному покупателю. Это относится и к журналистам, и к издателям, и к политтехнологам, и к пиарщикам. Наилучшую цену всегда и при любых условиях может предложить тот, кто владеет монополией производить деньги из ничего по нулевой себестоимости. Это значит, что именно финансовая олигархия будет выступать заказчиком для СМИ, и СМИ будут использовать все свои колоссальные возможности для формирования такого общественного мнения и такой картины реальности, которые заказывает финансовая олигархия. Это значит, что специалисты, владеющие технологиями манипулирования общественным мнением и поведением, тоже будут продавать свои знания и умения финансовой олигархии, и вся наука об управлении человеческим поведением, подсознанием и сознанием будет работать на ту же задачу. На ту же задачу будет работать и составляющая львиную долю совокупного общественного производства фабрика виртуальных образов. На ту же задачу будет работать государство, включая законодателей, управленцев, полицию и судебную систему – ибо все они также существуют в парадигме рыночного общества и стремятся извлечь наибольшую выгоду из своего положения и своей деятельности. На ту же задачу и по той же причине будет работать вся си-

стема общественного воспитания, включая школу. На ту же задачу будет работать искусство, включая шоу-индустрию, кино, театр, живопись, литературу и т.д. А это значит, что все они, в свою очередь, будут всячески поддерживать, распространять, развивать и углублять саму парадигму тотальности и универсальности рыночных отношений и денежного эквивалента. Цикл обратной связи замыкается.

Рассмотрим в этой ситуации деятельность любой политической партии. Она имеет доступ к СМИ (а, следовательно, возможность обратиться к атомизированным телевизор-смотрящим массам населения), легальный статус (а, значит, парламентскую трибуну и освобождённые ставки для партийных руководителей), финансовые ресурсы и т.д. ровно до тех пор, пока её действия являются приемлемыми для СМИ и государства — т.е., в конечном счёте, для заказчика их услуг — финансовой олигархии. Если партия хочет иметь легальный статус, то у неё нет иного выбора, как в своей практической деятельности исходить из требований Системы и, следова-

тельно, отказаться от следования каким бы то ни было идеологическим принципам. Именно поэтому идеологии и превращаются в симулякры, а политические партии – в банальных рантье, живущих на ренту с того или иного популярного политического брэнда. Если же политическая партия отказывается от этой роли, она автоматически подпадает под бойкот СМИ (и уже фактически не может обратиться к населению) и теряет официальный статус (не важно, формально законным или незаконным путём - в любом случае чиновничество, суд и силовые органы будут на одной стороне, и именно их позиция будет представлена СМИ обществу). Далее, потерявшая доступ к СМИ, возможность участвовать в выборах, думскую трибуну и финансовые источники существования организация неизбежно маргинализуется, теряет все практические возможности хоть как-то влиять на ситуацию, превращается в политическую секту, а её образ в массовом сознании СМИ формируют в соответствии с интересами заказчика. Таким образом, единственной реальной альтернативной имитации в рамках Системы оказывается маргинализация и, в конечном итоге, всё равно попадание в одну из предписанных ролей. В этом и состоит причина кризиса идеологий Модерна. Полный разрыв между формально провозглашаемыми брэнд-идеологиями и реальным бытованием политических структур в рамках капиталократической Системы ведёт к тотальному обессмысливанию и обесцени-

ванию слова, поскольку за словами не стоит более возможности подкрепить их делом. Сами условия постиндустриального, постмодернистского общества исключают возможность существования овладевших массами идеологий как реальных действующих сил истории. По-видимому, идеологии («политические теории» по А.Г. Дугину) являются специфическим феноменом Модерна, и, как они не существовали в традиционных

обществах Премодерна (поскольку холистический мир Традиции не предполагает выделения политики, равно как и науки, искусства и т.д. в автономную сферу), так и не будут существовать после перехода в Постмодерн (поскольку тотальная плюральность Постмодерна предполагает бесконечное дробление и взаимное заражение и смешение прежде автономных и очерченных сфер культуры).

Не составляет труда умозрительно выдумать новую политическую теорию. Можно даже не ограничиваться одной «четвёртой», а изобрести сразу заодно также «пятую», «шестую» и т.д. Ключевой вопрос состоит в

том, что фактор, приведший старые политические теории к выхолащиванию и превращению в симулякры, продолжает с тем же успехом действовать и на любую новоизобретённую идеологию, делая её заведомо мёртворождённой. Поэтому предварительным условием рождения любой новой политической теории, если нас не устраивает участие в имитации политики, является ответ на вопрос: возможно ли (и какими средствами) сегодня свободное, произвольное идеологически мотивированное действие? Возможен ли выход за рамки искусственно созданной виртуальной реальности? Можем ли мы что-то (и что именно) противопоставить технологии самовоспроизводства капиталократии (и медиакратии как её подсистемы)? Именно с решения этих вопросов, а не с декларации тех или иных ценностных систем и идеалов следует, на мой взгляд, начинать любой ответственный разговор о политике и идеологии. Потому что без ответов на эти вопросы любое политическое теоретизирование лишь множит иллюзорные сущности и укрепляет манипулятивную лже-реальность.

Литература

- 1) А.Г. Дугин. Четвёртая политическая теория. СПб.: Амфора. 2009.
- 2) Жан Бодрийяр. Прозрачность зла. Перевод Л.Любарской, Е.Марковской. М.: Добросвет, 2000.
- 3) А.И. Субетто. Капиталократия (философско-экономические очерки). СПб.: ПАНИ; КГУ им. Н. А. Некрасова, 2000.
- 4) С.А. Строев. Инферногенезис. В сборнике: Революционная линия. Сборник статей. СПб.: Издательство Политехнического Университета, 2005. http://russoc.kprf.org/autor.htm
- 5) С.А. Строев. Инструментарий капиталократии. СПб.: Издательство Политехнического Университета, 2009. http://russoc.kprf.org/News/0000151.htm
- 6) С.А. Строев. Реквием. СПб.: Издательство Политехнического Университета, 2010.

Четвертая политическая теория.

Материалы семинара
политология и политика в современном мире
Центра Консервативных Исследований
Социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова
Научно-аналитическое издание.
Выпуск I. XXX стр.

Печатается по решению кафедры Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

© - авторы

Редактор *Дугин А. Г.* Корректор *Новгородова А. И.* Верстка *Максимов И. В.*

Подписано в печать 18.01.2011 Формат издания 133х203. Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,8. Тираж 300 экз.

Отпечатано с электронной версии в ООО "Книга по Требованию", 119270, г. Москва, Лужнецкая наб., д 2/4, стр.6, оф. 106